

TARTU ÜLIKOOL
VENE KEELE ÕPPETOOL
ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ
И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ЛИНГВИСТИКА

Новая серия
V

Русский язык:
 система и функционирование

ТАРТУ 2001

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ
И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

ЛИНГВИСТИКА

TARTU ÜLIKOOL
VENE KEELE ÕPPETOOL
ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ
И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ЛИНГВИСТИКА

Новая серия
V

Русский язык: система и функционирование

Ред. И. П. Кюльмоя

TARTU ÜLIKOOLI
KIRJASTUS

Редколлегия: С. Евстратова, Е. Костанди, Ю. Кудрявцев,
И. Кюльмоя, О. Паликова, Т. Троянова, А. Штейнгольд,
В. Щаднева

Редактор тома: И. Кюльмоя

Технический редактор: О. Паликова

© *Статьи и публикации:* авторы, 2001

© *Составление:* Кафедра русского языка Тартуского
университета, 2001

Tartu Ülikooli Kirjastus / Издательство Тартуского университета
Тийги 78, Тарту 50410
Эстония

Order no. 249

ОГЛАВЛЕНИЕ

С. Б. Евстратова (Тарту). Языковые средства выражения оценочности в газетных заголовках (на материале русского и эстонского языков)	7
Е. И. Костанди (Тарту). Тип связи и тип текста	19
Ю. С. Кудрявцев (Тарту). Морфонология старославянских глаголов IVб класса	33
И. П. Кюльмоя (Тарту). Категория вида и семантико-синтаксическая структура предложения в русском языке	54
О. Паликова (Тарту). К вопросу о формировании семантики производного слова	62
Е. Ю. Протасова (Хельсинки). Роль диминутивов в современном русском языке	72
Т. Троянова (Тарту). Метафорические значения существительных, связанных с семантическим полем религии и мифологии (характеристика человека)	89
С. Н. Туровская (Таллинн). Модальные конструкции необходимости с именными предикатами (об употреблении прилагательного <i>нужен</i>)	96
Э.-О. Хааг (Тарту). О лингвистической интерпретации причинно-следственных отношений.	106
М. А. Шелякин (Тарту). Употребление видовых форм в инфинитиве русского языка	110
А. Штейнгольд (Тарту). Что значит выражение <i>перемыкать косточки?</i>	142
В. П. Щаднева (Тарту). К вопросу о функциях порядка слов в русском языке	165
П. Эслон (Таллинн). Русско-эстонский словарь сочетаемости глаголов: исходные положения	176
Summaries	198

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНОЧНОСТИ В ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКАХ (на материале русского и эстонского языков)

С. Б. ЕВСТРАТОВА

Наши наблюдения над характером оформления газетных заголовков на русском и эстонском языках свидетельствуют о том, что именно заголовки, с одной стороны, соотносятся с текстом, конденсируя в себе его содержание, а с другой — подвержены влиянию таких экстралингвистических факторов, как публицистический менталитет, особенности национального характера аудитории, различия в культурной и политической ориентации и др.

Проведенный нами сопоставительный анализ позволил прийти к выводу о том, что в подавляющем большинстве описанных нами заголовков в издающихся в Эстонии русских газетах доминирует прагматическая, оценочная функция (мы понимаем прагматику как воздействие на адресата посредством оценочности, выражения авторской точки зрения на описываемые события), в то время как названия публикаций на эстонском языке чаще выполняют собственно информативную функцию [Мельцер-Евстратова 1999]: напомним, что речь идет о 69% общего количества описанных нами газетных заголовков, не совпадающих при переводе с одного языка на другой. В целом для заголовков на эстонском языке характерна большая упорядоченность, сюжетность, меньшая субъективность, поскольку в них усилена информативная функция: автор констатирует факт, воздерживаясь от оценки; подчеркивается отсутствие у автора скрытой цели — акцент делается на

информации. У заголовков же статей из русских газет доминирует прагматическая функция: автор фокусирует свое отношение к описываемому факту, учитывая ценностные ориентации и пристрастия адресата. Например:

- (1) *Haigusrahapetturid võltsivad siniseid lehti.* (Расхитители больничных денег подделывают больничные листы).¹ Postimees. 21.06.01 // *Синий лист от стыда не краснеет.* Эстония. 25.06.01.
- (2) *Kareda vald müüb võlgade katteks lasteaias.* (Волость Кареда продает детский сад за долги). Postimees. 26.06.01 // *Бюджетную дыру закрывают детьми.* Эстония. 27.06.01
- (3) *Tagaotsitav endine eriüksuse liige pääses tapja kuulidest.* (Находящийся в розыске бывший член спецподразделения спасся от пуль убийцы). Eesti Päevaleht. 9.06.01 // *По муромской дорожке...* Эстония. 12.06.01.

Продолжая данное исследование, мы попытаемся выявить, какие именно языковые средства способствуют реализации отмеченных функций на лексическом и грамматическом уровнях. Прежде чем перейти к анализу конкретных примеров, хотелось бы сделать несколько общих замечаний относительно языковой оформленности газетных заголовков на русском и эстонском языках. Информативная функция языка связана с регулярностью и однотипностью используемых языковых единиц, а оценочная (прагматическая) — с их нестандартностью и идиоматичностью в широком смысле слова, что прослеживается на нашем материале. Прагматическую функцию газетных заголовков на русском языке усиливают широкое употребление экспрессивно окрашенной лексики: *придирается, отмахнуться, смешно*; фразеологизмы: *яблоко раздора*; игра со словами, построенная на противопоставлении их лексических значений: *бедняк / богач, удачная неудача*; “коммуникативные фрагменты”, окруженные образными ассоциациями: *по муромской дорожке, мое имущество меня сбережет, коррупция крепчает, утечка мозгов* — и другие лексические средства. В соответствующих заголовках, переведенных на эстонский язык, доминирует информативная функция, без яв-

¹ В скобках дается дословный перевод.

ной оценочности фокусирующая сам факт, о котором говорится в статье.

Анализ газетного материала на синтаксическом уровне позволяет утверждать, что в газетных заголовках, встречающихся в эстонской прессе, преобладают более частотные для эстонского языка предложения с эксплицированным сказуемым, четким выделением темы и ремы, в то время как в названиях статей на русском языке актуальную структуру предложения зачастую усложняют такие средства, как коннотации слов, их противопоставление, наличие местоимений, отрицаний, модальных форм, соотносимых с актуальным членением, и т.д.:

- (1) *Tudengid kannatavad poliitilises haridustülis.* (Студенты пострадают в политической распре на почве образования). Postimees. 11.06.01 // *Яблоко раздора.* Эстония. 12.06.01
- (2) *Viljandi invaliid süüdistab sotistõetajaid laste varguses.* (Инвалид из Вильянди обвиняет соцработников в краже детей). Eesti Ekspress. 21.06.01 // *С кем ребенку жить?* Эстония. 26.06.01
- (3) *Vanglaseinte vahel möllab surmaviirus.* (В тюремных стенах свирепствует смертельный вирус). Postimees. 27.06.01 // *“Пустышка” для ВИЧ-инфицированных.* Эстония. 28.06.01.

В русских заголовках очень частотной является конструкция с устраненным субъектом:

- (1) *Muulaste võõrdumus riigist on süvenenud.* (Отчужденность неэстонцев от государства усилилась). Postimees. 20.06.01 // *Насильно мил не будешь.* Эстония. 21.06.01.
- (2) *Purjus topis kukkus kõrgelt pangalt vigaseks.* (Пьяное чучело упало с высокого обрыва, получив повреждения). Eesti Päevaleht. 21.06.01 // *Знал бы, где упадешь...* Эстония. 25.06.01.

Рассмотрим на конкретном языковом материале, взятом из издающихся в Эстонии русских газет, какие основные группы лексико-грамматических средств “работают” на реализацию прагматической функции. На данном этапе исследования методом сплошной выборки нами было выделено 265 заголовков из республиканских и региональных газет “Эстония”, “Молодежь Эстонии” (в дальнейшем — МЭ), “День за днем” (далее — ДД), “Вести-Неделя +” (далее — Вести), “Наша жизнь” и “Северное побережье” за 1997–2001 гг. Подразделяя газет-

ные заголовки на несколько групп в зависимости от используемых в них лексико-грамматических средств выражения прагматической направленности, мы исходим из того, что провести четкие границы между данными группами невозможно, поскольку в одном названии статьи могут применяться несколько способов реализации оценочной функции. Учитывая данный момент, мы представляем выделенные газетные заголовки.

Самую многочисленную группу заголовков, имеющих явно выраженную прагматическую направленность (32%, или 84 названия статей) составили:

I. Устойчивые выражения, экспрессивно окрашенные сочетания слов фразеологического характера.

К данной группе заголовков можно отнести и так называемые прецедентные выражения, понимание подтекста которых требует владения определенным объемом фоновой информации.

- (1) *Ведают, что творят!* (ДД. 2.03.2001)
- (2) *Летние дни молодежи: первый блин не был комом.* (МЭ. 1.07.1998)
- (3) *Первый блин — комом.* (ДД. 2.03.001)
- (4) *Крестины на высшем уровне.* (ДД. 2.03.2001)
- (5) *Охота на ведьм.* (Вести. 2.02.2001)
- (6) *Пока гром не грянул.* (ДД. 2.03.2001)
- (7) *Быт или не быт: обыкновенная история.* (Эстония. 26.11.2000)
- (8) *В поте духа своего.* (Эстония. 26.11.2000)
- (9) *Кому в Евросоюзе жить хорошо?* (Наша жизнь. 7.12.2000)
- (10) *Больницы всего города, объединяйтесь!* (Вести. 2.02.2001)
- (11) *Кошелек или жизнь?* (Вести. 2.02.2001)
- (12) *На воре шапка горит, но не всегда.* (Вести. 2.02.2001)
- (13) *Не в деньгах счастье?* (ДД. 2.03.2001)
- (14) *Что понятно ежу?* (ДД. 2.03.2001)
- (15) *Не загоняйте себя в угол.* (ДД. 2.03.2001)
- (16) *Докажи, что не верблюд!* (Эстония. 28.06.01)
- (17) *Коррупция в Эстонии крепчает.* (Эстония. 28.06.01)
- (18) *Мое имущество меня бережет.* (Эстония. 12.06.01)
- (19) *Восток — дело тонкое.* (Эстония. 12.06.01)

Приведенные сочетания фразеологического характера субъективны уже потому, что, во-первых, одним из основных их свойств является экспрессивная окрашенность, а во-вторых, автор высказывания должен иметь определенный объем дополнительных языковых и неязыковых знаний, чтобы выразить свою установку: знать косвенные смыслы этих выражений, содержащиеся в них намеки и иносказания, ситуации, в которых они могут употребляться. Создатели таких заголовков ориентируются на некоторый объем знаний, имеющийся у адресата. С одной стороны, это усиливает доверительность интонации в диалоге между отправителем и получателем информации, но с другой — исключает определенное количество потенциальных адресатов, которые не смогут включиться в языковую игру, поскольку не поймут скрытого смысла названия статьи и могут не заинтересоваться ее содержанием.

Большинство устойчивых выражений употребляется в трансформированном виде (примеры 1, 2, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 17, 18), что иногда изменяет оттенок прагматической направленности на прямо противоположный. Например, первое выражение представляет собой трансформацию отрицательного предложения в утвердительное; библейское "...ибо не ведают, что творят" — в первоисточнике имеет оттенок всепрощения, произнесший эти слова Иисус оправдывает совершивших зло людей, объясняя их действия неведением. В газетном же тексте, где речь идет о ложном обвинении в подтасовке статистических данных по раскрытию преступлений, — видимо, с целью переключить внимание общественности, — трансформация высказывания придает ему совершенно иное звучание, которое усиливается восклицательной интонацией предложения. Если в библейском контексте Христос прощает людей, объясняя их деяния неведением, то в приведенном нами газетном заголовке содержится осуждение умышленно творящих зло. Аналогичная трансформация, но утвердительной конструкции в отрицательную, происходит в примерах 2 и 3, что закономерно влечет за собой изменение отношения автора к тому, что он сообщает: третий заголовок предшествует статье, в которой попытка создания новых

учебников по русскому языку оценивается отрицательно; второй настраивает на положительное восприятие информации о Летних днях молодежи.

В некоторых фразеологизмах происходит замена лексем: в примере 4 лексема *встреча* в достаточно частотно употребляемом газетном штампе заменяется словом *крестины*, что придает ироническую тональность заголовку. Аналогичным образом изменяются форма и содержание заголовков 8, 9, 10, 17, 18. В примере 7 происходит грамматическая замена глагола на имя существительное, при этом используется такой прием, как паронимазия, намеренное сближение слов, имеющих сходство в звучании: таким образом привлекается внимание к заголовку. Прилагательное *обыкновенный* само по себе содержит оценку, однако в данном контексте оно наращивает свой семантический потенциал, поскольку речь идет о продолжающих усложняться бытовых проблемах студентов (быт уже и бытом не назовешь) — явлении, становящемся, к сожалению, обыденным. Прагматическая направленность заголовка 9 не реализуется до конца, поскольку не учитывается степень информированности адресата. Это стандартная конструкция, которая предположительно обладает наибольшей силой воздействия, но в данном случае она не работает на массового читателя, поскольку часть его изменилась. В примерах 13 и 14 утвердительные предложения трансформируются в вопросительные (в 14 примере при этом происходит и замена указательного местоимения *это* вопросительным *что*) и в данном контексте становятся маркированными: они не выполняют функции вопроса, поскольку газета не предполагает запроса информации, а дает ее. При замене лексики в примерах 8, 9, 10, 17, 18 выражение частично теряет обобщенное значение, относится к конкретной ситуации, но ореол обобщенности сохраняется.

Неслучайным представляется явное преобладание предложений с усложненной актуальной структурой, оттеняющей и усиливающей прагматическую направленность данной группы газетных заголовков.

Отмеченные лексические и синтаксические языковые средства усиливают описательную, прагматическую функцию названия статьи — думается, в этой оценочности сказываются косвенное влияние российской прессы с ее броскостью, эмоциональной насыщенностью заголовков, а также особенности национального менталитета носителей сопоставляемых языков.

Вторую по частотности группу заголовков (51, или 19%) представляют

II. Субъективно окрашенные конструкции, выражающие разные виды отношения высказывания к действительности и содержащие императивные формы глагола, модальные слова, восклицания:

- (1) *Осторожно, водитель!* (ДД. 2.03.2001)
- (2) *Замуж, замуж!* (ДД. 2.03.2001)
- (3) *Проявите мудрость, господин президент!* (Эстония. 26.11.2001)
- (4) *“Встречайте! Я — санитарная инспекция!”* (Северное побережье. 14.06.1997)
- (5) *“Я Чубайса не отдам!”* (Эстония. 26.11.1997)
- (6) *Застраховано должно быть все, у всех и всегда.* (Северное побережье. 14.06.1997)
- (7) *“У вас не хватит денег, чтобы меня посадить!”* (Вести. 2.02.2001)
- (8) *Милости просим в квартиру номер 8.* (Вести. 2.02.2001).

В 46 проанализированных нами примерах (17% заголовков) использовались

III. Лексемы, в основном денотативном значении которых содержится оценочность:

- (1) *Бедняк Сависаар и богач Мыйз.* (Вести. 2.02.2001)
- (2) *Геракл в кино, на сцене и в жизни.* (Эстония. 26.11.2001)
- (3) *Хулиганская выходка или политическая провокация?* (Наша жизнь. 7.12.2000)
- (4) *Хуже только в России и Латвии.* (Эстония. 26.11.97)
- (5) *Лучшее средство — встряска.* (Вести. 2.02.2001)
- (6) *Наш мармелад не просто вкусен, но и очень полезен.* (Северное побережье. 14.06.1997)

- (7) *"Конкордия" заждалась богатого жениха.* (Эстония. 28.07.1999)
- (8) *Энн Тарто по-прежнему придирается.* (Эстония. 26.11.2001)
- (9) *Бессилие кровавого палача.* (Вести. 16.03.01)
- (10) *Ужасная жизнь финна в Ласнамяэ.* (МЭ. 21.10.00)

Газетная оценочная лексика играет очень большую роль в современных СМИ как "наиболее важный и крупный разряд газетного словаря. Эта многообразная и влиятельная в газете лексика удовлетворяет острую потребность газетно-публицистической речи в выражении социальной оценки предметов, явлений и понятий общественной жизни" [Солганик 1981: 36]. Данное высказывание касалось прессы советского периода, но оно остается актуальным и в настоящее время, когда представления об окружающем мире стали совсем иными.

Оценочность очень часто используется в газетных заголовках, усиливая их прагматическую направленность, в скрытой или явной форме она присутствует практически во всех рассмотренных нами названиях статей. Отчасти такую особенность можно объяснить тем, что в наше перенасыщенное информацией время зачастую очень сложно воспринять ее в полном объеме — и тут на помощь приходят эмоции, образное, ассоциативное мышление, ведь именно оценка обеспечивает возникновение ассоциативной связи.

Как было отмечено ранее, наиболее часто оценка выражается с помощью лексики, изначально содержащей оценочный компонент, однако дополнительную эмоционально-экспрессивную окраску и оценку выражению может придавать и употребление слова в тех или иных контекстуальных значениях. При анализе собранного нами материала мы выделили 35 таких примеров (13% общего количества).

IV. Контекстуальная обусловленность конкретного значения слов:

- (1) *Финские серебреники и права человека.* (Эстония. 26.11.1997)
- (2) *"Красные права".* (МЭ. 20.06.01)
- (3) *Центр "Линдакиви" стал "культурнее".* (Эстония 26.11.2001)
- (4) *Цветочки "Форда".* (Вести. 2.02.2001)

(5) *Отморозки*. (ДД. 22.06.01).

В приведенных примерах предполагается отсылка к более широкому контексту, за счет чего формируется прагматическая направленность: чтобы “расшифровать” смысл заголовка 3, нужно владеть информацией о том, что “Линдакиви” — это отремонтированный культурный центр в Таллинне; для понимания смысла заголовков 2 и 5 необходимо знать, что в первом случае речь идет о последнем сроке замены старых, “красных” водительских прав, выданных жителю Эстонии на территории бывшего СССР, а во втором — о моде на крионизм — замораживание тела, которое через много лет медики попытаются вернуть к жизни. В последнем примере срабатывает так называемый “эффект обманутого ожидания”, значение слова оказывается неожиданным, поскольку, используемое обычно в разговорной речи, оно имеет иной смысл. Конкретное значение слова *серебреник* (пример 1) — мелкая серебряная монета, которую чеканили на Руси в X–XI вв. В статье, имеющей приведенное название, речь идет о публичном заявлении бывшего финского премьер-министра Калеви Сорса: Финляндия закрывала глаза на явные ущемления прав человека в СССР, чтобы не портить отношений с соседом, от которого в какой-то степени зависело материальное благополучие страны. Слово *серебреник* становится оценочным, ассоциируясь с 30 серебрениками, полученными Иудой за предательство Христа, — а это обычная для того времени цена раба.

Одним из достаточно распространенных лексических средств формирования экспрессивности, оценочности газетных заголовков является употребление бытовой лексики, жаргонизмов, элементов просторечия (19 примеров, или 7% общего количества).

V. Использование жаргонизмов, элементов просторечия с целью формирования прагматической направленности газетных заголовков:

- (1) *Вы из нас “зайцев” не делайте!* (Эстония. 26.11.1997)
- (2) *Финны облыжались*. (ДД. 2.03.2001)
- (3) *Момент реальный, крутой и конкретный*. (ДД 2.03.2001)

(4) *Постмодернизм — это пофигизм?* (Вести. 16.03.01)

(5) *“Запал” на педигри пал.* (ДД. 15.06.01)

“Особенность газетной образности, основанной на материале бытовой лексики, заключается в близости, доступности этой образности массовой аудитории. <...> Бытовая лексика как источник экспрессивности близка языку газеты и вследствие широких оценочных возможностей ее” [Солганик 1981: 102].

На основании проанализированного нами материала можно сделать предварительный вывод о том, что в меньшей степени для усиления оценочности заголовков используются игра слов, построенная на противопоставлении лексических значений (15 примеров, или 6% общего количества), и образование деривационных и орфографических неологизмов (15 примеров, или 6% общего количества).

VI. Игра со словами, построенная на противопоставлении лексических значений:

(1) *Две Чечни — одна война.* (ДД. 2.03.2001)

(2) *Чужие для своих.* (Эстония. 26.11.1997)

(3) *Беспомощность сторукого Шивы.* (Эстония. 29.08.2000)

(4) *Самая удачная неудача.* (ДД. 2.03.2001)

(5) *Смех от боли.* (ДД. 2.03.2001)

(6) *Бомж при собственной квартире.* (ДД. 2.03.2001)

Газетные заголовки 3–6 построены по принципу оксюморона, они содержат семантически контрастные слова и привлекают внимание своей противоречивостью, парадоксальностью, хотя отражают справедливые мысли: 3 — содержит оценку деятельности Коалиционной партии, во многом оказавшейся несостоятельной; 4 — в статье рассказывается о кулинарной ошибке, результатом которой стало рождение пирога Tarte Tatin, украшающего меню многих ресторанов; 5 — речь идет о постановке комедии А. Островского “Бешеные деньги”, перекидывающей мостик к нашему сегодня; 6 — заголовок предшествует статье о подлоге, имевшем место при оформлении квартирной сделки. Элементы языковой игры, используемые в газетных заголовках, придают им оценочный характер.

VII. Образование деривационных и орфографических неологизмов, паронимазия:

- (1) *Шведизация завершена.* (Эстония. 29.08.2000)
- (2) *“Войнушка” с “Eesti Telefon”.* (Эстония. 20.06.01)
- (3) *Спортофрения, как и было сказано.* (ДД, 15.06.01)
- (4) *Брош Ура о ново-русском постЪимпериалистическом языке.* (Эстония. 29.08.2000).
- (5) *Никсон пил, бил и хотел бомбить.* (Эстония. 29.08.2000)
- (6) *Безголовые уголовники.* (ДД. 20.03. 2001)
- (7) *СПИД не стит.* (Эстония. 2.03.2001)

В примерах 1–3 обыгрываются словообразовательные возможности языка, ведь “образование нового слова, пусть по узаконенной модели, — это творчество” [Санников 1999: 151]. Экспрессивность слова, а вместе с тем и его оценочность, особенно усиливается при наличии контраста в структуре окказионализма, семантической рассогласованности компонентов слова: *войнушка, спортофрения.*

Примеры 5–7 представляют собой широко используемые в газетных заголовках каламбуры, т.е. смысловое объединение в одном контексте “либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию” [Санников 1999: 490]. Представленная в приведенных примерах паронимазия, или обыгрывание формального сходства в звучании слов или словосочетаний, является одной из самых распространенных разновидностей каламбура.

Безусловно, описанные результаты наших наблюдений не могут быть основанием для каких-либо универсальных выводов, однако они помогают обозначить явно выраженную тенденцию: при том, что и эстоноязычная, и русскоязычная пресса республики носит в настоящее время достаточно экспрессивный, оценочный характер, в газетах на русском языке данная закономерность прослеживается более четко, и именно перечисленные языковые средства, в первую очередь, реализуют прагматическую функцию газетных заголовков.

ЛИТЕРАТУРА

- Вольф Е. 1983 — *Функциональная семантика оценки*. Москва.
- Мельцер-Евстратова С. 1999 — Газетный заголовок как средство выражения авторской установки. *Valoda — 1998. Humanitaras fakultates VIII zinatniskie lasijumi*. Daugavpils. 118–125.
- Санников В. 1999 — *Русский язык в зеркале языковой игры*. Москва.
- Солганик Г. 1981 — *Лексика газеты*. Москва.

ТИП СВЯЗИ И ТИП ТЕКСТА

Е. КОСТАНДИ

В ряде работ ранее нами уже анализировались различные типы синтаксической связи с точки зрения их обусловленности коммуникативно-прагматической направленностью текста: признаками автора и адресата, целевой установкой, условиями коммуникации и т.д. Частично при этом затрагивался и вопрос соотношенности типа синтаксической связи и типа текста. Так, в частности, отмечалось, что на уровне словосочетания наблюдаются довольно существенные различия в использовании основных типов связи (управление, согласование, примыкание) в текстах, относящихся к разным стилям. Если в научных и особенно в официально-деловых текстах наиболее частотным типом связи является управление, то в художественных текстах его доля сокращается, в этом наиболее “свободном” типе текста возрастает частотность наиболее факультативного типа связи — примыкания [Костанди 1997б]. Определенного рода различия отмечались нами также при анализе сочинительной связи слов в текстах разных стилей. Соединение в сочинительном ряде различных членов предложения способствует тому или иному моделированию языковой действительности, например, сочетание однородных сказуемых моделирует ряд единичных линейно развертывающихся действий с выдвижением на первый план описательности, изобразительности, что более характерно для художественного текста. Регулярное соединение, например, в официально-деловых текстах, таких членов предложения, которые чаще всего в структуре языкового события выступают как “предметы”, актанты (однородные подлежащие и дополнения), ведет не к линейному

последовательному развертыванию языковой действительности, “а к усложнению глубинной структуры предложения и структуры текста, к превращению предложения в инвариант, за которым стоит множество конкретных ситуаций, в каждой из которых представлен один актант, “действитель” из ряда однородных членов” [Костанди 1999а: 72]. В указанной работе были рассмотрены также некоторые особенности использования сочинительной связи слов, участвующей в построении связного текста, в актуальном членении предложения и текста, в научном и публицистическом стилях.

Частично анализировались нами и функциональные особенности предикативной связи в разных типах текстов и разных конкретных текстах, что позволило установить зависимость выбора типа сказуемого от авторской установки [Костанди 1999в: 2000]. Как показал анализ материала, использование одного из основных механизмов формирования текстовой связности — субституции — также в значительной степени обусловлено типом текста, его отнесенностью к определенному стилю, целевой установкой и т.д. [Костанди 1993].

В двух последних работах по данному кругу проблем — одна из работ опубликована [Костанди 2001], вторая находится в настоящее время в печати — была предпринята попытка комплексного анализа всех типов синтаксической связи с точки зрения их соотносительности с общей коммуникативно-прагматической направленностью целого текста. В находящейся в печати статье рассматриваются синтаксические связи дотекстового уровня (подчинительная и сочинительная связь слов, предикативная связь, связь между частями сложного предложения) в двух художественных текстах — “Душечка” А. П. Чехова и “Машенька” В. Набокова. В другой статье [Костанди 2001] на материале этих же текстов анализируются текстовые связи: субституция, коннекторы, актуальное членение, грамматические средства связности. Таким образом, в целом дается системный анализ функционирующих на всех языковых уровнях типов и средств связи, устанавливается обусловленность их использования не только определенными общезыковыми правилами, закономерностями, но и конкрет-

ной коммуникативно-прагматической направленностью текста. Выбор тех или иных синтаксических связей соотносится с признаками моделируемого субъекта речи, особенностями создаваемой художественной действительности. Однако использование языковых средств в художественном тексте — особый вопрос, оно априорно определяется авторским замыслом писателя и не всегда позволяет судить об общих закономерностях. В настоящей статье будут рассмотрены функциональные особенности разных типов и средств синтаксической связи в нехудожественных текстах. В качестве материала будут использованы три текста, принадлежащие типологически разным авторам — индивидуальному и коллективному, различающиеся по времени и условиям их создания, особенностями целевой установки, признаками не только автора, но и адресата. В то же время данные тексты частично пересекаются по содержанию и по признаку принадлежности к одной сфере функционирования: они связаны с характеристикой действий человека, оцениваемых как преступные или не преступные, и используются в судопроизводстве. Последнее обстоятельство позволяет определить различия в использовании языковых средств в данных текстах по большей части как прагматически обусловленные. Это речь известного адвоката XIX в. С. А. Андреевского по делу Мионовича [Речи 1985], речь печально известного деятеля сталинской эпохи А. Я. Вышинского по делу “троцкистско-зиновьевского террористического центра” [Судебные речи 1953] и “Уголовный кодекс Эстонской ССР” [Уголовный кодекс 1984]. Далее рассмотрим наиболее явные отличительные черты названных текстов с точки зрения использования разных типов и средств синтаксической связи.

Анализ словосочетаний, то есть подчинительной связи слов, позволяет выявить прежде всего следующую особенность. Наиболее частотным типом подчинительной связи (около 70% от общего числа связей в словосочетании) в тексте кодекса является управление, то есть связь в значительной степени предопределяемая, особенно в случае сильного управления, языковыми правилами и в меньшей степени зави-

сящая от автора. Типичны для данного текста словосочетания такого рода:

- (1) *утвердить кодекс; ввести его в действие; поручить Президиуму; установить порядок введения в действие кодекса; утвердить перечень актов; утрачивающих силу в связи с введением кодекса в действие; имеет задачей охрану строя.*

Следует подчеркнуть, что часто управление используется в тех случаях, когда в других коммуникативных условиях, в других типах текстов для передачи этого же общего значения могли бы использоваться другие типы связи, ср.:

- (2) *права и свободы граждан — гражданские права и свободы; интересы Союза ССР — союзные интересы; территория Эстонской ССР — эстонская территория; представители государств — государственные представители; граждане Союза ССР — советские граждане.*

Такое построение словосочетаний означает, разумеется, не только использование конкретного типа связи (управление), но и изменение средств связи (падеж) и преобладание сочетаний определенных частей речи (глагольно-субстантивные и субстантивно-субстантивные словосочетания), что в целом ведет к акцентированию объектных отношений.

Речь С. А. Андреевского не отличается какими-либо явными особенностями в использовании различных типов связи в словосочетаниях. Анализ текста не дает возможности говорить о существенном преобладании какого-либо типа связи, отличающем данный текст от относительно нейтрального употребления. В третьем тексте, речи Вышинского, значительно возрастает доля согласования, т.е. широко используются сочетания существительного с зависимым прилагательным (причастием, согласуемым местоимением, порядковым числительным), напр.:

- (3) *суровое осуждение; любимейший ученик; всенародный позор; справедливое, непреклонное и суровое решение; разгромленные эксплуататорские классы; глубокое и могучее народное движение; бесчисленные колхозы; сверкающие стальные ленты; непревзойденная великая любовь.*

В этой связи приведем примеры не только отдельных словосочетаний, но и типичных для данного текста предложений, избилующих подобными словосочетаниями:

- (4) Презренная, ничтожная, бессильная кучка предателей и убийц — она думала остановить своими грязными преступлениями биеение могучего сердца нашего великого народа! Презренная, ничтожная кучка авантюристов пыталась грязными ногами вытоптать лучшие благоухающие цветы в нашем социалистическом саду.

В данном тексте наиболее частотными становятся словосочетания, направленные в первую очередь на характеристику предмета, его оценку, что усиливается соответствующим лексическим значением слов.

Как уже отмечалось нами ранее, “выбор типа связи может соотноситься с определенным фокусом восприятия внеязыкового и моделирования языкового события. Согласование, например, прежде всего моделирует “совпадение” предмета и его признака, признак, “согласующийся” с предметом. Наблюдая, воспринимая предмет, субъект речи одновременно воспринимает и признак предмета: цвет, размер, форму и т.д. (*высокий дом, красное платье, прямая дорога*). <...> Управление моделирует прежде всего объектные отношения, дающие иную фокусировку соотношения предмета и его признака. Объект часто может быть отдален от действия, предмета (ср.: *Брат написал отцу. Мы восхищаемся его поступком*), и для их соединения в предложении требуется большая отстраненность воспринимающего субъекта, а не непосредственное наблюдение, соответственно — дополнительные усилия со стороны субъекта. Таким образом, два типа связи — согласование и управление — могут быть в определенной степени соотнесены с наличием непосредственного наблюдателя или более отстраненного субъекта” [Костанди 1997б: 100]. Отмеченные выше особенности в использовании управления и согласования также могут быть соотнесены с общей направленностью анализируемых текстов. Для текста закона характерна более отстраненная, абстрагированная точка зрения на некоторое инвариантное событие, а не его непосредственное (зрительное, слуховое, чувственное и т.п.) восприятие. Речь Вышинского

имеет противоположный характер: объективная информация, описание реальных событий “тонут” в риторике, изначальной оценочности, прагматизированности, воздействии на эмоции адресата. Формированию разных позиций способствует и использование словосочетаний определенного типа.

Сочинительная связь слов, ряды однородных членов предложения — также один из способов реализации коммуникативно-прагматической установки и тем самым — соотносённости с текстом в целом [Костанди 1999а, б]. Отметим лишь одну яркую особенность в использовании сочинительной связи: для одного из текстов — речи Вышинского — характерно явно чрезмерное использование сочинительных рядов, что можно увидеть, например, в следующем предложении:

- (5) *И разве не лучшим доказательством этого несокрушимого, подлинного единства и сплочения народных масс вокруг великого Сталина, вокруг нашего ЦК, вокруг нашего советского правительства являются мыслимые только в нашей стране широкие, массовые, народные совещания передовиков фабрик, заводов, транспорта, хлопковых и свекловичных полей, животноводства, комбайнеров и трактористов, стахановцев и кривоносовцев с руководителями партии и правительства.*

Такого рода конструкции — гиперболизированный риторический прием, выражение подчеркнутой оценочности, что, как уже отмечалось выше, в целом присуще данному тексту.

Функционирование предикативной связи в рамках каждого из текстов требует специального тщательного анализа. Характер использования предикативных категорий времени, наклонения, лица, соединение подлежащего и сказуемого с помощью связки или без нее, использование разных типов связок и конкретных лексем-связок с модальными, эмоциональными, фазисными оттенками значений, со значениями становления, обнаружения, восприятия признака и др. — все это играет важную роль в передаче различного рода коннотаций, в структурировании текста, что ранее на другом материале рассматривалось нами [Костанди 1999в]. Полный анализ предикативной связи потребовал бы отдельной, именно этому посвященной работы, но поскольку целью настоящей статьи является

сопоставление разных типов синтаксической связи и типа текста, то и при характеристике предикативной связи ограничимся рассмотрением лишь некоторых ее функциональных особенностей. Показательно использование разных способов установления предикативной связи в речи С. А. Андреевского, где достаточно отчетливо выделяются фрагменты текста (порой довольно большие, в несколько абзацев, порой же, напротив, совсем небольшие — одно-два предложения или даже часть сложного предложения), различающиеся по признаку использования / неиспользования связки для соединения предмета предикации (подлежащего) и предикативного признака (сказуемого). Частотность использования сказуемых со связкой, как составных именных, так и составных глагольных, резко возрастает в частях текста, содержащих авторскую оценку событий, комментарии, и напротив: сказуемое без связки (простое глагольное) становится более частотным при описании предполагаемых реальных событий, действий. Так, первая часть речи представляет собой общую авторскую установку, характеристику дела и хода его расследования и судебного рассмотрения в целом — большинство сказуемых (около 70%) в этой части составные, напр.:

(6) не желали бы уйти в потемки; желали бы предложить; не следует забывать; останется историческим; есть несчастье; следует изучить и отметить; будете внимательны; нужно заметить; нельзя было разрешить; именовался исполнителем; будьте откровеннее; легче; не нарушена; можем трактовать; принялись работать; стали опровергать; были разделены.

Как явствует из примеров, широко используются модальные связки, позволяющие автору передать различные субъективно воспринимаемые оттенки значений, чистая связка, в том числе и в нулевой форме, усиливающая признаковость предиката, фазисные связки, позволяющие взглянуть на событие как бы со стороны, в его протяженности и — как следствие такого взгляда — выделить разные периоды действия.

После содержащейся в начале речи общей характеристики следует часть текста, в которой автор воссоздает предполагаемые события, а авторская оценка, различные комментарии,

характеристики либо отходят на второй план, либо вовсе исчезают. Соответственно меняются и пропорции использования сказуемых со связкой и без связки, более частотными, как уже было сказано, становятся простые глагольные сказуемые, ср.:

- (7) *прибыла; запирался; сбегала; уехать; убегали; приехала; положим; пробыла; выйдет; ехала; видим; вышла; испустила дух; не знаем; видел; возвращалась; выходит; умерла; брали; совпадают; не указывают; вошел; отвечают.*

Использование простых сказуемых делает появление различного рода добавочных оттенков значений невозможным. Разумеется, самые разные коннотации могут появляться в результате использования других языковых средств, однако тип сказуемого, характер предикативной связи в меньшей степени способствует дополнительной окрашенности.

Таким образом, мы видим, что предикативная связь также соотносится с типом текста, будь то целый текст или его фрагменты. Использование связки для соединения подлежащего и сказуемого позволяет охарактеризовать связь основных компонентов предложения и тем самым языкового события в целом, что делает предикативную связь одним из важнейших средств выражения прагматической установки, соотносит предложение с общей направленностью текста, с образом автора.

Еще одна особенность в использовании синтаксических связей, на которую следует обратить внимание — установление связи между частями сложного предложения. Анализируя текстовые свойства сложного предложения, М. В. Ляпон отмечает, что “уже сам по себе выбор связующего средства, с помощью которого говорящий соединяет фрагменты информации, когда он строит высказывание в форме сложного предложения, есть не что иное, как операция умозаключения, поскольку этот выбор предопределен тем выводом, к которому говорящий приходит, оценивая и квалифицируя отношения между соединяемыми фрагментами, т.е. подвергая информацию специальной логической обработке” [Ляпон 1982]. Таким образом, тип связи, тип сложного предложения является одним из важнейших средств передачи результатов ментальных

действий автора и, следовательно, авторского отношения, которое лежит и в основе формирования конкретных текстов и типов текстов.

Анализируемые тексты явно различаются по признаку использования в них сложных предложений. Так, для кодекса сложные предложения в целом не характерны, комплексные события чаще передаются осложненными предложениями с однородными и особенно часто — обособленными членами предложения, как в следующих примерах:

- (8) *Преступлением признается предусмотренное настоящим Кодексом общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на общественный строй Союза ССР и Эстонской ССР, их политическую и экономическую системы, социалистическую собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права и свободы граждан, а равно иное, посягающее на социалистический правопорядок, общественно опасное деяние, предусмотренное настоящим Кодексом; Лица, совершившие преступления в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, подлежат уголовной ответственности лишь за убийство, умышленное нанесение телесных повреждений, причинивших расстройство здоровья, изнасилование, разбой, грабеж, кражу, злостное (или особо злостное) хулиганство, умышленное уничтожение или повреждение государственного, общественно-го или личного имущества граждан, повлекшее тяжкие последствия, хищение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ, а также за умышленное совершение действий, могущих вызвать крушение поезда.*

Таким образом, различного рода умозаключения, устанавливающие временные, условные, уступительные, причинно-следственные и другие подобные отношения, отходят на второй план, становятся не характерными для данного текста, что можно объяснить общей целевой установкой текста: он призван дать однозначную, на данный момент уже не требующую доказательств характеристику действий.

Противоположная картина наблюдается в тексте другого типа, основная цель которого именно путем умозаключений, логических доказательств убедить аудиторию в правильности определенной точки зрения на то, как происходили предпола-

гаемые события. Таким текстом является речь С. А. Андреевского, насыщенная сложными предложениями разных типов, ср.:

- (9) *Когда присяжные заседатели вынесли свой приговор, то не только никто не успокоился, что судьи внесли ясность, но, напротив, все принялись работать над этим делом с новым усердием: ученые стали опровергать экспертизу, публицисты критиковали судебных деятелей, беллетристы придумывали рассказы, в которых по-своему разгадывали судебную драму; И если мы достаточно вооружены для подобной операции, то, конечно, такая защита будет самой правильной, как потому, что этим путем совесть судей очищается от всяких сомнений, так и потому, что нет совершеннее возражения со стороны подсудимого прокурору, как ясный отвод обвинения к определенному другому лицу, как простая формула: "вы меня приняли за другого".*

Речь Вышинского также, казалось бы, призвана убеждать, для чего автор должен совершать различные логические операции, одним из языковых средств передачи которых и является сложное предложение, однако сложные предложения далеко не частотны в данном тексте, более характерно для него использование простых осложненных предложений, ср.:

- (10) *Каждый шаг нашего движения вперед связан с ожесточенным сопротивлением врагов, поднимающих против нас все силы старого мира, всю мразь, всю накипь старого общества, мобилизующих и бросающих на борьбу с нами самые преступные, самые отъявленные, самые отпетые и разложившиеся бесчестные элементы.*

По характеру использования сложных предложений текст речи может быть определен скорее не как ориентированный на доказательность, а как текст, констатирующий определенное положение дел, не требующее доказательств. Среди используемых сложных предложений наиболее регулярными являются присубстантивные определительные предложения, с помощью которых автор может характеризовать предмет, факт, лицо, давать им оценку, напр.:

- (11) *Ужасна и чудовищна цепь этих преступлений, направленных против нашей социалистической родины, преступлений, каждое*

из которых достойно самого сурового осуждения и самой суровой кары; И разве не служат ярким доказательством этого единства и те могучие волны народного гнева против гнусных убийц, которые перекатываются сейчас из конца в конец нашей страны!

Преобладание именно этого типа сложных предложений соотносится с подчеркнутой изначальной оценочностью текста в целом. При этом следует отметить, что большее разнообразие в использовании сложных предложений разных типов появляется в частях текста, где есть хотя бы видимость доказательств.

Особый уровень синтаксических связей — текстовая связность, для формирования которой может использоваться множество различных средств: лексические средства (коррелятивный и некоррелятивный лексический повтор), коннекторы, устанавливающие логические отношения между частями текста, актуальное членение, обеспечивающее распределение информации по степени ее коммуникативной значимости, грамматические (морфологические и синтаксические) средства. Даже перечень всех средств, используемых в анализируемых текстах, с их краткой характеристикой потребовал бы целой отдельной работы, дать же достаточно полный анализ этих средств в рамках данной статьи не представляется возможным. Поскольку нашей целью является сопоставление различных синтаксических связей, остановимся лишь на одной, наиболее явной, особенности, свидетельствующей о соотношенности и текстовых связей с общей коммуникативно-прагматической направленностью, с типом текста. Наиболее эксплицитным средством связности является субституция, лексический повтор, т.е. повторная номинация, появляющаяся в ходе развертывания текста, создающая цепочки субститутов, не только соединяющие отдельные предложения и части текста друг с другом, но и в значительной степени формирующие общую структуру текста, отвечающую коммуникативному заданию. Сопоставление трех анализируемых текстов свидетельствует о существенных различиях между ними по признаку использования в качестве субститутов тех или иных кон-

кретных средств: чистого лексического повтора, местоименного, синонимического, нулевого замещения, перифраз и т.д. Общая закономерность заключается в том, что с возрастанием субъективной окрашенности, оценочности меняется характер субститутов, наиболее частотными становятся синонимы, позволяющие не столько точно указать на предмет, факт и т.п., сколько охарактеризовать, оценить их. Так, подавляющее большинство субститутов в тексте кодекса — чистый лексический повтор, при редком использовании местоимений и почти при полном отсутствии синонимов, перифраз, нулевого замещения, вносящих неоднозначность, различного рода коннотации, ср.:

- (12) *кодекса — кодекса — кодекса — Кодекс — кодекс — кодекс — кодекс — Кодекса — Кодекса — Кодексу — Кодекса — Кодексом — Кодексу — Кодексу.*

В речи С. А. Андреевского шире используются различные средства субституции, однако при назывании, например, подзащитного, Мироновича, преимущественно также используется чистый лексический повтор, как в следующей цепочке субститутов:

- (13) *Мироновича — Мироновича — Миронович — Мироновича — Мироновича — Мироновича — Миронович.*

Автор подчеркнуто устранился от оценки, говоря максимально нейтрально о своем подзащитном, однако то же лицо (Миронович) называется различными способами, когда автор передает чью-либо точку зрения, например, эксперта:

- (14) *кто — убийца — Миронович — подсудимый — лакомка.*

В третьем тексте, как уже неоднократно отмечалось, изначально оценочном, самым частотным средством субституции являются синонимы и перифразы, ср.:

- (15) *люди — обвиняемые — преступники — убийцы — банда людей — враги — нацисты — мразь — элементы — остатки классов — группы — националисты — псы — авантюристы.*

Как показывает сопоставление даже отдельных примеров, средство связности оказывается одновременно и средством

передачи авторского отношения и формирования более нейтрального либо, напротив, субъективно окрашенного текста.

Таким образом, анализ материала свидетельствует о том, что типы синтаксической связи взаимообусловлены и соотносятся с общей коммуникативно-прагматической направленностью текста, целевой установкой, с типом текста. В тексте, не имеющем цели воздействия, убеждения, чаще отношения между компонентами языковой действительности устанавливаются таким образом, что моделируется отстраненная точка зрения субъекта, “не вторгающегося” в языковую действительность: он не представлен как непосредственно присутствующий, не совершает логических операций, максимально устранен. При наличии выраженной авторской точки зрения цель воздействия, убеждения может достигаться различными способами, один из которых тяготеет к логическому обоснованию своей точки зрения, другой — к прямой изначальной оценке, которая “навязывается” адресату. Разумеется, авторская цель достигается в результате использования множества языковых средств, среди которых и синтаксическая связь занимает свое место. Установление связи — это всегда одновременно и квалификация соотношения компонентов внеязыковой и языковой действительности. Следовательно, синтаксическая связь является одним из значимых средств выражения авторской цели, прямо соотносясь тем самым с типом текста, в основе формирования которого также лежит авторская установка.

ЛИТЕРАТУРА

- Костанди Е. И. 1993 — Роль лексического повтора в вертикальной организации разных типов текстов. *Вопросы сопоставительно-типологического исследования разносистемных языков: общетеоретические и конкретные вопросы функциональной грамматики*. Таллинн. 62–69.
- Костанди Е. И. 1997a — Тип связи как способ реализации коммуникативно-прагматической установки. *Ivairių tipų tekstų / diskursų (kalba, literatura, didaktika)*. Kaunas. 133–142.

- Костанди Е. И. 19976 — Синтаксическая связь как средство реализации коммуникативно-прагматической установки. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. I*. Тарту. 94–104.
- Костанди Е. И. 1999а — Коммуникативно-прагматическая направленность сочинительной связи (на материале художественного текста). *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. II. Прагматический аспект исследования языка*. Тарту. 90–96.
- Костанди Е. И. 1999б — Коммуникативно-прагматический аспект сочинительной связи. *Humanitārās fakultātes VIII zinātniskie lasījumi*. Daugavpils. 67–75.
- Костанди Е. И. 1999в — Некоторые особенности текстовой функции сказуемого. *Труды по знаковым системам. 27*. Тарту. 292–303.
- Костанди Е. И. 2000 — Прагматические функции связи. *Функции и взаимодействие языковых единиц в тексте*. Таллинн. 57–67.
- Костанди Е. И. 2001 — Связность как средство реализации коммуникативно-прагматической установки *Humanitārās fakultātes XI zinātniskie lasījumi*. Daugavpils. 214–218.
- Ляпон М. В. 1982 — Структура отношения и ситуативные условия его реализации в сложном предложении. *Русский язык: Текст как целое и компоненты текста. Виноградовские чтения XI*. Москва. 63–77.

ИСТОЧНИКИ

- Речи 1985 — Андреевский С. А. Дело Мироновича. *Речи известных русских юристов*. Москва. 119–153.
- Судебные речи 1953 — Вышинский А. Я. Дело троцкистско-зиновьевского террористического центра. *Судебные речи*. Москва. 382–424.
- Уголовный кодекс 1984 — *Уголовный кодекс Эстонской ССР*. Таллин.

МОРФОНОЛОГИЯ СТАРОСЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛОВ IVБ КЛАССА

Ю. С. КУДРЯВЦЕВ

§ 1. Состав. Общие задачи исследования сформулированы в [Кудрявцев 1998: 213–216], где дается анализ глаголов IVа класса в интересующем нас аспекте. В настоящей работе описаны по той же схеме глаголы IVб класса. Знак * после глагола указывает на двойную мотивацию и на то, что данный глагол присутствует также в списках другого словообразовательного типа.

В [ССС] содержится 87 глаголов IVб класса на **-ѣти**, включая **пльзѣти**, **хотѣти**, **въсхотѣти**, **похотѣти**, **въшоумѣти**, но исключая **опрьѣти**, и 35 глаголов IVб класса на **-ати** после исконно мягких согласных. Отделяя приставки и первые части сложного слова, получаем 44 глагольные основы.

пльзѣти, зафиксированное 1 раз в форме прич. **пльза Супр**, в словаре дано с вариантной реконструкцией инфинитива: **“пльзѣти или пльзити”** [ССС: 451]. Относим этот глагол к IVб классу по характерной именно для этого класса нулевой ступени аблаута в корне. Далее, контекст **иде пльза** противоречит реконструкции значения итератива к глаголу движения, но допускает понимание данной лексемы как глагола состояния. См. также [Вайан 1952: 288].

хотѣти образует большинство форм настоящего времени по III классу [Вайан 1952: 289]. Однако используемая при этом основа **хош-** (не ***хотѣи-**) не согласуется с инфинитивом на **-ѣти**. В рамках III класса данный глагол занимал бы обособленное положение. Поэтому относим его к IVб классу на осно-

ве соответствия друг другу форм 3 л. мн. ч. и причастия наст. вр. и форм от основы инфинитива. Так же поступает А. Вайан, хотя и называет этот глагол “совершенно неправильным” [там же].

въшоумѣти, согласно [Вайан 1952: 288; Крысько 1996: 25], спрягается по IVб классу, а не по III, как указано в [ССС: 159].

В [ССС: 415] реконструируется наряду с **опръѣти** ‘опереться’ как возможный вариант **опьръѣти** — глагол IVб класса. Приводимый пример **възвѣша вѣтри • ѿ опьръѣша сѧ храминѣ твоѧ** по значению указывает скорее на действие, чем на состояние. Поэтому можно полагать, что **ѣ** в данной форме неорганический, и в действительности она была образована от основы **опръѣ-** < ***oper-** I класса. Так у А. Вайана [1952: 337, 425]. Исключаем форму **опьръѣти** из рассмотрения как иллюзорную. Аналогично (но с другим, морфологическим обоснованием) [Крысько 1996: 31].

Ради экономии места не помещаем здесь алфавитного списка основ. В отличие от [Кудрявцев 1998] все бесприставочные основы анализируемого класса упомянуты в нижеследующем тексте.

§ 2. Анализ выявляет 4 синхронных словообразовательных (мотивационных) типа.

Девербативы со значением состояния (дуративы).

бѣдѣти — бѣюти, (**оу**)**гльбѣти** — (**оу**)**гль(в)нжти**, **движати** (**сѧ**)- **двигнжти**, **кричати*** — **крѣкнжти**, (**при**)**льпѣти** — (**при**)**льнжти**, **мръзѣти*** ‘вызывать отвращение’ — (**по, съ**)-**мръзнжти** (**сѧ**) ‘замерзнуть; покрыться льдом’, **мъчати** ‘кидать’ — (**из, про**)**мъкнжти** (**сѧ**) ‘вынуть, извлечь; распространиться, разгласиться’, **мьнѣти** — (**по**)**манжти** / (**по**)**мѣнжти**, **пльзѣти** ‘ползать, ползти’ — (**по**)**пльзнжти** (**сѧ**) ‘поскользнуться, споткнуться’, **стоѣти** — **стати**, **станѣ**, **тръпѣти** — (**оу**)**трънжти** ‘застыть на месте’, (**при**)**тажати*** — (**въс, про, съ, оу**) **тагнжти**.

Сюда же с определенной осторожностью могут быть отнесены:

♦ **блъцати** (**сѧ**) — ***blъsknōti**, **blъsknō**?

Ср. др.-рус. *блѣсноути* [Срезневский 1: 118; СДРЯ 1: 240; СРЯ 11–17, 2: 237–238]. Материал по современным славянским языкам см. [ЭССЯ 2: 130–131].

♦ **видѣти*** — к атематическому **veimь, veisti?*

Неправильный глагол, по А. Вайану [1952: 290]. Следы исходного атематического глагола сохранились в парадигме **видѣти** в форме императива **виждь** и причастия **видомь** [Фасмер 1: 312]. О последнем иначе [Вайан 1952: 273]. Сохранилась также его перфектная форма **вѣдѣ** ‘я знаю’ < **woid-a-i*¹ с закономерной перегласовкой в корне [Семереньи 1980: 310]. Напротив, наличный в старославянском глагол V класса **вѣмь**, **вѣдѣти** имеет неисконный вокализм. Ср. неперфектные формы и.-е. соответствий [Фасмер 1: 283], с нулевой огласовкой корня. **вѣдѣти** вообще сильно перестроен (так, согласно [Osten-Sacken 1913–14: 230–231, прим.], инфинитив **вѣдѣти** восходит к претериту IVб кл.), и этот глагол нельзя рассматривать как производящий по отношению к анализируемому.

Формулировка “первоначальный атематический глагол” [Фасмер 1: 312] по отношению к **видѣти** излишне категорична. В пользу нулевой ступени — как характерного признака IVб класса — свидетельствуют лит. *raudydėti* ‘завидовать’, др.-прусс. *widdai* ‘видел’, лат. *vidēre* ‘видеть’, гот. *wītan* ‘смотреть, наблюдать’, греч. *ῥιδᾶν* ‘увидеть’. Напротив, императиву **виждь** как форме атематического глагола соответствует лит. стар. *veizdi* ‘смотри!’ с его дифтонгическим вокализмом и производное от этого [Фасмер 1: 312] *véizdžiu, veizdėti* ‘глядеть, смотреть’, также греч. *εἶδον* ‘увидел’, гот. *weītan* ‘видеть’. Представляется, что готский сохранил первичную оппозицию производного глагола *wītan* с нулевой ступенью и со значением состояния ‘смотреть, наблюдать’ производящему

¹ У М. Фасмера [1: 284] **woid-a-i* с медиальным *-*ai*. Эта точка зрения сейчас оспаривается, см. [Семереньи 1980: 308]: «Первоначально перфект имел только окончания “активного залога”» и аргументацию там же. Наше членение обосновывается в [Кудрявцев 1998: 230].

глаголу *weitan* с полной ступенью и со значением (психического) действия 'видеть'.

Таким образом, мы делаем вывод о контаминации первоначального **vǫdēti* с собственным производящим.

♦ **вьрѣти** — к несохранившемуся **vьrǫ, verti*?

Следы производящего могут быть обнаружены в ц.-сл. *vrouci* [Вайан 1952: 289], др.-рус. *врутьць* 'родник, ключ?' [Срезневский 1: 316], *βεροῦτζη* у Константина Багрянородного². Отметим кстати, что форма *вьрж* у М. Фасмера [1: 362] недостоверна: в источниках ССС отмечена только одна форма данного глагола, прич. *вьрашта*, с закономерной реконструкцией *вьрж* [ССС: 161].

♦ **грѣмѣти** — **gręnǫ, gręnǫti*?

Ср. др.-рус. *гранути* [Срезневский 1: 606; СРЯ 11–17, 4: 237–238], ст.-чеш. *hřanúti* 'падать, упасть' [ЭССЯ 7: 123]. Данной этимологической версии придерживаются Ф. Миклошич, А. И. Соболевский, Р. Якобсон, А. Вайан [см. Фасмер 1: 468] и с небольшой оговоркой О. Н. Трубачев [ЭССЯ: там же].

♦ **млъчати** — **mlъknǫ, mlъknǫti*?

Может быть восстановлено по др.-рус. *(оу)мълкноути* с XI в. [Срезневский 3: 1214], ц.-слав. *млѣкнѣти*, ст.-чеш. *mlknúti*, ст.-польск. *mlknać* [ЭССЯ 21: 107]. Рус. *-молкнуть* до сих пор сохраняет корневую основу инфинитива: *умолк*, *умолкший* (примеры с XI в.) наряду с новыми *умолкнул*, *умолкнувший*. В такой ситуации идея производства от **млъчати**, имеющего в обеих основах тематическую гласную, — так в этимологических словарях — представляется спорной.

² И, возможно, в рус. *врать, вру*. Связь этого слова с *врач*, которую трудно отрицать, косвенно свидетельствует о его общеславянском характере. Предполагаемую Хольмером [см. Фасмер 1: 361] отнесенность к анализируемому здесь глаголу проще трактовать как семантический переход 'говорить' > 'бурлить, кипеть', ср. *журчать* — и о речи, и о роднике. Таким образом, и в семантическом отношении *вру* оказывается исходным.

- ♦ **пърѣти (сѧ), пьрѣ*** ‘спорить, диспутировать’ — **прѣти, пьрж** ‘противоречить, отрицать’?

В [ССС: 558] эти глаголы объединены как разные значения одного слова, с общей реконструкцией **пърѣти, пьрѣж**, но приведен пример из *Супр* с формой **пьрж** I класса. Гипотетический глагол I класса может быть производящим также для **прѣтити** IVб класса, см. [Кудрявцев 1998: 226]. Этимологически **прѣти, пьрж** ‘противоречить, отрицать’ может быть тождественным **опрѣти (сѧ), опьрж** ‘опереться [ССС: 415]; опереться, толкать [Вайан 1952: 425]’. Так в общем у М. Фасмера [III: 362, 240], хотя он и дает противоречащие друг другу формы **прѣти, пьрж**³.

- ♦ **стыдѣти (сѧ)** — *stynǫ, stynǫti?

Может быть восстановлено по др.-польск. *stydnąć*, сербск.-ц.-слав. *устынути*, 3 л. ед. ч. *устыде*, чеш. *stydnouti*, словц. *stydnút* [Фасмер 3: 789]. Рус. *стынуть* менее показательно, т.к. может быть непосредственным производным от *стыть*, которое ряд этимологов сопоставляют с греч. *στίω* ‘делаю жестким’ [там же: 787]. Глаголы, первоначально различавшиеся по семантическому признаку ‘состояние’ ~ ‘изменение состояния’, стали затем различаться по признаку ‘ощущение моральное ~ физическое’.

С еще большей осторожностью можно отнести сюда:

- ♦ **дрьжати** — *dyrǫ, dyrǫti?

Ср. рус.-ц.-слав. *дернуги* XIV в. [Срезневский 1: 779; СРЯ 11–17, 4: 230], *дрьгнути* [там же: 773], сербск.-ц.-слав. *сь-дрьгнути се* [Фасмер 1: 500]. Материал по современным славянским языкам см. [ЭССЯ 5: 221–222]. Совпадение корней **дрьжати** и *дергать*: и.-е. *dǵg- — замечено исследователями, см. [ЭССЯ 5: 231; Фасмер 1: 503 и 500], но не признается за этимологиче-

³ Со ссылкой на *Супр*. В этом памятнике данный корень имеет три варианта написания: **пър-**, **п’р-**, **пр-** [ССС: 558], — что следует рассматривать как отражение падения редуцированных, см. [Вайан 1952: 45].

ское родство. В связи с этим любопытно отношение *оудръжати са* ‘волноваться, томиться, быть в тревоге’ [ССС: 729; Крысько 1996: 36] и совр. рус. *дергаться* ‘то же’. Попутно отметим, что реконструкция *дръжати* < **dŕz-jati* [ЭССЯ: там же] противоречит формам настоящего времени данного глагола.

◆ *клячати* — **klęq, klękti*?

Последнее может быть восстановлено по схв. *клѣти* наряду с *клѣкнути* [Фасмер 2: 259; Толстой: 209], подтверждаемому с формальной стороны лит. *klėnkti* ‘идти скоро’⁴, а с семантической — лтш. *klencēt* ‘прихрамывать’. Имеется также большое количество глаголов второго класса: [ЭССЯ 10: 33].

◆ *льщати (са)** ‘блестеть, блистать’, из **l̥ščati* под влиянием *бльщати*, см. об этом [ЭССЯ 16: 248, 250, 252; Фасмер II: 491] — **l̥šknŋti*?

Реконструируется по ст.-чеш. *lesknúti* ‘заблестеть, засверкать’ [ЭССЯ 16: 250], ст.-польск. *łsknać się, łsnać, łsnać się* ‘сверкать, поблескивать’ с XVI в. [там же].

◆ *(по)тъщати (са)** ‘поспешить; постараться’ — **t̥s(k)nŋ, t̥s(k)nŋti*?

Реконструируется предположительно по др.-рус. *тъс(к)ноути са* ‘спешить, торопиться; стараться, стремиться; быть готовым на что’ [Срезневский 3: 1057]. Значение состояния развилось в др.-рус. глаголе вследствие присоединения возвратного местоимения.

Эти глаголы характеризуются общими чертами:

а) использованием в качестве производящей корневой глагольной основы. Мотивирующие глаголы относятся к различным классам, но во всех случаях инфинитив не имеет темати-

⁴ В рус. переводе словаря М. Фасмера ошибочно ‘с трудом идти’. См. [Буга 1913: 254].

ческой гласной (*-nŕ⁵ сохраняет ясные признаки суффикса, а в **стати** относится к корню);

б) общей для IV класса темой наст. вр. -и- и общей для IVб класса темой инфинитива -ѣ-;

в) корневым вокализмом -ѣ-, -и-, -ѣ-, -ы-, -а-, -о- (в **стои-ти**), свидетельствующим о нулевой степени аблаута. В последнем случае -о- представляет собой нулевую ступень долгого гласного а в **стати**⁶;

г) в ясных случаях — семантикой состояния — состояния природы: **блѣѣти** (с), **грѣѣти** (гроза), предмета: **двиѣти** (с), **(при)лѣѣти**, **стоѣти**, **вѣѣти**, человека: **бѣѣти**, **мѣѣти**, **видѣти**, **дрѣѣти**, **мѣѣти**, **стыѣти** (с), **тѣѣти**, **хѣѣти**.

Очевидно, что в данном случае мы имеем дело со словообразовательным типом.

⁵ Сам второй класс является дериватом первого, отчетливые следы чего сохраняются в старославянском языке в образовании многих форм прошедшего времени от бессуффиксной (исторически первоначальной) основы. Ср. **оутѣже** Киев [CCC: 754] от **оутѣж-ти**. Второй класс возник в результате расщепления первого. Как известно, первоначально носовой инфикс характеризовал лишь формы презенса. Это было другое настоящее время I класса (или от других глаголов I класса). Перенос назальности в основы инфинитива и аориста привел к возникновению оппозиции парадигм и созданию не только нового класса, но и новых глагольных лексем.

Установление отношений синхронной производности (мотивированности) при формальной равносложности основ (нпр., **двиѣ-а-ти** — **двиѣ-нѣ-ти**) производится нами с учетом критерия категориального значения, см. [Лопатин–Улуханов 1970: 38; Земская 1989: 303]. Основы второго класса рассматриваются как более простые, поскольку их динамическая семантика (действие или изменение состояния) ближе к категориальной семантике глагола, чем типичное значение IVб класса — ‘состояние’.

⁶ Неудачна новейшая попытка реконструкции **стоѣти** < *sth₂-éye- [Смочинский 1999: 10]. Автор не учитывает, что шва перед гласным исчезает бесследно.

§ 3. Деноминативы с тривиальным аблаутом. Под тривиальным аблаутом понимается сохранение в корне производного слова того гласного, который выступает в корне мотивирующего слова.

болѣти — боль, видѣти* — видъ, горѣти — горк, горькъ, кричати* — кричь, мръзѣти* — мръзъкъ, полѣти — попелъ, пепелъ, пьрѣти* 'спорить' — пьра, скръвѣти — скръвь, (по)тъщати (сѧ)* — тѣщъ, (при)гажати* — тажа, (въ)шоумѣти — шоумъ.

Комментарий к ♦ полѣти — попелъ, пепелъ.

Здесь мы имеем сохранение в славянском редуплицированных основ, не только сущ. [Фасмер III: 234], но и самого глагола: ц.-слав. *плаполати* 'гореть' [Фасмер III: 308]. Редупликация, на наш взгляд, носит экспрессивный характер, что хорошо объясняет и отклонение в глагольном вокализме. Хеттские параллели к славянским структурам такого рода, доказывающие глубокую древность последних, см. [Иванов 1981: 104–108]. Грамматические объяснения для сходных глаголов: из атематических основ (А. Мейе); итеративно-интенсивные образования (Х. Станг); предполагаемое автором общен.-с. спряжение на -hī [там же].

Сюда же могут быть отнесены:

- ♦ **богати (сѧ)** — *boǵь на основе др.-рус. *бои* с нач. XIII в. [СДРЯ I: 283; Срезневский I: 143], схв. *bōj* с XIV в. [ЭССЯ 2: 167], н.-луж. стар. *bōj* [там же].

Для балтослав. эпохи реконструируют глагол другого класса с корнем *baǵ-: основа наст. вр. *baǵe-, прош. вр. *biǵā- [Фасмер I: 204]. Такой глагол в славянском материале отсутствует⁷. Отсутствуют и аналоги многочисленным именным суффиксальным производным (лит., др.-инд., кельт., материал см. [ЭССЯ 2: 164]). В такой ситуации кажется более разумным отнести **богати (сѧ)** к гнезду *biti и толковать его как именное

⁷ Неясна форма рус. диал. *бѣять* 'плакать без причины' [Топоров 1975, I: 219].

производное, что объясняет и качественную ступень аблаута в корне. Оправдывается также употребление данного глагола как *reflexiva tantum*: первоначальное значение — ‘бороться с собой’. Возможно, сюда же относится лит. *bijótis* (с другой классной характеристикой).

О. Н. Трубачев предпочитает связывать с **biti* все данное гнездо, см. [Фасмер: там же; ЭССЯ: там же]. Качественную ступень объясняет как след перфекта, что для глагола IVб класса весьма правдоподобно. Но не объясняется сама принадлежность **боити** к этому классу.

♦ **късьнѣти**⁸ — **къспъ* на основе серб.-ц.-слав. **късьнѣ** с нач. XIII в. [ЭССЯ 13: 246], др.-рус., рус.-ц.-слав. *косьныи* [Срезневский I: 1299], *косный* с XVI в. [СРЯ 11–17, 7: 364].

♦ **летѣти** — **leto* на основе схв. *léto* ‘крыло; часть одежды, подобная крылу; поля шляпы’ с XV в. [ЭССЯ 14: 151], **letъ* на основе схв. *lêt, ljet* ‘полет’ с XVII в. [ЭССЯ 14: 150], ст.-рус. *летъ* ‘действие по глаголу летѣти’ с XVII в. [СРЯ 11–17, 8: 216].

Так в одном месте у А. Мейе, см. [Meillet 1893: 302]. Присутствие в беспорных и.-е. соответствиях **k* исключает возможность непосредственного соотнесения этого славянского глагола с и.-е., поскольку **kt* перед гласными переднего ряда испытывало бы одну из разновидностей палатализации. Однако мы имеем **летиши**, **летитѣ** и т.д.⁹ Одновременно объясняется нехарактерный для данного класса вокализм¹⁰.

⁸ В [ЭССЯ 13: 246] ст.-сл. форма ошибочно приведена как **късьнѣти**. В [ССС: 301] отмечено 4 употребления этого слова, из них в одном случае написано **къс-** (но не **късьн-**!)

⁹ В [ЭССЯ 14: 147] находим: “... признается развитие слав. *t < kt* ..., обусловленное позицией перед непременным гласным, но затем обобщенное для всех положений”. Однако в IVб классе отсутствуют именно позиции перед непременным гласным. Допущение влияния со стороны рус. *летучий*, польск. диал. *lete*, 3 мн. *leto* (см. о них [ЭССЯ 14: 148]) оставляет неясным, почему неизбежное при таком влиянии отвержение согласного не привело к изменению

- ♦ **хотѣти** (и **хѣтѣти**) — анализ этого глагола затруднителен вследствие колебаний в парадигме и корневом вокализме, а также абстрактности семантики.

В ст.-сл. и других славянских языках часть форм образуется по III кл., часть — по IVб кл. Вокализм *o* в IVб кл. может объясняться производством от **хоть** ‘любовник’, но это не освещает ни происхождения форм III кл., ни чередования *o* / *ъ*, которое само по себе нестандартно. Хотя в ст.-сл. **ъ** представлен только в *Супр* и только в 5 случаях на более чем 500 примеров во всем корпусе текстов, его реальность подтверждается другим славянским материалом, см. [Фасмер 4: 270]. Поэтому допустимо предположение о контаминации с незасвидетельствованным ***хѣтати** III кл. (форма наст. вр. не ясна).

Внешний этимологический анализ также затруднителен, поскольку, кроме **ks*, неизвестен источник начального славянского *х*-. Оставаясь в рамках славянского материала, естественно связывать наш глагол с **хватати** (Э. Бернекер, Я. Эндзелин, Г. Шевелев, О. Н. Трубачев, см. [ЭССЯ 8: 84]). Таким образом можно разъяснить **ъ** — как нулевую ступень от сочетания **цо*. Но гнездо **хватати** само содержит известные проблемы, в частности нулевой вокализм **-хѣтити** не соответствует классу глагола. С другой стороны, большинство писавших о лексеме *хотеть* исходят из единства **chotь/chotь*, вариативность которого должна быть разъяснена.

Другая возможность — относить **хѣтѣти** к гнезду **шатати** (Ш. Ондруш, см. [Фасмер IV: 860]). Формальные построения Ш. Ондруша трудно принять: он предполагает вариативность вокализма в **che/ē/etati* при единстве классной характеристики. Мы склонны исходить из несохранившегося глагола

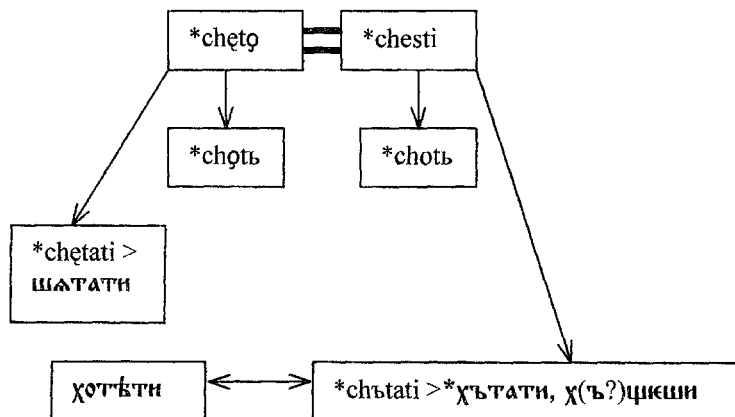
класса **летѣти**. Другая лексема с твердым [t] — *лѣтати* — по многим признакам выглядит вторичной.

¹⁰ Непонятно утверждение (со ссылкой на Ф. Славского), что отыменная производность **летѣти** “маловероятна вследствие е-огласовки корня” [ЭССЯ 14: 151]. Как раз е-огласовка и находит в этом случае объяснение.

движения **chęto*, *chesti* — по модели **сѧѡж**, **сѧсти**, который предположительно был замещен во всех славянских языках вторичными (и частично перестроенными) итеративами **chętati* > **шѧтати**, *chętati* > **chętati*. Образование последней формы аналогично образованию **гънати** к **женѡ**.

Следует отметить, что, вопреки беглому замечанию О. Н. Трубачева [см. Фасмер IV: 860], переход от значения движения к модальному не только вероятен, ср. *стремиться*, но и засвидетельствован самой лексемой *шатать*: др.-рус. *шатати сѧ* 'блуждать; хвалиться' [Фасмер IV: 413].

Схема развития выглядит следующим образом:

С определенной осторожностью может быть отнесено сюда же:

♦ **лъцати (сѧ)*** — **lъskъ*.

О вокализме см. выше. Зафиксировано ст.-рус. *лоскъ* с XVII в. [СРЯ 11–17, 8: 285], ст.-чеш. *lesk*, *lésk* [ЭССЯ 16: 251], ст.-рус. *лосковатый* с XVI в. [СРЯ 11–17: там же].

Эти глаголы характеризуются общими чертами:

а) наличием мотивирующей именной основы. Мотивирующие основы принадлежат именам существительным или прилагательным;

б) общей для IV класса темой наст. вр. -и- и общей для IVб класса темой инфинитива -ѣ-;

в) корневым вокализмом, воспроизводящим вокализм мотивирующего слова; исключение: *полѣти*;

г) в ясных случаях — семантикой состояния.

Такая совокупность признаков характерна для словообразовательного типа.

§ 4. Глаголы положения / изменения положения в пространстве с “повышенной” ступенью аблаута. Сюда относится минимальное (3) количество девербативов с однородной семантикой, а именно:

лежати — *лещи*, *лагж*

сѣдѣти — *сести*, *сидж*

бѣжати — **begti*, *begg*, реконструированное А. И. Соболе-

вским по восточнославянским данным [1907: 66]. К классной характеристике производящего ср. рус. *бежу*, укр. *бігу*, польск. *biedz*; ю.-в.-рус. *бечь*, ст.-укр. *бѣчи* [ЭССЯ 2: 59] укр. *бічи*, польск. *biec* [там же]; на балтослав. уровне — лит. *bėgu*, *bėgti*.

К вокализму ср. рус. простореч. *убѣг*, укр. диал. *бюог*. И.-е. соответствия (кроме балтийских) дают краткий вокализм, напр., греч. *φεύγομαι*.¹¹ К архаичности именно вост.-слав. данных ср.

сохранение двувидового характера у рус. *бежать* (напр., *Диктатор бежал СВ из страны*); А. Мейе считал характеристику СВ для данного глагола первичной, см. [ЭССЯ 2: 92]. Поэтому вторична принадлежность *бѣжати* к разряду детерминированных глаголов, о которой писал [Huntley 1968]; как и *летѣти*, он вошел сюда позднее. Все первичные бесприставочные детерминированные глаголы движения принадлежат к несовершенному виду и связаны отношениями парности с итеративами IVа класса, имеющими вокализм на ступени *-о- [см. Кудрявцев 1998: 217–218]. Для нас существенное значение имеет

¹¹ Они, впрочем, характеризуются дифтонгическим вокализмом (дифтонг на *-и- [ЭССЯ 2, 60]) и не являются абсолютно надежными.

тот факт, что отвержение реконструкции *begti, bego поставило бы **вѣжати** вне словообразовательных типов.

К общим чертам этих трех глаголов относится:

а) наличие мотивирующей глагольной основы I класса с корневым инфинитивом;

б) общая для IV класса тема наст. вр. -и- и общая для IVб класса тема инфинитива -ѣ-;

в) корневой вокализм в ненулевой ступени, при характерности ее для IVб класса вообще. В мотивирующей основе — ступень *е;

г) с семантической точки зрения данные глаголы связаны с выражением пространственных отношений.

Наш специальный интерес к аблаутной характеристике корня заставляет нас выделить эти глаголы в особый словообразовательный тип, ср. также исключительно большую частотность в текстах (**лежати** — более 100 раз в бесприставочной форме плюс 137 раз в приставочных; **сѣдѣти** — соответственно более 100 и 11; **вѣжати** — 76 и 34). При других интенциях можно было бы считать эти глаголы относящимися к первому типу, с отклонениями в аблауте. См. также исторический комментарий ниже.

Анализ показал, что 23 бесприставочные глагольные основы IVб класса в старославянском языке мотивированы различными основами, отмеченными в корпусе ст.-сл. текстов. Это около половины всего состава класса. Из оставшейся 21 основы 12 позволяют установить производность по косвенным данным. Мы вправе сделать вывод, что IVб класс, как и IVа, в рамках старославянского языка выступал как совокупность словообразовательных типов, определенных формально и семантически. Ступень аблаута корня и тематические гласные этого класса сохраняли значение грамматических показателей и актуальны как материал для реконструкции и.-е. грамматических отношений.

Одновременно обращает на себя внимание то обстоятельство, что среди 9 не распределенных нами по словообразовательным типам основ 8 демонстрируют одинаковую морфооло-

гическую структуру: нулевая ступень в корне, -и- и -ѣ- как темы. Это *вискѣти, врьтѣти (сѧ), зърѣти* 'видеть, смотреть', *кыпѣти, свѣтѣти, слышати, смръдѣти, щадѣти*. То же самое можно сказать об основах *скръѣти* и *къснѣти*, отнесенных выше к отыменному словообразовательному типу. Эта структура является единственно возможной для первого, наиболее крупного словообразовательного типа IVб класса: типа deverbativov со значением состояния. Таким образом, единство IVб класса обеспечивается не только и не столько его синхронной производностью (мотивированностью), сколько унифицированным характером морфонологических средств, применяемых при образовании основы глагола. Данное обстоятельство подкрепляет вывод о значимости материала IVб класса для и.-е. реконструкции.

Комментария заслуживает старый модальный глагол *велѣти*. Его вокализм не соответствует описанной выше структуре, что объясняется вторичностью его вхождения в анализируемый класс. Первоначально это был атематический глагол, параллельный лит. *pavelmi, pavelti* 'хотеть' [Фасмер 1: 288]. Следом спряжения по V классу является *(до)вьлѣтъ* в *Мар* [Вайан 1952: 290]. Твердый [л] сохраняется в *произвол*, возможно, сюда же относится загадочное *овлурь* в СПИ (< о-вьл-урь?), которому принято придавать статус имени собственного и толковать как восточное заимствование, см. [Менгес 1979: 65–66, 92–94]. Будучи модальным глаголом, *велѣти* употреблялось преимущественно в оптативе, из спряжения которого и происходят его ст.-сл. основы, заместившие первичные основы индикатива [см. ЭССЯ 5: 89]. Структура основы наст. вр. *вели-* в точности соответствует основам лат. *velim, velis*, гот. *wiljau, wileis* с чередованием полной ступени в корне и нулевой ступени в суффиксе оптатива *-je-/-ī- [Семереньи 1980: 275]. Форма 3 л. ед. ч. аориста *(по)велѣ* совпадает с 3 л. ед. ч. тематических форм оптатива греч. *φέρω*, гот. *baigai*, др.-инд. *bharēt*. На базе данной формы развились, по-видимому, остальные формы от новой основы инфинитива IVб класса. Тенденция к переходу в тематическое спряжение и колебания в обра-

зовании форм отмечаются в славянском также у родственного глагола III класса (до)вѣѣти. Таким образом, не только корневая ступень аблаута, но и тематические гласные обеих исторически засвидетельствованных основ глагола вѣѣти не имеют ничего общего по происхождению с IVб классом (в этом классе -и- наст. вр. < *-еѣ-, -ѣ- аориста и инфинитива < *-ѣ).

§ 5. Соответствия. Дуративы на -ѣ- находят точное соответствие в лит. глаголах типа turėti 'иметь, быть должным' со значением состояния и нулевой ступенью в корне. Основа инфинитива на -ѣ-, претерит имеет вид turė-jo (соответствует славянскому имперфекту мѣнѣ-а-ше), наст. вр. обнаруживает следы суффикса -еѣ: 1 л. ед. ч. turiù < *tur-ĭō, 2 л. turi (в возвратных глаголах -iesi) < *tur-eĭ; 3 л. имеет стабильное -i- неясного происхождения [Шмалыштинг 1988: 301].

В германских языках этому отвечает III класс слабых глаголов, также означающих состояние и имеющих преимущественно нулевую ступень гласного в корне [Гухман 1966: 185–186]. Основа инфинитива на -ê- в др.-в.-н.: habên, sagên. Связь с и.-е. суффиксом *-еѣ- подтверждается рядом фактов [там же: 187–188, 385–386, 388], хотя реконструкция парадигмы затруднительна и вызывает постоянные споры среди германистов, см. [Семереньи 1980: 293, 295; Гухман 386–388]. Так, в гот. презенсах 2 л. ед. ч. habais, 3 л. habaiþ фонетически может быть реконструировано *-êĭ-, но не -eĭ-.

В лат. сюда относится часть глаголов II спряжения — дуративы на -ê- типа pendêre, которые “как правило, имеют нулевую огласовку основы” [Эрну 1950: 175] и спрягаются в презенсе тождественно каузативам, т.е. восходят к формам с суффиксом *-еѣ-.

Согласно традиционной точке зрения, родственными формами являются греч. медиальные аористы на -ην [Перельмутер 1969: 16–17]. Они сближаются с обсуждаемой формацией по непереходному характеру, по первоначальному значению состояния, по аблауту корня. В ряде случаев имеются презенсы на *-еѣ-, например, μαίνομαι 'безумствую' < *mĭ-ĭō-.

В тохарском А имперфект III класса имеет формы на -а-, смягчающее конечный согласный основы. Такое -а- происходит из *-ē-¹². Х. Педерсен связал данную категорию в аспекте ее происхождения с интересующими нас глаголами. Значение имперфекта не противоречит дуративному. Дж. Лейн [1959: 132–134] нашел ряд примеров, когда наст. вр. при таких имперфектах образовано с суффиксом *-еде-.

Относительно кельтских языков Ж. Вандриес и В. Шмид считают, что дуративы на *-ē- имелись и в них, хотя попытка Г. Вагнера прояснить детали соотношения парадигм вызвала неоднозначное отношение [Schmid 1963: 98–99; ср. Семереньи 1980: 293, 296].

Поскольку суффикс *-еде- чрезвычайно широко распространен, понятно, что диагностической для обсуждаемого типа оказывается непрезентная основа на *-ē-. Она отсутствует в хеттском и др.-инд., и возможные в этих языках дуративы с презенсом на *-еде- теряются для исследователя в общей массе соответствующих глаголов. Поэтому принципиальное значение имеет установленное В. Шмидом генетическое тождество интересующей нас группы с частью др.-инд. IV класса основ наст. вр. Аргументы этимологические, апофонические и частью также структурные. См. [Schmid 1963: 66–67, 78, 79–84]. После этого трудно сомневаться в общи.-е. характере дуративов на *-ē- / -еде-.

Изложенный материал освещен в духе традиционного подхода к этой категории. Имеются также попытки пересмотра концепции. Ф. Шпехт отрицает генетические отношения греч. медиального аориста на -ην с другими греческими образованиями, имеющими долгое -η-, которые он склонен связывать с презенсом на *-ē-де-, см. [Степанова 1965: 116]. Вслед за ним В. Порциг относит появление глаголов состояния к итало-германо-балтославянским инновациям [Порциг 1964: 138–140]. Для германистов, как уже сказано, большое значение имеет стремление объединить по происхождению две основы наших

¹² Иначе [Schmid 1963: 99].

глаголов, поскольку такая операция позволяет легче объяснить германские парадигмы. В. Шмид присоединяет сюда факты др.-прусс. и др.-инд. языков, вводит в реконструкцию шва и в результате получает искомый результат — суффикс *-ēde- [Schmid 1963: 79–97]. Это ставит перед славистами вопрос о принципах разграничения IVб и IIIа класса, см. [Семереньи 1980: 293].

Еще радикальнее предложение Ю. Р. Куриловича рассматривать литовский и славянский презенсы глаголов состояния как остатки медиального перфекта [Kuryłowicz 1964: 81–83]. В таком случае данная категория — балтославянская инновация. Эту точку зрения принимает Ф. Славский [Ślawski 1974: 56].

В противоположность Ф. Шпехту И. А. Перельмутер [1969] считает греческие данные ключевыми не только для констатации существования, но и для объяснения происхождения категории. Греческие перфект, тематический плюсквамперфект едины по происхождению и отражают первоначально вневременную категорию [там же: 13–15]. Аналогичным образом непереходные аористы с показателем -ην на фоне своих и.-е. соответствий могут свидетельствовать об атемпоральности лежащей в их основе первоначальной формы [там же: 19–21]. Принимая эти положения, мы должны отметить, что вопрос о соотношении двух основ в дуративах на *-ē- остается открытым. Выскажем предположение, что основы на *-ēde- и *-ē- образуемых глаголов имеют хотя и одинаково древнее, но независимое происхождение. Их объединению в одной лексеме послужили общность значения, тождество ступени аблаута в корне, а также фонетическая близость показателей, которая после разнообразных фонетических изменений привела или к неразличению (ср. инф. лат. *vidēre* и наст вр. *vidēmus, vidētis*), или к утрате первоначальных условий появления в речевой цепи, создавшей для носителей языка возможность воспринимать исконные различия как морфологически обусловленное чередование.

Второй выделенный нами тип — безаблаутных деноминативов — имеет соответствие в лит., напр., *mylėti* ‘любить’ с

тем же спряжением, что и *turėti*, но от *mýlas* ‘милый, любезный’; в германских: др.-в.-нем. *âbandên* ‘вечереть’ от *âbent* ‘вечер’, гот. *swēran* ‘почитать’ от *swērs* ‘почтенный’ [Гухман 1966: 188]. Однако структура основ этого типа такова, что не позволяет датировать его возникновение — подобные глаголы по аналогии могли возникать в любой момент существования девербативного типа. Следовательно, в плане исторического анализа сравнение не показательно — даже если примеры обнаружатся в каждом и.-е. языке, мы не можем быть уверены, что это результат параллельного развития.

Третий тип на формальных основаниях (долгая ступень в корне) выделен у О. Семереньи [1980: 291]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что почти все приведенные примеры — т.н. “глаголы движения”: греч. *λῡκάω* ‘танцую’, лтш. *lėkāju* ‘прыгаю’, греч. *πῡδάω* ‘прыгаю’, лат. *sēdāre* ‘успокаивать’ к *sedeo* ‘сиджу’, греч. *τῡπλάω* ‘поворачиваю туда и сюда’, *πῡτάομαι* ‘порхаю’, др.-в.-нем. *fuogēn* ‘везти, вести’. При такой семантике продление могло иметь экспрессивный характер. В таком случае оно должно встречаться в различных классах, и окончательные выводы можно будет сделать после их анализа. Ср. в IVa классе (**въ**)*лазити*, *садити*, *парити* ‘летать’, *варити* ‘обогнать, опередить’, также их производящие (**въ**)*лѣсти*, *сѣсти* I кл.

§ 6. Происхождение претеритного **-ѣ-**. Мы принимаем точку зрения, согласно которой основы на **-ѣ-** представляли собой ранее самостоятельные словоформы, “лишь в ходе позднейшего развития вовлеченные в систему финитного спряжения” [Перельмутер 1969: 19]. Эти основы были безразличны к категориям времени и лица, обозначали состояние; т.о., они представляли собой нечто вроде “категории состояния”, т.е. являлись предикативными наречиями. И. А. Перельмутер высказывает предположение, что неспрягаемыми остатками таких форм выступают латинские первые компоненты составных глаголов типа *fervē-facio* ‘нагревать, кипятить’, *fervē bene facito* (Катон) [там же: прим. 48]. В старославянском такими

остатками являются качественные наречия на *-ѣ-* (грѣдѣ, крѣпѣ).

Далее, связь основ на *-ѣ-* с глагольными корнями и четкая аблаутная характеристика должны указывать, что наречия, которым они непосредственно обязаны своим существованием, сами происходили от слабой падежной формы отглагольного существительного, конкретно — инструменталиса ед.ч. типа др.-инд. *padā, datā*, микен. *egerate*, возможно, гот. *wulfa*, см. [Семереньи 1980: 172–175, 196]¹³. Производство наречий от инструменталиса в различных языках хорошо известно. Обратим также внимание на то, что сложные латинские глаголы, о которых речь шла выше, допускают перевод тв. падежом, ср. *candē-facio* “делать белым” [Перельмутер 1969: 19, прим. 48]. Изолированный лат. инструменталис, как уже отмечалось, имеет краткую гласную, но такая просодика не совпадает с др.-инд. и может объясняться специфическим изменением в конце слова.

В качестве альтернативного решения заслуживает упоминания отнесение наших основ к остаткам корней *seġ*, см. [Kuryłowicz 1964: 115, 137, 142; Семереньи 1980: 277–278].

ЛИТЕРАТУРА

- Буга К. К. 1913 — Славяно-балтийские этимологии. *Русский филологический вестник*. 4. 248–256.
- Вайан А. 1952 — *Руководство по старославянскому языку*. Москва.
- Гухман М. М. 1966 — Глагол в германских языках. *Сравнительная грамматика германских языков*. IV. Москва. 124–434.
- Земская Е. А. 1989 — Словообразование. *Современный русский язык*. Москва. 237–379.
- Иванов Вяч. Вс. 1981 — *Славянский, балтийский и раннебалканский глагол*. Москва.

¹³ В итал. представлено краткое *e*, например, лат. *bove*, умбр. *bie* [Семереньи, там же: 192]. В других языках данная форма плохо сохранилась.

- Крысько В. Б. 1996 — Маргиналии к “Старославянскому словарю”. *Вопросы языкознания*. 5. 20–38.
- Кудрявцев Ю. С. 1998 — Значение морфонологии старославянских глагольных классов для и.-е. реконструкции. *Языки малые и большие...* Тарту. 213–235.
- Лейн Дж. С. 1959 — Имперфект и претерит в тохарском. *Тохарские языки*. Москва. 119–136.
- Лопатин В. В., Улуханов И. С. 1970 — Словообразование. *Грамматика современного русского литературного языка*. Москва. 37–301.
- Менгес К. Г. 1979 — Восточные элементы в “Слове о полку Игореве”. Ленинград.
- Перельмутер И. А. 1969 — К становлению категории времени в системе индоевропейского глагола. *Вопросы языкознания*. 5. 11–21.
- Порциг В. 1964 — Членение индоевропейской языковой области. Москва.
- СДРЯ — *Словарь древнерусского языка*. Москва. 1985–.
- Семереньи О. 1980 — Введение в сравнительное языкознание. Москва.
- Смочинский В. 1999 — Заметки о балто-славянских рефлексах и.-е. ларингальных. *Slavistica vilnensis*. 7–26.
- Соболевский А. И. 1907 — *Лекции по истории русского языка*. Москва.
- Срезневский И. И. 1989 — *Словарь древнерусского языка*. Москва.
- СРЯ — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Москва. 1975–.
- ССС — *Старославянский словарь*. Москва. 1994.
- Степанова З. П. 1965 — Ареал распространения глаголов на -ě- в индоевропейских языках. *Вопросы языкознания*. 4. 110–118.
- Толстой И. И. 1970 — *Сербскохорватско-русский словарь*. Москва.
- Топоров В. Н. 1975 — *Прусский язык*. I. Москва.
- Фасмер — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Москва. 1986–1987.
- Шмалыштик В. 1988 — Морфология глагола. *Новое в зарубежной лингвистике*. 21. Москва. 262–330.
- Эрну А. 1950 — *Историческая морфология латинского языка*. Москва.
- ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков*. Москва. 1974–.
- Huntley, D. G. 1968 — Old church Slavonic *běžati* — *běgati*. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. XI. 45–52.
- Kuryłowicz, J. 1964 — *The inflectional categories of Indo-European*. Heidelberg.
- Meillet, A. 1893 — De quelques difficultés de la théorie des gutturales indo-européennes. *Mémoires de la Société de linguistique de Paris*. 8. 4.

- Osten-Sacken, W. Frhr. von der 1913–14 — Berichtigungen und Ergänzungen zu Waldes Lateinischem Etymologischem Wörterbuch. *Indo-germanische Forschungen*. 33.
- Schmid, W. P. 1963 — *Studien zum baltischen und indogermanischen Verbum*. Wiesbaden.
- Sławski, F. 1974 — Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego. I. Czasownik. *Słownik prasłowiański*. I. Kraków. 43–58.

КАТЕГОРИЯ ВИДА И СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

И. П. КЮЛЬМОЯ

Несмотря на ряд работ, посвященных исследованию функционально-семантического поля аспектуальности, выражение аспектуальности на синтаксическом уровне изучено еще недостаточно. Имеющиеся наблюдения касаются в основном сочетаемости той или иной видовой формы с определенными лексическими показателями длительности, повторяемости, мгновенности, внезапности и т.п. или типов сложноподчиненных предложений, налагающих ограничения на возможности употребления видовых форм. Значительная часть таких предложений представляет собой фразеологизированные структуры и относится к периферии синтаксического уровня аспектуальности.

Функционирование видовых форм в таких случаях следует считать синтаксически обусловленным, детерминируемым самой семантико-синтаксической структурой предложения, которая не допускает употребления другой видовой, иногда даже другой видовременной формы. Таким образом, наряду с семантикой глагольной лексики важную роль играют семантика и построение самой синтаксической конструкции. Например, в ряде сложноподчиненных предложений в число аспектуальных детерминантов могут включаться все связующие средства, конституирующие это предложение, — союзы, функтивы, различные фразеологизированные структуры. Все

эти средства входят в единый комплекс, предназначенный для выполнения функций, которые могут отличаться от функций составляющих его отдельных компонентов, т.е. компоненты такого комплекса, взаимодействуя друг с другом, образуют некоторое новое единство, необходимый для выражения данного значения минимальный контекст.

Функциональный комплекс представляет собой совокупность средств для реализации определенной категориальной ситуации¹, в то же время категориальная ситуация может иметь не один, а несколько формальных вариантов, т.е. она может реализовываться при помощи ряда различных средств, различных функциональных комплексов. Одним из примеров подобного функционального комплекса может служить совокупность средств, выражающих таксисную ситуацию одновременности действий в прошлом, настоящем или будущем. В сложноподчиненном предложении с временным придаточным предложением минимальный функциональный комплекс будет включать следующие средства: союз **когда** + глагол НСВ прош. + глагол НСВ прош.; или **когда** + НСВ наст. + НСВ наст.; или **когда** + НСВ буд., + НСВ буд. Однако и в высказываниях, не представляющих собой таксисную ситуацию, употребление видовременных форм подчиняется определенным закономерностям, зависящим не только от грамматической и лексической семантики самих глагольных форм, но еще и от особенностей семантики синтаксической конструкции, т.е. речь идет об одной разновидности контекстно-детерминированного употребления видовременных форм. Как отмечает М. А. Шелякин, в качестве контекстных детерминантов могут выступать как лексико-синтаксическое окружение видовой формы, лексическое значение глагольной лексемы, комбинация видовых форм с другими грамматическими формами глагола, сама предметная ситуация, так и синтаксическое построение контекста [Шелякин 1983: 49]. Именно последнему,

¹ В определении понятия категориальной ситуации мы следуем за [Бондарко 1999: 23–29].

на наш взгляд, пока уделялось недостаточно внимания. Рассмотрим связь синтаксического построения некоторых типов сложных предложений с функционированием видовых форм. При этом семантико-синтаксическая структура предложения в целом детерминирует употребление определенного вида глагола, возможно, также и определенной временной формы или нескольких форм, в некоторых случаях такая зависимость наблюдается в одной части сложноподчиненного предложения, в других — в обеих частях.

В работах о конструктивной обусловленности видовременных форм глагола и семантике видовременных форм в полипредикативных конструкциях мы рассматривали функционирование вида во взаимодействии со средствами связи [Кюльмоя 1998а, 1998б]

а) в предложениях достоверного (реального) сравнения:

Кругом находились сады и пахло так хорошо, как пахнет во время дождя в лесу: сыростью, березовым листом и какими-то цветами, которые только и пахнут в сырую погоду (Л. Андреев);

б) в изъяснительных предложениях с глаголами и девербативами опасения с союзами *как бы не* и *чтобы не*:

Одного боюсь — за вас и сам, — чтоб не обмелели наши души (В. Маяковский);

а также в) в ряде предложений фразеологизированной структуры со средствами связи *стоило / стоит как, не успел / не успевал / не успеет как*:

Он не успел еще одеться, как кельнер доложил ему о приходе двух господ (И. Тургенев).

Все эти типы предложений налагают определенные ограничения на употребление видовременных форм (НСВ наст или НСВ прош в (а), СВ сослагат или СВ инф в (б), в (в) — СВ инф), которое предлагается называть в подобных случаях синтаксически связанным или конструктивно обусловленным. К описанным случаям следует добавить еще ряд синтаксических конструкций.

1. Предложения с однородными предикатами, соединенными союзом **не ... а**:

Холодные яйца всмятку — еда очень невкусная, и хороший, веселый человек никогда их не станет есть. Но Александр Иванович не ел, а питался. Он не завтракал, а совершал физиологический процесс введения в организм должного количества жиров, углеводов и витаминов (И. Ильф, Е. Петров).

Вторая часть союза может опускаться:

*Он не вышел — **выскочил** из спальни, потому что известно, чем кончится этот разговор — криком, руганью (Ф. Абрамов).*

Однородные предикаты находятся в сопоставительно-противительных отношениях, семантика первого из них уточняется, конкретизируется вторым. По наблюдению Т. Н. Ковериной [Коверина 1999: 107], из работы которой взят также приведенный иллюстративный материал, такие конструкции служат примером взаимодействия синтаксиса, семантики и прагматики. К этому перечню взаимодействующих факторов добавим еще и морфологический аспект, ибо результатом взаимодействия является зависимость второй видовременной формы глагола от первой. В силу уточняющего и конкретизирующего характера второй глагольной формы она не может быть полностью самостоятельной, выбор видовременной формы в этом случае диктуется формой первого глагола, второй глагол уподобляется первому по категориям вида и времени:

*Эй! — крикнул Штирлиц и поразился себе: он не говорил, а **хрипел**, что-то случилось с голосом (Ю. Семенов).*

В то же время выбор видовременных характеристик первого глагола определяется не семантико-синтаксическими условиями, а аспектуальной характеристикой действия, необходимостью выразить, например, процесс, результат и т.п.

2. Сложносочиненные предложения с противительным союзом **но** и частицей **было**, сочетающимися с двумя формами прошедшего времени совершенного вида, в котором названный функциональный комплекс передает значение на-

чавшегося, но затем в силу каких-либо обстоятельств прерванного действия:

Начало было моросить, но потом посветлело; Он пошел было, но его вернули.

Формула такого комплекса: СВ прош + **было, но** + СВ прош.

3. Сопоставительные инфинитивные придаточные предложения с союзами **чем** и **вместо того чтобы**. Придаточные предложения с союзом **чем** сообщают о не одобряемом говорящим или отвергаемом им действии, которое может быть как потенциальным, так и уже совершающимся или совершившимся, в любом случае оно выражено инфинитивом несовершенного вида:

*Чем лошадей для него **нанимать**, так пусть лучше даром проедет* (А. Чехов); *Привез бы лучше деньгами, **чем** самовары **покупать*** (Д. Мамин-Сибиряк); *Чем соленой слезой **умываться**, освежитесь студеной водицей* (Ю. Либединский); *О, лучше бы ты была нема и лишена вовсе языка, **чем** **произносить** такие речи* (Н. Гоголь); *Я не могу видеть ваших слез; **чем** бесполезно **грустить**, лучше обратиться к вашим друзьям* (А. Писемский); *Вот сочини-ка стихи на бракосочетание, **чем** даром-то по комнате **бегать*** (Ф. Достоевский).

В главной части таких предложений эксплицитно или имплицитно содержится наречие **лучше**, подчеркивающее положительное отношение говорящего к данному действию. Синонимом компаратива **лучше** могут быть также **скорее** (**скорей**) и **легче**:

*Для меня легче сидеть на бочке с порохом, **чем** говорить с женщиной* (А. Чехов).

В предложениях с союзом **вместо того чтобы** глагол также всегда стоит в форме инфинитива несовершенного вида и чаще выражает действие осуществляющееся:

*Она тоже могла бы потратить этот год на диссертацию, **вместо того чтобы возиться с водопроводом, составлять сводки...*** (Д. Гранин); ***Вместо того чтобы сидеть на скучном уроке***

по арифметике, нам выпала удача копать картошку на школьном участке (В. Солоухин),

однако может выражать и потенциальное действие:

Я, вместо чтоб скакать по стряпчим, по судам, Платить и кланяться, — к прелестнице поеду, А ты покуда здесь останься, проповедай! (А. Грибоедов).

В последнем примере представлен стилистически сниженный вариант союза **вместо того чтобы**. Порядок зависимой и главной частей во всех этих предложениях свободный.

Если же имеется в виду действие уместное, противопоставляемое неуместному, выраженному в главном предложении, употребительны оба вида инфинитива, при этом речь идет о действии потенциальном, осуществление которого желательно или естественно:

Он всю дивизию обратил в рабочих-землекопов, вместо того чтобы строю их обучать (А. Степанов) (ср.: *обучить*). *Вместо того, чтобы исправить* (ср.: *исправлять*) *несправедливость..., вот как он поступает* (М. Салтыков-Щедрин).

Синонимия видов здесь допустима в силу реализации формой несовершенного вида нейтрализованной функции.

4. Уступительные предложения связанной структуры с союзом **сколько ни**, в зависимой части которых в прошедшем времени употребляются глаголы несовершенного вида, передающие интенсивное, длительное или многократное действие, которое не достигает результата в силу каких-либо не называемых препятствующих обстоятельств:

Я начал писать книгу по плану, но сколько ни бился, книга просто рассыпалась у меня под руками (К. Паустовский); *Сколько ни ходили и ни чернели тучи, видно не суждено им было собраться в грозу* (Л. Толстой); *Сколько ни звонил ему, заставить его не удавалось*.

Союз **сколько ни** подчеркивает количественный аспект действия, указывая на его продолжительность или многократность, имеет значение “много, долго”, поэтому естественна его сочетаемость с несовершенным видом, имеющим здесь

конативное значение — усиленного совершения действия, не достигающего результата.

В некоторых сложноподчиненных предложениях в русском языке представлен более сложный тип семантико-синтаксической детерминации — двух или более глагольных форм в обеих частях предложения, например, в предложениях соответствия с союзом **по мере того как**:

По мере того как я говорил, глаза моего гостя становились все шире (В. Солоухин),

где выражаются таксисные отношения одновременности действий, при этом интенсивность действия главной части зависит от интенсивности действия придаточной. Единство временных планов частей передается одинаковыми временными формами несовершенного вида. В этих предложениях часто представлены глаголы с семантикой указания на количественные или качественные изменения, такие, как изменение состояния или положения в пространстве:

По мере того как мы медленно и с задержками продвигались к югу, зима все крепла (В. Короленко); *По мере того как поднималось солнце, день теплел и веселел* (И. Бунин); *По мере того как она оживлялась, князь все строже и строже смотрел на нее* (Л. Толстой).

Кроме видовременных форм, в передаче таксисной семантики участвует также союз, т.е. вся семантико-синтаксическая структура сложного предложения. В предложениях с этим союзом встречаются случаи употребления в главной части глаголов совершенного вида, однако они не опровергают сказанное, а скорее подтверждают его, так как это фазовые глаголы, в сочетании с инфинитивом несовершенного вида представляющие определенное единство и не допускающие замены, например, начинательным или финальным глаголом совершенного вида: *По мере того как совершенствовались орудия труда, положение стало меняться* (невозможно: *изменилось!*).

Сложное взаимодействие глагольных форм с синтаксической структурой наблюдается и в кратко-соотносительных конструкциях, рассмотренных в [Кюльмоя 1998б].

Таким образом, целый ряд синтаксических структур взаимодействует с категориями вида и времени глагола и оказывает влияние на функционирование видовременных форм. Это взаимодействие еще недостаточно изучено в аспектологии, однако оно свидетельствует о глубоких связях категории вида с синтаксическим уровнем русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко А. В. 1999 — *Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени*. С.-Петербург.
- Коверина Т. Н. 1999 — Предложения с однородными предикатами, соединенными союзом **не ... а**. *Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века*. С.-Петербург. 107–112.
- Кюльмоя И. П. 1998а — Конструктивная обусловленность видовременных форм глагола в сложных предложениях. *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. Москва. 248–255.
- Кюльмоя И. П. 1998б — Об одном способе выражения итеративности в русском языке. *Типология. Грамматика. Семантика*. С.-Петербург. 201–208.
- Шелякин М. А. 1983 — *Категория вида и способы действия русского глагола*. Таллин.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СЕМАНТИКИ ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА

О. ПАЛИКОВА

Анализ значения слова оказывается неполным, если не принимаются во внимание его родственные связи. Если для лексем, синхронно не мотивированной, непроединной, такой словообразовательный фон обнаруживается лишь при этимологическом анализе (в наивном сознании он может реализовываться при народно-этимологическом переосмыслении этих родственных связей), то анализ семантики слов, производность которых очевидна, в любом случае не может быть исчерпывающим без учета всех тех словообразовательных перипетий, в которых оно участвует.

1. Семантика лексем, словообразовательная мотивация которых затемнена и утрачена, представляет собой набор идиоматичных сем. В значении синхронно мотивированных слов, кроме идиосем, как правило, содержатся и семы неидиоматичные, имеющие формальное выражение. Так в отглагольных наименованиях лиц эксплицируется сема действия (*покупать* — *покупатель*), в отсубстантивных, например, сема объекта действия (*печь* — *печник*) и т.д. Здесь возникает закономерный вопрос: существуют ли лексем, семантика которых может быть признана полностью неидиоматичной?

1.1. Считается, что в языке при сложении двух компонентов получается не просто сумма, а нечто большее — третье, не равное двум своим составляющим. Так сложение глагольной основы *приводить* и суффикса *-ник* дает результат:

- проводник*¹ — 1. Вещество, среда, хорошо пропускающие ...
теплоту, звук, электрический ток и т.д.
- проводник*² — 1. Тот, кто указывает путь в незнакомой
местности; провожатый.
2. Железнодорожный служащий, следящий за
порядком в вагоне.¹

Перед нами, во-первых, два омонима, возникших в результате параллельного словообразования от одной многозначной основы, и, во-вторых, два значения одного производного слова. Образование омонимов ('вещество' и 'лицо') может быть объяснено параллельным использованием полисемичной глагольной основы² и многозначного (омонимичного?) суффикса *-ник*, который, как известно, с одинаковой легкостью участвует в образовании названий как лиц, так и артефактов (*чайник* — *чайвник*).

Возникновение двух значений слова *проводник*² ('в незнакомой местности' и 'в вагоне') может быть объяснено двояко.

Во-первых, переносом наименования с одного предмета на другой. Такой перенос наименования возможен за счет совпадения одного из компонентов в семантике обеих лексем: *проводник-1* показывает дорогу, является **спутником по обязанности**, как и *проводник-2*, который не только "следит за порядком в вагоне", но также оказывается **спутником по обязанности**.

Во-вторых, нельзя в данном случае исключить и возможность параллельного словообразования, но не от одной основы, а от разных. Так *проводник-1*, который сопровождает, указывает путь, выполняет действие *проводить*¹ / *провести*, ср.:

- провести* / *проводить*¹ — 1. Ведя, помочь или заставить

¹ Все значения, если не оговаривается особо, уточнялись по [МАС 1981–84].

² Ср.: *проводить*¹ — 1. Несов. к провести; 2. Обладать проводимостью.

пройти || *Направляя, управляя, помочь или заставить проехать, проплыть, пролететь.*

В свою очередь *проводник-2*, следящий за порядком в вагоне, может считаться выполняющим действие *проводить*²:

*проводить*² / *провождать* — 1. *Сопровождая, довести до какого-л. места, предмета* || *Прощаясь с уходящим, уезжающим, пройти, проехать вместе с ним куда-л., до какого-л. места.*

Иначе говоря, можно допустить, что *проводник-1* и *проводник-2* мотивированы омонимичными глагольными основами.

Таким образом, семантика всех трех производных частично эксплицирована и имеет неидиоматичный участок: *тот (то), кто (что) проводит кого-то (что-то)*, но она принципиально непредсказуема из-за омонимичности и многозначности мотивирующих основ.

1.2. Более редкая причина непредсказуемости значения производного слова представлена, например, лексемой *накомарник*. В данном случае неидиоматичным участком значения производного слова может считаться значение объекта — *комар(ы)*; приставка *на-* эксплицирует и значение ‘*помещаемый на что-то*’, однако результат — семантика производного — противоречит простому сложению этих смыслов:

накомарник — *сетка, надеваемая на голову для защиты головы и лица от комаров.*

Словообразовательная модель *на+объект действия* в русском языке регулярно приводит к иному результату: используемая субстантивная основа называет объект, на который что-л. надевается (*наручники, намордник, нарукавники* и т.п.), а само производное называет артефакт, предохраняющий (“связывающий”) этот объект. Слово же *накомарник* называет предмет, не надеваемый на комаров, а защищающий от них, и поэтому представляет собой своеобразную аномалию, в которой словообразовательное значение противоре-

чит лексическому значению производного слова.³

1.3. Такая “аномальность” значения производного может определяться только на фоне целого ряда других слов, использующих ту же словообразовательную модель. Вообще же регулярность — одно из главнейших условий предсказуемости значений производных слов. Именно слова, образованные по наиболее регулярным и частотным моделям, могут обладать предсказуемой семантикой.

Среди русских существительных-наименований лица можно назвать, например, такие обширные группы слов, как наименования спортсменов и музыкантов, в которых основная часть лексем обладает именно предсказуемым значением. Ср.: *футболист, хоккеист, гандболист, шахматист, слаломист* и т.д., — где сложение двух смыслов ‘*тот, кто*’ (-ист) + ‘*игра, состязание*’ дает наиболее простой результат ‘*тот, кто участвует в игре, состязании*’.⁴

В некоторых случаях, казалось бы, неэксплицированной остается сема ‘*профессиональности*’ — когда производные называют как раз спортсменов-профессионалов. Однако здесь надо учесть, что эта сема содержится в семантике производного в том случае, если данным видом спорта не занимаются любители (напр., *биатлонист*). Тогда как семантика слов, на-

³ Ср. лексическое значение слов *черноморец, балтиец* — ‘*моряк черноморского / балтийского флота*’, которое вступает в противоречие со значением других производных, образованных по этой модели: если в качестве мотивирующего признака выбирается локальное значение, то обычно образуются наименования жителей, уроженцев (*волжанин, сибиряк* и т.д.).

⁴ Что касается наименований музыкантов, то они образуются от названий музыкальных инструментов: с удивительной последовательностью все *балалаечники, рожечники, гитаристы, трубачи* и *скрипачи* оказываются теми, кто *играет* на инструменте, но не теми, кто их, например, изготавливает.

зывающих лицо по виду спотра, которым занимаются как профессионалы, так и любители, не содержит такой семы в качестве обязательной. Ср. возможность словоупотреблений типа *профессиональный теннисист — теннисист-любитель*, *профессиональный шахматист — шахматист-любитель*.⁵

В данном случае можно говорить о полной эксплицированности семантики — каждая составляющая значения имеет своего внешнего “выразителя”.

Означает ли это то, что перед нами слова с неидиоматичной семантикой? На этот вопрос, по всей видимости, можно ответить лишь, разграничив понятия предсказуемости и идиоматичности, хотя до сих пор (при рассмотрении случаев, подобных тем, которые описаны в пп. 1, 2) они совпадали почти полностью. Действительно, семантика производных типа *футболист* предсказуема, более того — подобные лексические группы могут оказаться универсальными и иметь аналогичную семантику при сходной мотивации и в других языках, т.к. предсказуемость их семантики обусловлена и внелингвистической реальностью.⁶

О каком же третьем, “не равном двум своим составляющим”, здесь можно говорить? Сема ‘*участник (спортсмен)*’ хотя и является предсказуемой в словах типа *футболист*, не является единственно возможной — ведь по отношению к какому-л. действию, мероприятию человек может выступать не только в роли участника, но и как, например, организатор, зритель и проч. И именно то, что от названий спортивной игры образуются наименования ее участников — именно это и является идиоматичной составляющей производной семантики. Иначе говоря, среди производных слов есть

⁵ Подробнее об этом в [Паликова 2000: 77].

⁶ Одним из факторов, который влияет на предсказуемость семантики производного слова, является “наше знание естественной логики вещей” [Харитончик 1990: 339], которое подсказывает, например, что слово *паспортист* называет *должностное лицо*, а в семантике слова *экскурсовод* потенциально заложена сема *давать пояснения*, и т.д.

ряд таких, семантика которых может быть полностью предсказуемой, но, кажется, нет таких, семантика которых была бы неидиоматичной.⁷

2. Для формирования, существования и развития семантики производного слова небезразлична его мотивированность, ощущение живой связи с мотиватором. Особенно наглядно это проявляется при анализе слов, содержащих коннотативный элемент.

2.1. Так, например, в семантике слова *карьерист* содержится негативная оценка лица, делающего карьеру:

карьерист — человек, думающий лишь о личном успехе, стремящийся составить себе карьеру, не считаясь с интересами общественного дела.

Если обратиться к значению мотиватора и учесть значение суффикса, остается неясным, почему в производном развивается мысль о негативности стремления сделать карьеру, ср.:

карьера — 1. Продвижение в служебной или другой деятельности, достижение известности, славы и т.п.
2. Деятельность на каком-л. поприще.

Однако стоит учесть то, в каких контекстах используется мотиватор.⁸ С одной стороны, карьера может быть *блестящей*, а с другой:

⁷ Недаром Д. Н. Шмелев признавал идиоматичность одним из основных признаков слова вообще, см. [Шмелев 1973: 55].

⁸ Соблазнительным выглядит объяснение негативного отношения к тому, кто делает карьеру (всегда “личную”), тем, что в недавнем советском прошлом карьера оценивалась негативно из идеологических соображений, ср. хотя бы часть толкования, которое дается в [МАС 1981–84]: *не считаясь с интересами общественного дела*. Однако уже В. Даль приводит слово *карьерист* с тем же значением: ‘человек, стремящийся составить себе карьеру, думающий прежде всего о карьере’ [Даль 1994, II: 235].

*Бюрократический мир — мир особый. Мир, полный соблазна, чаяний и вожделений; мир производств, чинов и орденов. Он весь — под знаком **карьеры**. (Юрьев. Записки)⁹*

Таким образом, производное значение не добавляет свой компонент (*карьерист — плохо*), а фиксирует один из двух равноправных, но все же уже существующих в мотиваторе (*карьера — может быть плохо*).

Почему же словообразовательно активным оказался именно второй, негативный пласт? По всей видимости, это можно объяснить “ономасиологической востребованностью”: человека, сделавшего *блестящую* карьеру, назовут не **выдающимся карьеристом*, а *выдающимся полководцем, актрисой, ученым* и т.п. Того же, кто не добивается иных значительных успехов, кроме удачного продвижения по служебной лестнице (и не стремится к большему), нельзя охарактеризовать иначе, чем назвав главный объект его стремлений — *карьеру*.

2.2. Более отчетливо прослеживается связь значения мотиватора и коннотаций производного в следующем случае.¹⁰

В [НОСС 1997: 301–303] приводится синонимическая пара *пушистый — мохнатый*. Указывая признаки, по которым различаются значения этих слов, авторы словаря пишут: “1) характер покрова (**пушистый** указывает на более мягкий покров, состоящий из тонких, легких волосков или пушинок, **мохнатый** предполагает более грубые, жесткие и тяжелые волосы или нити); 2) густота покрова (в целом большая при **мохнатом**); ...; 4) толщина покрова (при **пушистом** может быть меньшей, чем при **мохнатом**); 5) коннотации (**пушистый**

⁹ Цит. по [МАС 1981–84, II: 37].

¹⁰ Здесь мы не будем подробно рассматривать вопрос о разных прочтениях термина *коннотация*, отметим только, что в п. 2.1. речь идет о коннотации как о некотором экспрессивно-оценочном компоненте в семантике слова, а в случаях, описываемых в п. 2.2., под коннотацией понимаются (составителями НОСС; ср. то же самое в [ТКС 1989]) семантические ассоциации, связанные в сознании носителей с определенным словом.

обычно ассоциируется с лаской, **мохнатый** скорее с угрозой)” [там же: 301]. Здесь также представляется логичным учесть семантику мотиватора.

В случае со словом *пушистый* значение производящей основы предопределяет семантику производного — вся указанная в словаре для этого слова *мягкость*, *легкость*, “*безобидность*” уже есть в мотиваторе, ср.:

- пух* —
1. Мягкие и нежные волоски на теле животных, птиц;
 2. Нежные, тонкие волосы на лице, голове, шее человека.
 3. Тонкие пушистые волоски на поверхности стебля, листьев.

Менее очевидно обстоит дело со словом *мохнатый*. В [ССРЯ 1985, I: 633] указана следующая цепочка:

мохн(ы) > мохн-ат(ый).

Слово *мохны* не приводится ни в МАС, ни в словаре С. И. Ожегова; находим его у В. Даля:

мохна́ — пучок шерсти, перьев [Даль 1994, II: 920].

Такая семантика мотиватора вполне “оправдывает” значение, сформировавшееся в производном; обратившись к нему, можно еще раз попытаться определить различие между *пушистый* и *мохнатый*: для **мохнатый** характерна некоторая *клочковатость*, “*пучковатость*”, тогда как *пушистому* свойственно быть *ровным*, *некрупным*. Интересно, что впечатление некоторой грубоватости *мохнатого* может поддерживаться и синхронно неявной связью его со словом *мох*, которая, кстати, в словаре М. Фасмера определяется как родственная [Фасмер 1964–73, II: 666].

3. В заключение можно сказать следующее. Один из основных этапов формирования семантики слова — образование деривационного значения, которое становится частью лексического значения производного слова.

Помимо словообразовательного значения семантика нового слова необходимо включает в себя значение мотиватора. При

этом в производном может сохраняться весь набор сем производящего, а может быть сделана “выборка” нужных семантических признаков. В некоторых случаях может быть найдено более или менее правдоподобное объяснение тому, как и почему это происходит. В настоящей статье была предпринята такая попытка на примере слова *карьерист*. Однако во многих случаях объяснения пока не найдены. Так, например, в МАС для следующих двух лексем приводятся варианты значений, также имеющие сему, не “предусмотренную” словообразованием, но не объяснимую и при обращении к семантике мотиватора:

- умник* — *тот, кто умный* || *тот, кто умничает, считает себя умнее других*;
пошляк — *тот, кто пошлый* || *тот, кто склонен к пошлостям*.

Таким образом, можно сказать, что в образовании лексического значения слова участвует словообразовательное значение и семантика мотиватора. Кроме того, лексическое значение формируется на фоне ономаσιологической необходимости: называть нечто особым, “своим” именем. И такая необходимость зачастую способствует предсказуемости значения производного слова.

ЛИТЕРАТУРА

- Паликова О. 2000 — *Идиоматичность семантики производного слова (на материале русских существительных со значением лица)*. Дис. ... mag. art. Тарту.
 ТКС 1989 — И. А. Мельчук, А. К. Жолковский. *Толково-комбинаторный словарь*. Вена.
 Харитончик З. А. 1990 — Типы идиоматичности производного слова. *Матеріали міжвузівської наукової конференції “Семантика мови і тексту”*. Частина III. Івано-Франківськ. 338–339.
 Шмелев Д. Н. 1973 — *Проблемы семантического анализа лексики*. Москва.

ИСТОЧНИКИ

Даль 1994 — В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Москва.

МАС 1981–84 — Словарь русского языка. В 4 т. Москва.

НОСС 1997 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. Москва.

ССРЯ 1985 — А. Н. Тихонов. Словообразовательный словарь русского языка. В 2 т. Москва.

Фасмер 1964–73 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Москва.

РОЛЬ ДИМИНУТИВОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е. ПРОТАСОВА

— Сегодня вы опять без сладенького. Он всегда говорил уменьшительными словами, и это вызывало во мне непобедимое отвращение. Я не любил людей, употребляющих уменьшительные в ироническом смысле: нет более мелкой и бессильной подлости в языке. Я замечал, что к таким выражениям прибегают чаще всего или люди недостаточно культурные, или просто очень дурные, неизменно пребывающие в низости человеческой.

Гайто Газданов. Вечер у Клэр.

1. Вопрос об уместности употребления субъективно-оценочных суффиксов в русском языке — не праздный. С одной стороны, умение пользоваться ими свидетельствует о формировании чувства языка, об овладении деривационными средствами языковой системы. С другой стороны, носителями языка неоднократно отмечалось, что диминутивы, как и некоторые фразеологические средства, несут на себе настолько большую экспрессивную нагрузку, что могут оказаться нерелевантными, фальшивыми, свидетельством дурного вкуса, если произнесены без особых на то причин. В то же время многие носители языка прибегают к этому способу индивидуализации речи и любят приспосабливать суффиксы к разным иностранным именам и названиям (*Сюзанка, Марчеллище, Артурчик, метрошка, тикетик*). Более того, в психиатрии считается, что

при некоторых видах нарушения речи одним из симптомов может быть обилие слов в уменьшительной форме. Насколько мне известно, уменьшительность свойственна просьбе подождать собеседника у телефона в разных культурах, равно как и просьбам типа: *Не найдётся ли мне местечка? Не будет ли у вас пакетика? Что у нас за проблемка?* Почему же это морфологическое средство оказывается столь окрашенным?

1.1. Согласно академической грамматике, выделяются выраженные суффиксальным способом значения уменьшительное, ласкательное, уменьшительно-ласкательное, уменьшительно-уничижительное существительных [РГ 1980: 208–218], прилагательных [РГ 1980: 299–302], наречий [РГ 1980: 401–402] (ср. также *нетушки, туточки, тамочки* преимущественно в женской речи), междометий [РГ 1980: 732–734] (ср. также отзыв в значении “слушаю, что ты хочешь сказать?”: *аиньки? аюшки?*). Образованные от глагольных корней формы с уменьшительными суффиксами и окончанием множественного числа выполняют функции инфинитива: *пойдем спатеньки, не пора ли кушаньки, тебе время кушанечки* — и являются, безусловно, признаком интимной, домашней речи. Может быть, потому, что внутрисемейным отношениям, интимному общению вообще свойствен, как это отметил когда-то еще Р. О. Якобсон, переход к бэби-току, к речи, обычно обращаемой к маленькому ребенку, частично имитирующей особенности детского языка на разных уровнях языковой системы.

Для А. Вежбицкой обилие и разнообразие диминутивов в русском языке является характерным средством самовыражения эмоциональности [Вежбицкая 1996: 47–55]. Ю. Д. Апресян различает уменьшительное значение суффиксов с неуникальными предметами и положительное отношение к предмету или адресату с основами, обозначающими вещества или неуникальные предметы [Апресян 1995: 145–147]. О языковой игре в связи с суффиксами уменьшительности говорит и В. З. Санников [Санников 1999: 147, 157–160]. По-разному используются суффиксальные средства экспрессивизации в мужской и женской речи [Земская, Китайгородская, Розанова 1993: 122–126]. Е. А. Земская пишет, что экспрессия может

быть выразителем непринужденности речи, а среди целей говорящего может быть не только передача своего отношения к выражаемому словом денотату, но и оценка чужого денотата, стремление к созданию интимности, подчеркивание вежливости, дружелюбия, уменьшительности-ласкательности или, наоборот, что более типично для разговорной речи, отрицательной оценки, грубости, уничижительности, презрительности и т.п. [Земская 1981: 109–115]. Контрастность придает соединение экспрессивно-сниженных суффиксов с книжными основами. Переключение со своего на чужое может создавать особый эффект и особенно характерно для ситуации общения с больными или детьми, для описания животных, в ситуации покупки, при выражении просьбы, в общении по телефону (этикетная вежливость). Е. А. Земская, О. П. Ермакова, В. В. Лопатин рассуждают о стилевых оттенках, создаваемых различными лингвистическими средствами в высказываниях с диминутивами [Земская 1981, Ермакова 1984, Лопатин 1987]. Обобщая эти ситуации, можно сказать, что нерелевантным можно назвать такое употребление, когда ласкательность не мотивирована ни размером денотата, ни ситуацией употребления, а лишь подобострастием и заискиванием.

1.2. Языковая игра происходит при помощи балансирования на грани разных стилей речи. У суффиксов *-еньк-* / *-оньк-* следует подчеркнуть не только выражение хороших чувств, но и недостаточности признака. Это не снимает значения уменьшительности у суффиксов *-ка*, *-ик*, *-ок* (сочетания с двойными суффиксами типа *мостичек*, *холмичек* звучат достаточно обычно, хотя двойные уменьшительные суффиксы, скорее, говорят не об объекте, а о принадлежности говорящего к определенному кругу: они чрезмерно сусальны, не приемлемы с точки зрения культуры речи). При сравнении вариантов *маменька* и *мамонька* (оба встречаются в разговорной речи и в литературных источниках) вновь делается очевидным приоритет прецедента: хотя гласный переднего ряда, по всем предположениям, должен был выражать более нежные чувства, однако привязанность этого слова к литературным источникам делает именно второй вариант более свежим и искренним. Признак

малости может относиться не только к самому обозначаемому предмету, но и к каким-то его свойствам, к его владельцам, к некоторым обстоятельствам ситуации, в которой все происходит. В “интеллигентном” языке слово *тётка* (как и *бабка*) является официальным обозначением термина родства, сочетается с любыми вариантами имени; *тётя*, в отличие от литературного языка, нейтрально только в сочетании с именем собственным (причем не все полные, краткие или уменьшительные имена способны сочетаться с ним, скорее, двусложные краткие или ласкательные; *баба* + имя сочетается обычно с двусложными краткими именами и звучит просторечно), а *тётушка* — стилистически окрашено, часто пародирует речь XIX в., сочетается, скорее, с трехсложными вариантами имен (*бабушка* же — нейтральный вариант, сочетающийся с любыми вариантами имени). В фольклоре есть и сочетания *тётенька добренька, подай что-то сдобненько*. Слова *дядя, дядька, дяденька* ведут себя не так: первое максимально нейтрально и сочетается с любыми формами имен собственных, второе имеет скорее значение, аналогичное указанному А. Вежицкой для слова, или воспринимается неуважительно, т.к. имеет основу на мягкий согласный, а третий употребляется обычно в контекстах просительства, ср. [Вежицкая 1996: 145]. Некоторые соображения относительно роли уменьшительности в русском языке могут быть связаны с общей семантикой размера, включающей в себя по крайней мере относительный и антропоцентрический параметры [Спиридонова 1999].

Итак, употребление уменьшительного суффикса, возможно, свидетельствует скорее о говорящем и его намерении, чем об описываемом предмете. Вероятно, стремясь передать объективные характеристики предмета, он не будет пользоваться суффиксами, а выразит эту мысль аналитически.

1.3. Значение суффикса зависит в большей степени от намерения и контекста, чем от семантического потенциала морфемы. От одних и тех же основ в некоторых случаях могут быть образованы синонимичные существительные с разными морфами; здесь, кажется, существенна отсылка к предыдущим случаям употребления этого или аналогичных образований.

Так, частотность и ожидаемость суффикса способствуют его восприятию в более нейтральном, уменьшительном значении (*домик* — небольшой, миленький, симпатичный дом; маленький размер обычно вызывает умиление; после прилагательных *небольшой, маленький, славный, хорошенький* и т.п., несущих в себе идею эмоционального снисхождения, употребление суффикса почти обязательно и нейтрально; второй суффикс — *домичек* (напр., у Салтыкова-Щедрина) — усиливает идею ласкательности, кажется, выражает слишком большую степень привязанности говорящего к идее “дома”, передает волнение по поводу обретения интересующего его строения). Применение вариантов, встречающихся в традиционном фольклоре, является ссылкой на народность, привязанность к корням (*домок* — встречается также в других славянских языках — добротное собственное жильё, частное владение, своя семья — от второго значения слова *дом* -, где ведётся свое хозяйство, хозяева распоряжаются по своей воле; уничижительность ничего не говорит о размерах, скорее выражает ласковое отношение к объекту; второй суффиксальный формант к значению собственности добавляет значение ласкательности — *домочек*; звуковая ассоциация со словом *замочек* усиливает в то же время идею “мой дом — моя крепость”). Употребление суффиксального образования, известного, скорее, по художественной литературе, в особенности наличие контекстов из литературных произведений XIX в., выявляет позицию говорящего как человека образованного, знающего народный быт по письменным источникам (*домишко* — в литературе небольшой, часто ветхий или шаткий дом, не стоящий доброго слова, но любимый для его обитателей; применение литературного значения к реальному объекту может быть проинтерпретировано в зависимости от свойств этого реального объекта; если дом крепкий — в уничижительно-ласкательном значении, если старый — в уменьшительно-ласкательном, если речь идет о многоэтажном современном здании — говорящий призывает сравнить его с прототипическим образом русского дома — бревенчатой избой — и принять во внимание произошедшие в историческом плане изменения и т.п.; усиливает значение лас-

кательности, вместе с тем выражая еще большую неустойчивость, хлипкость постройки, второй суффикс: *домишечко*). Если говорящий выбирает нестандартный суффикс, образуя окказионализм, то дополнительный эффект создается за счет комбинации основного значения суффикса, его вторичных коннотаций и идеи эмоциональной окрашенности вообще (*домёнок* — суффикс со значением невзростлости, применимый в стандартном случае к детёнышам животных, ученикам какой-то профессии и т.п., в данном случае указывает на то, что дом воспринимается говорящим как некое живое существо, не просто построенное, а как бы рожденное им, т.е. процесс строительства был его очень личным переживанием, телесно-духовным участием; возможно, на участке имеется и более старый дом большего размера, по отношению к которому обозначаемый объект выступает в роли ребенка; такое обозначение может быть мотивировано внешним сходством большого и маленького сооружений; дополнительную экспрессию может придать присоединение еще одного форманта, выражающего трепетную ласку и заботу говорящего — *домёночек*; напротив, *домчик* должно было бы выражать панибратское отношение к чему-то, что можно считать своим, отношение к дому как к необходимому средству для жизни, одному из многих атрибутов существования, без аффектации образа, могло бы встретиться в молодёжной речи). В принципе возможны и другие образования.

Для русской эмоции, выражаемой в суффиксах, важны такие смыслы, как: своё — чужое, большое — маленькое, вызывает умиление — вызывает негодование, чувство можно выразить непосредственно — чувство нужно скрыть, можно персонафицировать или нет. Скорее всего, уничижение, уменьшение можно выражать непосредственно, а увеличение, восхищение предпочтительно маскировать. Суффиксы являются и средством цитации, и способом оценить свою эмоцию, занимая по отношению к ней опосредованную речевым средством позицию, переводя субъективное отношение в отстраненный объективированный план.

2. Определяющим для решения, стоит ли использовать существительное с экспрессивным суффиксом или лучше обойтись аналитическим описанием ситуации, является мысленная ссылка на прецедент: кто так говорил, кто так использовал суффиксы. Безусловно, цитируя типы номинаций, характерные для народной речи или стиля писателей XIX в., говорящий или пишущий предполагает, что его полностью поймёт адресат, владеющий тем же культурным тезаурусом, что и он сам. Но современной речи в разных жанрах и функциональных типах могут быть присущи и другие особенности. Поэтому представляется разумным посмотреть, каким именно образом используются диминутивы и некоторые другие экспрессивно-суффиксальные образования носителями русского языка.

2.1. В речи неформальных групп, прежде всего, Митьков, но и у других групп андеграунда суффиксы являются художественным приемом. Многие из них следуют лозунгам “Будем как дети” и “Здесь все свои” и связываются с желанием “прибедняться”. Для жаргонов и аргос они вообще, по-видимому, характерны, например, в неформальной речи военнослужащих (ср. “Братишка” — название журнала войск особого назначения). За каждым особым отношением или понятием закреплена строгая форма имени с суффиксом, не подлежащая свободному варьированию. Обычно неформальная группа старается придерживаться также каких-то предпочтений по отношению к “своим” стандартным суффиксам.

2.2. В фольклорно-самиздатовских текстах XX в. изобилие экспрессивных суффиксов, прежде всего, суффикса *-ушк-/ -юшк-*, встречается только в причитаниях, плачах, жалобах, см. [Стреляный 1997: 902, 907]. В текстах детского и подросткового фольклора употребление уменьшительных суффиксов ограничено. Если судить по текстам детских страшилок [Науменко 1997], то передача усиления признака достигается преимущественно за счет удвоения: *страшный-страшный, чернень-черный, маленький-маленький, большой-большой*. Такие образования, как *камушек, шарик, иголлка*, можно считать наиболее нейтральным наименованием соответствующего денота-

та в речи тинейджера (камни — что-то большое). В текстах девичьих романов [Белоусов 1998] с суффиксами употребляются слова *девчонка*, *парнишка*, некоторые обращения (*дурочка*), собственные имена (*Владик*, *Иринка*, *Сашка*, *Галька*, *Алёнка*). Обычной в речи подростков является при первом знакомстве полная форма имени, затем переход к форме на *-ка* (*-ик* для имен типа *Эдик*), следующая степень близости (обычно перед кульминацией рассказа) — форма на *-очка* (*Ромочка* вм. *Ромка*), *-енька* (*Серёженька* вм. *Серёжа*; но в развязке снова полное имя) или *-ка* (*Виталька* вм. *Виталик* как более интимное).

Представляется, что некоторые диминутивы следует считать словарными и оценивать по трехчастной английской схеме; что мягкие и твердые звуки в русском имеют свою семантику; что суффиксы с носовыми звуками выражают больше нежности, чем с взрывными или афrikатами; что суффиксы с шипящими характерны для народного стиля речи; что наличие *-к-* в суффиксе передает идею собственности.

2.3. В романе В. О. Пелевина “*Generation II*”, отражающем достаточно достоверно разные пласты современной речи, не встретилось увеличительных суффиксов, но употребление диминутивов удалось отразить в данном параграфе почти полностью (не рассматриваются случаи применения суффикса *-ова-* со значением недостаточности признака, как в словах *толстоватый*, *страшиноватость*).

Использование диминутивов — простой способ вызвать преимущественно положительные чувства у пишущего и читающего. Это, в первую очередь, обозначения меньших, чем обычно, объектов: (*маленький*) *томик*, (*микроскопическое*) *пятнышко*, *ящичек*, *квадратик*, *колбаски*, *трубочка*, *соломинка*, *церквушка* (т.е. какая-то неизвестная, незначительная, возможно, маленькая, но милая своим звоном, вечным на фоне занятий героев), (*мелкие*) *пузырьки*, *ослик*, *камушек*, *человечек*, *шкафчик*. Страничка с описанием русской идеи (с. 180) — недоделанный заказ, выполнить который герой очень старается, но не может с ним справиться. Нередко писатель не прибегает к диминутивам, а выражает размеры аналитическим способом,

при помощи прилагательного, что растягивает описание. Если же применяется прием комбинирования, т.е. прилагательное размера и уменьшительный суффикс, то подчеркивается, очевидно, более сильная степень признака. Иногда диминутивы являются, вероятно, наиболее употребительной, основной словарной формой, например: *лоскуток кожицы мухомора, огонёк / кончик сигареты, пуговки глаз (в отличие от глаз-пуговицы), горлышко бутылки, картинка на экране телевизора, прокладка с крылышками, козлиная бородка*, когда иначе и не скажешь, хотя словари их, как правило, не отражают.

При попытке обнаружить мотивацию диминутивов раскрывается один из сквозных замыслов книги. Так, многие диминутивы имеют принципиально иные денотаты: в эпиграфе *экранчик* (перевод англ. *little screen*) звучит как выражение удивления перед могуществом небольшого предмета (в других контекстах — *экран*), *башенка* (одновременно символизирующая свою реальную малость по сравнению с большой башней и с мифической башней, на которую нужно подняться герою), *маячок* (не настоящий маяк, а мигающий фонарь, маленький по сравнению с мифическим факелом на башне), *ниточка* (возвращающийся символ, встречающийся в волокнах, символизирующих в сфере ума чувства, а также нити, составляющие полотно занавески или всего мира, чувствующие богиню; в тексте мифа используется слово *нить*; вероятно, здесь также игра с концептуальной идеей нити), *собачка* (у которой пять ног, в отличие от собаки, представляющей Сирруфа), *мордочка* (*хомячка*, у которого есть *глазки, лапки*, которого держат как *исусика*, а также мифического зверя, в отличие от *морды* пьющего человека). Даже простые уменьшительные суффиксы в большинстве случаев оказываются несущими философскую нагрузку, частью идеи, проходящей через всё произведение.

Не обходится без игры с именами собственными: *Манька* (один из символов России), *Ваван* (обращение к кризистору-интеллектуалу космополитического направления), *Вовчик* (Малой) — рэкетир, *Аркаша* (скелетон Ельцина), *Салманчик* называет Радужева Березовский в опасный момент, надеясь его

умиловить; *Аллочка* обращается к секретарше молодой дизайнер с просьбой; кратким именем без суффикса поминают погибшего: *Дима*.

В некоторых случаях диминутивы, скорее, употребляются ласкательно, но как бы не по адресу: *ребятишки* (9) как обозначение поколения, с детства привыкающего к кофеину Пепси, это пока еще маленькие наркоманы, но уже жалкие и одновременно счастливые; *ребятки* (80) — обращение охранника к торговцу и покупателю ЛСД, обозначающее, что если они быстро не покинут помещение, то им что-то грозит; *баня* — символ вечности, а *банька* — его русский вариант; *за водочкой*, устойчивое выражение, обозначающее “добрый” интимный разговор под водку; *шарик* вм. введенного перед этим *сфера* о модели ума, чтобы не было слишком высокопарно, потому что это свой ум (50); *хор морячков* (220), т.е. молодых и, вероятно, ненастоящих моряков. Диминутив может смягчать впечатление: “ваш сыночек, конечно, урод, но...” (87), одновременно выказывая пренебрежение и вовлекая слушателя в свой план по изменению внешности объекта, в отличие от *сынишка мой* (220) об авторе клипа, сыне телеаналитика, где это звучит нежно-снисходительно. То же средство может служить для передачи неполной степени признака: “один пьяненький преподаватель советской литературы” (15), т.е. жалкий, находящийся в промежуточном положении между трезвостью и опьянением, отчего половинчатость всей его натуры вызывает пренебрежение; *худенький мужичок с усами* (200), литературный критик в деревенском сортире, псевдоинтеллектуальный пафос речи которого контрастирует во всем с обстановкой; “От Азадовского пахло винцом” (280), т.е. не похорошему, не по-настоящему, как-то сомнительно, этот оттенок выражен также формой глагола. *Секундочку* (149) вполне обычно в просьбе подождать (ср. выше), однако использованный героем Пелевина вариант употребляется определенными людьми в определенных обстоятельствах, а именно тогда, когда участники общения, поставщик и потребитель, агент и клиент, хотят показать, что они настолько заняты, что даже секунда кажется им очень большим сроком, они уважают вре-

мя друг друга, для решения пустяковой проблемы понадобится мало времени; в то же время они не настолько интеллигентны, чтобы просто сказать: “Подождите, пожалуйста”.

Амбивалентность диминутивов — уже отмечавшаяся черта, вообще свойственная русскому характеру: то, что только что было хорошим, может стать плохим, милое — гадким, доброе злым, без всякого перехода. Если исходить из концепции употребления уменьшительного суффикса как акта духовного присвоения, то разочарование возникает из-за того, что кто-то не хочет считать себя собственностью, которой можно распоряжаться, не отвечает ожиданиям. Так, команды типа: “Скоренько!” — могут означать ласковую просьбу и одновременно звучать угрозой, фраза: “Тоже мне порядочки!” (готовая формула, в которую можно подставлять разные существительные во множественном числе) — выражает недоверие к существующему порядку, который может мыслиться и как слишком мягкий, и как слишком жёсткий и т.п. Нормально, если маленькое называется маленьким, здесь нет когнитивного противоречия, но если наоборот, то адресат речи ищет причину, по которой говорящий избрал именно данную форму номинации. Таков редкий случай уменьшительного суффикса при абстрактном понятии: “блатное обращеньеице «россияне»” (180), где роль диминутива заключается в том, чтобы, выражаясь словами Пелевина, “спустить” велеречивую идею, настроить читателя на подозрительное отношение к теме и в одном слове отразить раскрытую в последующем абзаце мысль автора.

Диминутивы используются тогда, когда нужно придать убедительность речи представителя “Народной воли”, бывшего преподавателя философии, употреблявшего в лекциях слово “ежели” и персонифицировавшего отношения между философскими категориями; именно он говорит об одежде Чубайса, входящего в магазин: “На нем пальтишко такое серое, шарфик мохеровый и кепка...”, что должно вызвать сочувствие у слушателей и веру в то, что если богатый человек как-то по-человечески одет, то он существует (266). В клипе с русским уклоном, рекламирующем джинсы, участвуют два дурачка (133). Малюта, разработчик русской идеи, оперирует понятия-

ми типа: “квасок ядреный с хренком” (246), долженствующими вызвать у адресата представление о любви русских к острым ощущениям, за чем следует вера в надежность тех, кто их не боится. Присвоение происходит и в отрезке, объясняющем, что утопический персонаж оказался идеологом рекламного бизнеса: “То, что товарищ Огилви, несмотря на свою удвоенную нереальность, все-таки выплыл на бережок, закурил трубочку, надел твидовый пиджак и стал всемирно признанным асом рекламы, наполняло Татарского мистическим восхищением перед своей профессией” (63), — за счет уменьшительности становится существующим то, чего нет, причем одновременно делается каким-то русским, простым.

В разговорно-жаргонных отрезках, например, “Открыл человек какое-нибудь малое предприятие “Эверест”, и так ему хочется увидеть свой логотипчик по первому каналу...” (21), где выражается нежное отношение к совсем не нежному предмету, поскольку он является своим (здесь двойная игра: малое и Эверест также плохо сочетаются); при обозначении продавцом ЛСД предмета своей коллекции — “редкая марочка” (79); при описании наркотического эффекта: “Началось, зверюшка подъехала” (275), при передаче извинения со смешением значения: “Ты извини за повязочку и все дела” (280), т.е. на самом деле не повязка маленькая, а инцидент незначительный; “И ты, Аллочка, запомни — когда я чего говорю, ты не спрашиваешь “почему”, а берешь на карандашик” (298), где отношения шефа и подчиненной показаны как его к ней снисходительность, выраженная уменьшительными суффиксами имени и рабочего инструмента секретарши. Работы хранят в папочке (*passim*): с одной стороны, этот предмет не может быть очень толстым и большим (если непонятно, что в нем); с другой, если это чужие работы, созданные неприятным главному герою типом, то понятно, что назвать их собрание папкой было бы завышением заслуг соперника; у симпатичного человека всё равно “пухлая засаленная папочка” (225), однако если там свои работы, то мило и является рабочим инструментом их объединение в одном месте; свою папочку жалко отдавать человеку, который может испортить находящиеся в ней

мысли. *Книжечкой* называется собственная записная книжка небольшого размера, в которую герой вносит свои идеи, а также секретное пособие по виртуальному бизнесу, когда выражается просьба дать его почитать (132).

Таким образом, В. О. Пелевин пользуется диминутивами в нескольких направлениях: при стилизации речи (жаргон, русскость), при сближении позиций участников ситуации (для выражения дистанции между говорящими или говорящим и объектом), с целью быстрого обозначения небольшого размера, для различения объектов мифического и реального плана.

2.4. По корпусу разговорной речи, собранной сотрудниками Саратовского государственного университета под руководством профессора О. Б. Сиротининой, мной проверено употребление исследуемых суффиксов в деревенской и городской речи. В первой части встречаются следующие случаи: обращение к собеседнице (*любущика, голубушка*), обозначение людей и вещей по их возрасту (*детушки, женщина молоденькая, молоденький, пареньки, старенькая каменочка, деревцо*, но: *бабка стара, тётка Тася*), размеру (*штучки, кончики*), наименования домашних животных (*телёночек, коровушка, лошадка, скотинка*), еды (*картошечка, грибочки, медик, молочко, корочка*), погодных явлений (*солнышко, дождик*), посуды (*чугунчик, горшочки, кадушки, ведёрко, ведёрочко*), времени (*суточки*). Параллельно и даже чаще встречаются эти же номинации без экспрессивных суффиксов. Эмоциональной окраски не несут дефиниции, выражающие нейтральное отношение, в то время как без суффикса они выражали бы более официальное понятие или передавали бы иное значение (*ядрышко* в знач. “опухоль”, *речка, сучок, крылечко, лампочка, ножик, рожок, печка, свечка*); ср: *картинка* — изображение святого, *дурачок* — сумасшедший. Выражение “свадебка невелика там была” использует суффикс в уменьшительно-уничтожительном значении, по ср. с *свадьба* без определения в том же дискурсе; слово *маленький* определяет идущую за ним номинацию *домичек* (также: *маханьей такой домик*); словосочетание *бабочка маленька* также связано с размером; *машинка легковая* (у других информантов *машинка* — механизм), может быть,

определяется именно легкостью транспортного средства. О своём по сравнению с чужим говорят “наша вот деревнюшка”, а не “одна деревня, другая деревня”. Про один и тот же объект говорят то *часовня* (по назначению), то *часовенка* (по размеру); *яички* или *яйца* (у разных информантов), то *корзина*, то *корзинка*, то *прутик*, то *прутышек*. Номинации *девка*, *девчонка*, *девочка* применительно к одному и тому же человеку встречаются в репликах, идущих подряд. Только с диминутивными суффиксами отмечены лексемы *мешочек*, *крестик*, *горочка*. Наречия *маленько*, *частенько*, *немножечко*, *вкусненько*, а также встречающиеся подряд *тихонько*, *тихонечко* смягчают степень признака действия.

В целом можно отметить, что в деревенских текстах никакого ожидаемого изобилия суффиксов не отмечается. Все употребления обычно мотивированы: речь идёт о близких, важных для жизнеобеспечения вещах, к которым следует относиться душевно, а не то они могут обидеться и отомстить, либо о возрасте и размерах предметов, либо о степени выраженности признака.

Вторая, большая по объёму часть корпуса разговорной речи из фондов СГУ, представляет собой записи речи людей, имеющих почти всегда высшее образование, причем часто профессоров-филологов, сделанные в недавнее время в ситуациях повседневного непринужденного общения по самым разным поводам (прием гостей, взаимоотношения в семье и на работе, застольная беседа, общение на лавочке, старые и новые обычаи, болезни, работа со студентами, биография, воспитание детей, поездки и т.п.). Из 204 обнаруженных нами в этом корпусе случаев употребления диминутивов (имена собственные не учитывались; подсчитывается количество употреблений, а не количество образцов разных типов) на обозначения еды и посуды приходится 58 (28,4%), на сферу общения с ребенком или связанный с ним рассказ 43 (21,1%), на предметы одежды, в том числе и детские, но, как ни странно, прежде всего в речи мужчин, 32 (15,7%), на обозначения времени, в том числе и возраста ребенка, 11 (5,4%), на обращения к людям 5 (2,5%). Прочие диминутивы (55; 26,9%) относятся к раз-

ряду маленьких предметов, к уменьшительно-ласкательным и просто ласковым номинациям или их комбинации (например, *солдатик* — молодой солдат, голосующий на дороге, которого жалко); конечно, не всегда отнесение слова к тому или иному разряду однозначно; не всегда ясно, каким мотивом дериват вызван.

Надо отметить, что не все слова, даже относящиеся к сфере еды и посуды, непременно имеют особенные суффиксы, а лишь меньшая их часть. Это употребление, безусловно, маркировано, как в случаях, когда подряд встречаются исходная форма и образованная от нее, например: *Посреди дня пьем портвейн ... Ничего так портвейничик* (женщина-врач, 24 года); *Знаешь, я приемничек дома позабыл, а я ... Знаешь, у меня такая система, я без приемника вообще не могу* (студентка-филолог 19 лет при передаче речи молодого педагога-мужчины). Нейтральная форма обозначает класс или тип предметов вообще, а диминутив — конкретный предмет, выпитый или приобретенный говорящим; т.е. это диминутив разряда “свой”. Интересны случаи употребления двух форм диминутивов от одной основы (разными информантами): *чемоданчик, чемоданишко*. Отмечено три случая употребления наречия *рядышком*.

Проведенный анализ подтвердил, что в современной разговорной речи еда, общение с детьми, одежда, обращение к людям, в особенности с просьбой и извинением, расположение события во времени являются аргументами в пользу эмоционального использования уменьшительных суффиксов.

3. Инвариант смысла у диминутива, скорее, не малая величина и не детскость, а обозначение “вещи для нас” в мире предметов, подлежащем постепенному открыванию, присвоение, задабривание души вещи, просьба быть хорошей к ребенку. Когда классный наставник (см. эпиграф) говорит герою, что ему не достанется сладенького, он, вероятно, подчеркивает, что герой хотел бы получить, сделать своим сладкое блюдо, но педагог присваивает себе право лишить героя десерта: употребляя уменьшительный суффикс, как бы претендует на еду, делает ее своей собственностью. Запрет, в том числе и са-

мозапрет на изъявление личного отношения, существен, если говорящий стремится как можно более сдержанно и нейтрально отнестись к миру предметов за пределами своего речевого поступка.

В антропоцентричной лингвистике не стоит ограничиваться идеями, передаваемыми словами; важно также то, что думает о себе человек, который говорит или пишет. Если у него есть группа разрабатываемых в идиолекте ролей, то каждая роль обслуживается набором примет, выраженных в словесных признаках. Выбор большинства экспрессивных суффиксов автором речи всегда производится сознательно, с опорой на прецедент, поэтому он говорит или пишет не только и не столько об объекте, сколько о себе самом. Таким образом, экспрессивное средство является ответственным стилистическим приемом, демонстрирующим, что именно в этом мире автор речевого поступка считает своим и способным повлиять на мнение окружающих.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д. 1995 — *Избранные труды*. Т. 2. Москва.
- Вежицкая А. 1996 — *Язык. Культура. Познание*. Москва.
- Ермакова О. П. 1984 — Номинации в просторечии. *Городское просторечие. Проблемы изучения*. Москва. 130–140.
- Земская Е. А. 1981 — Имя. *Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис*. Москва. 99–131.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. 1993 — Особенности мужской и женской речи. *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект*. Москва. 90–136.
- Лопатин В. В. 1987 — Словообразовательные средства субъективно-оценочной прагматики высказывания и текста. *Русский язык. Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах*. Москва. 143–161.
- РГ 1980 — *Русская грамматика*. Т. 1. Москва.
- Санников В. З. 1999 — *Русский язык в зеркале языковой игры*. Москва.

- Спиридонова Н. Ф. 1999 — Русские диминутивы: проблемы образования и значения. *Известия АН, Серия литературы и языка.* № 2. 13–22.

ИСТОЧНИКИ

- Белоусов А. Ф., сост. 1998 — *От "вызываний Пиковой дамы" до семейных рассказов.* Москва.
- Науменко Г. М., сост. 1997 — *Русские детские страшилки.* Москва.
- Пелевин В. О. 1999 — *"Generation 'П'".* Москва.
- Сиротинина О. Б. — *Компьютерный вариант записей диалектной и разговорной речи, сделанных в Саратовском гос. университете в 1976–1991 гг.*
- Стреляный А. и др., сост. 1997 — *Самиздат века.* Минск–Москва.
- Шинкарев В. Н. 1998. — *Митьки.* Санкт-Петербург.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, СВЯЗАННЫХ С СЕМАНТИЧЕСКИМ ПОЛЕМ РЕЛИГИИ И МИФОЛОГИИ (характеристика человека)

Т. ТРОЯНОВА

Как известно, изучение языка тесно связано с исследованием культуры народа. Поэтому представляется интересным рассмотреть метафорические значения существительных, относящихся к семантическому полю религии и мифологии (далее — РМ-существительные), изучить сам процесс метафоризации подобных лексем, поскольку верования являются одним из существенных аспектов восприятия человеком окружающего мира.

В настоящей статье объектом нашего внимания станут РМ-существительные, которые используются в качестве метафорических наименований человека: *вакханка, кощей, шайтан* и др. Рассматриваются 29 лексем, список которых является результатом сплошной выборки из *Словаря русского языка* под редакцией А. П. Евгеньевой.

Наиболее многочисленной на нашем материале является группа слов, связанных с христианскими воззрениями и библейскими сказаниями (14 лексем). Значительную часть этой группы составляют наименования сверхъестественного существа, олицетворяющего собой злое начало, которые используются в качестве бранных слов, — *антихрист, сатана, чёрт, бес, дьявол* — и производные от трёх из них: *чертяка, чертёнок, бесёнок, дьяволёнок*. Почти все эти лексемы, а также РМ-

существительные *ангел*, *душа* и производные *ангелочек*, *душенька* используются в речи в качестве бранных слов или ласковых обращений и могут быть отнесены к метафорам особого типа, основанным на актуализации оценочной коннотации и создаваемым с целью выражения своего отношения к человеку через отрицательные или положительные эмоции, связанные с объектом метафоры.

В ходе анализа собственно метафорических значений, основанных на ассоциации по сходству, выяснилось, что в рассматриваемых нами лексемах возможна различная степень сложности процесса метафоризации. В связи с этим здесь и далее, при анализе других групп РМ-существительных, мы будем выделять лексемы с прямой (ППС) и опосредованной (ОПС) признаковой связью¹. В основе переноса в метафорах первого типа — ППС — лежит легко вычленяемое свойство объекта. При втором типе метафор — ОПС — происходит переосмысление самого лежащего в основе признака, причём здесь роль посредника между исходным и переносным значениями “может выполнять не одна сема, а множество сем (обычно нерасчленённое, диффузное), которые скрыты в глубине семантической структуры и извлекаются из неё при метафоризации” [Скляревская 1993: 46–47]. Так, метафорические значения слов *левиафан* (по библейскому преданию: *огромное морское чудовище или летающий дракон*) ‘о ком-либо, поражающем своей величиной, силой’ и *ангелочек* ‘о ребёнке, молодой девушке или юноше милой приятной наружности’ базируются на представлении о внешних качествах, присущих этим существам (величина и сила левиафана, красота ангелочка). В основе развития вторичного значения у слов *бесёнок*, *чертёнок*, *дьяволёнок* лежит более сложный процесс, на который оказывает влияние и морфемная структура этих лексем (наличие уменьшительно-ласкательного суффикса *-онок*): нечистая сила, не повинующаяся божественным законам бытия, — непослушание — детское озорство.

¹ Термины В. К. Харченко: [Харченко 1973].

Число РМ-существительных, относящихся к иным, нехристианским, вероисповеданиям, на нашем материале очень ограничено: только две заимствованные лексемы, в прямом значении связанные с понятиями мусульманской религии, — *гурья* ‘вечно юная красавица, обительница рая, услаждающая попавших туда праведников’ (метафора с ППС, развитие переносного значения опирается на легко вычленимый признак: ‘красавица’) и *шайтан* ‘злой дух, дьявол’ (особый тип метафоры: употребляется как бранное слово).

Используются в переносном значении и общерелигиозные наименования верховного существа, сотворившего мир: *божество*, *божок*. Оба — о человеке, вызывающем обожание, преклонение. Представляется, однако, что в употреблении этих слов существует различие, не отмеченное авторами словаря: выбирая то или иное наименование, говорящий выражает положительную (*божество*) или отрицательную (*божок*) оценку, на что влияет, видимо, морфемная структура слова, а также использование лексемы *божок* для наименования изображения, статуи языческого бога.

Как и следовало ожидать, в корпус исследуемого материала вошли слова, связанные с русскими народными поверьями (5 лексем): *нечисть*, *леший*, *кикимора*, *шишига*, *кощей*.

Если возможность метафоризации лексемы *нечисть* объяснима близостью к значению уже упомянутых нами *чёрт*, *бес* и т.д., то интересно, что из достаточно большого числа наименований мифологических существ, представленных в народных преданиях (*полевой*, *овинник*, *домовой*, *баенник*, *кликуша* и др.), метафоризации подверглись только лексемы *кикимора*, *леший* и *шишига*. По-видимому, этот факт можно объяснить наибольшим распространением народных поверий, связанных с этими мифологическими персонажами.

Кикиморы (нечистая сила, как правило, в женском облике) и шишиги (нечистая сила, леший, чёрт) первоначально в народном представлении были существами “родственными”, на что указывает возможность наименования кикиморы *шишиморой* (однокоренное к *шишига*): в первом проявляется связь с балто-славянским корнем **kik / kyk / kuk* с общим значением

горбатости, скрюченности, второе же название возводят к глаголам *шишитъ*, *шишать* ‘копошиться, шевелиться, делать укордкой’. Лексема *кикимора* первоначально обозначала “женский мифологический персонаж, обитающий в жилище человека, приносящий вред, ущерб и мелкие неприятности людям”, однако использовалась и для наименования других существ: жены домового (олонец., вологод.), жены лешего (вятск.), русалки (сибир.), полудницы (вологод.), оборотня (новгород., архангел.) и др. [Левкиевская 1999: 494]. По-разному представляли кикимору и внешне: в виде маленькой, безобразной, скрюченной старушонки, в облике девушки в белой или красной рубаше, женщины, мужика, маленьких девочек [там же]. Лексема *шишига* употреблялась для наименования различных мифологических существ: “нечистый, сатана, бес, злой кикимора или домовый, нечистая сила, которого обычно поселяют в овине, овинный домовый” [Даль 1994: 1446]. Видимо, в связи с этим впоследствии значение этих лексем стало шире: они стали употребляться для обозначения нечистой силы вообще (кикимора — в женском обличье), таким образом сближаясь с использованием таких слов, как *нечисть*, *бес* и т.д.

Отсутствие ярких отличительных черт у такого мифологического существа, как леший, который “обыкновенно представлялся волосатым, голым (или в потёртом кафтане) старцем с белыми космами, длинной бородой и зелёными глазами” [Мокиенко 1999: 279] и способен был, по народным представлениям, “перекидываться в мужика с котомкой, в волка, в филина” [Даль 1994: 726], видимо, повлияло на тот факт, что лешие, по мнению С. В. Максимова, во многих народных рассказах и преданиях смешивались так же, как и кикимора и шишига, с чертями, нечистой силой вообще, в результате чего “само название изживших свой долгий век лесных духов стало пригодным лишь для ругательств, и притом в настоящее время совершенно безнаказанных и вовсе безопасных” [Максимов 1991: 206–207]. Употребление наименований описанных выше мифологических существ стало шире в связи с утратой ими в народном сознании ярких отличительных признаков, соответ-

ственно и метафорическое значение их широко: все эти лексемы (*кикимора*, *шешига* и *леший*) могут быть причислены к особому типу метафоры — бранным обращениям.

В отличие от них слово *кощей* может быть использовано в речи либо для характеристики конкретных негативных черт характера человека: *о скупом человеке*, *скряге*, либо для описания внешности: *о тощем и высоком человеке*, *чаще старике*, поскольку образ этого персонажа русских народных сказок обладает чётко очерченными отличительными чертами: *худой, костлявый старик, обладающий тайной долговечности, богатый и злой* (оба метафорических значения — ППС).

Метафорические значения в русском языке присутствуют у ряда РМ-существительных, связанных с верованиями древних греков. Это следующие 4 лексемы: *сатир* — о лукавом, насмешливом или сладострастном, похотливом человеке; *олимпиец* — о человеке, отличающемся величавым спокойствием, торжественной важностью облика, а также высокомерном, недоступном, чуждом людским страстям человеке; *сирена* — о красивой, обольстительной, но бездушной женщине; *муза* — об источнике творческого вдохновения, обычно олицетворяемом женщиной. Отметим сразу, что все эти слова при переносном употреблении отличаются книжностью, часто современными носителями языка ощущаются как устаревшие. Метафорическое значение их основывается на отличительных, наиболее ярких признаках исходного объекта (ППС).

К РМ-существительным могут быть отнесены и слова *вакханка* и *ведьма*, именующие людей, имеющих отношение к религиозным или мистическим действиям. Основой метафоризации в обоих словах становятся не подвергающиеся трансформации дифференциальные семы исходного значения (*вакханка* — жрица бога Вакха, участница празднеств-вакханалий → о сладострастной женщине; *ведьма* — женщина, знающая с нечистой силой → о злой, коварной женщине). Именно употребление слова *ведьма* в переносном значении может помочь смысловому различению его с синонимом *колдунья*, который не может быть использован для характеристики человека: ремесло ведьмы всегда связано с нечистой силой,

а колдунов и колдуний — с магией в целом (ср. словосочетание: *белый колдун*).

В завершение можно сделать следующие выводы:

1. Источниками образов, лежащих в основе метафорических значений РМ-существительных, могут быть как религиозные представления, так и народные предания. Наиболее широко используется лексика, связанная с христианской религией и русской мифологией, реже — слова, относящиеся к преданиям древних греков и мусульманской вере.

2. При этом переносные значения большей части РМ-существительных относятся к бранным словам и ласковым обращениям — особому типу метафоры, создаваемому с целью выражения отношения говорящего к человеку через отрицательные или положительные эмоции, связанные с объектом метафоры. Причём религиозные наименования злых сверхсуществ (*чёрт, бес* и т.д.) и мифологических существ (*леший, кикимора* и т.д.) утрачивают в сознании говорящего свои отличительные признаки и становятся собственно символом злого начала, нечистой силы.

3. Собственно переносные значения РМ-существительных, основанные на ассоциации по сходству, как правило, являются результатом метафоризации с прямой признаковой связью: значимым становится один из наиболее ярких признаков мифологического существа (*кощей, левиафан* и т.д.). Метафоры с опосредованной признаковой связью встречаются крайне редко, можно предположить, что на сам процесс возникновения вторичного значения влияет в таких случаях морфемная структура слова (например, суффикс *-онок* в словах *бесёнок, чертёнок*).

ЛИТЕРАТУРА

- Даль В. И. 1994 — *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1–4. Москва.
- Левкиевская Е. Е. 1999 — *Кикимора. Славянские древности. Этимологический словарь*. Под ред. Н. И. Толстого. Т. 2: Д–К. Москва.
- Максимов С. В. 1991 — *Нечистая сила. Неведомая сила*. Кемерово.

- Мокиенко В. М. 1999 — *Образы русской речи*. Санкт-Петербург.
- Скляревская Г. Н. 1993 — *Метафора в системе языка*. Санкт-Петербург.
- Харченко В. К. 1973 — Производное оценочное значение в структуре многозначного слова. *Научные труды Новосибирского государственного педагогического института*. Вып. 91. Проблемы русского языка. Новосибирск.

ИСТОЧНИКИ

- Словарь русского языка. Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1–4. Москва. 1985–88.

МОДАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ НЕОБХОДИМОСТИ С ИМЕННЫМИ ПРЕДИКАТАМИ (об употреблении прилагательного *нужен*)

С. Н. ТУРОВСКАЯ

Обычно в работах, посвященных описанию какой-либо модальности, в центре анализа оказываются конструкции с глагольным компонентом: чаще всего это сочетание предиката / предикатива с инфинитивом или одиночный инфинитив, или форма наклонения глагола. Конструкции с именными модальными предикатами, как правило, остаются вне подробного рассмотрения.¹ А между тем, как показывают некоторые наблюдения, именно эти периферийные модальные конструкции способны дополнить и, возможно, отчасти изменить бытующие представления о семантике некоторых модальностей, в частности, модальности необходимости (надобности).

Краткое прилагательное *нужен* — один из самых ярких и частотных именных предикатов, выражающих значение надобности.² Модальные конструкции с *нужен* встречаются практически во всех стилях речи и во всех типах текстов. В

¹ В одном из наиболее фундаментальных исследований о модальности необходимости конструкции с именными модальными предикатами фактически сводятся (т.е. функционально приравнены) к конструкциям с инфинитивом [Цейтлин 1990: 149].

² О списке предикатов с компонентом значения 'необходимость' см. подробнее [Туровская 1997: 28].

повседневной обыденной речи эти высказывания выполняют важнейшую регулятивную функцию поведения.

Но возвратимся к общей семантической характеристике модальных конструкций необходимости. Семантическим ядром высказываний с модальным смыслом необходимости является интенциональность.³ Сами квалификации и определения интенциональности (какое бы определение ни бралось за основу на протяжении длительной философской традиции) подразумевают направленность или устремленность сознания субъекта действия на результат действия.⁴ Модальность необходимости (надобности) в отличие от других модальностей, формирующихся на основе концепта необходимости (например, вынужденности или долженствования) обладает самыми яркими интенциональными характеристиками, поскольку всегда включена в телеологический контекст: постановка субъектом практических целей и средств к их достижению. Но характер интенциональности тоже бывает разный. Основное отличие модальных конструкций необходимости (надобности) с кратким прилагательным *нужен* от других семантически сходных конструкций с глагольными компонентами в интенсивности проявления интенциональности. Если конструкции с глагольным компонентом можно отнести к конструкциям интенционального действия (направленность сознания субъекта модального действия на предполагаемое необходимое действие), то конструкции с кратким прилагательным можно считать конструкциями интенционального состояния.⁵ Интенциональное состояние и интенциональное действие отнюдь не разные способы модального действия, скорее, разные фазы модальной активности. Ср.:

³ Об интенциональности в модальных высказываниях необходимости см. подробнее [Туровская 1990].

⁴ Из всех многочисленных определений интенциональности определение Г. фон Вригта представляется наиболее приемлемым, поскольку включено в контекст деятельности, который как нельзя лучше отвечает динамическому характеру модальных конструкций необходимости. См. подробнее [Wright 1975: 79–80].

⁵ Об интенциональном состоянии см. подробнее [Серль 1987: 98].

(1) *Мне нужны деньги.*

(2) *Мне нужно найти / находить деньги.*

Высказывание (1) не эквивалентно (именно с точки зрения проявления активности) высказыванию (2). Необходимость (надобность) в высказывании (1) может быть лишь мотивом последующего решения о необходимом действии, выраженном инфинитивом. Другими словами, высказывания с предикативным прилагательным *нужен* могут быть лишь посылками практического силлогизма, где выводом — следствием этого силлогизма являются высказывания с модальным ядром, сочетающим предикатив и инфинитив.

Переводя эти конструктивные различия на язык теории деятельности, можно сказать, что высказывания с *нужен* выражают саму идею потребности. Потребность — состояние индивида, создаваемое испытываемой им нуждой в объектах, необходимых для его существования и развития. Потребности — источник активности субъекта⁶, поэтому они неразрывно связаны с субъектом и не могут существовать вне сферы субъекта. В конструкциях с *нужен* субъект всегда присутствует. Это может быть эксплицитный субъект (если он грамматически выражен) или имплицитный (если грамматический субъект отсутствует). Семантические характеристики конструкций с предикативным прилагательным неотделимы от того телеологического контекста, который сопровождает модальность необходимости. Таким образом, по определению, необходимость (и, соответственно, модальность необходимости) всегда существует в сфере действующего или потенциально действующего субъекта и тех целей, которые он перед собой ставит. Для конструкций с предикативным прилагательным наличие субъекта практически обязательно. Ср.:

(3) *Ваша супруга просила меня к вам зайти и взять у вас этот стул. Она говорила, что он ей нужен для пары. А вам она собирается прислать кресло (И. Ильф, Е. Петров).*

⁶ О месте потребностей в структуре активности см. подробнее [Психология 1990: 287].

- (4) — *Товарищи!* — продолжал Остап. — **Нужна** немедленная помощь! Мы должны вырвать детей из цепких лап улицы, и мы вырвем их оттуда! Поможем **детям!** (И. Ильф, Е. Петров).

Часто цели можно выявить, обращаясь лишь к широкому контексту (см. 4). Даже в случае так называемых целевых норм (модальные высказывания о средствах, необходимых для достижения указанной цели, с устраненным грамматическим субъектом) семантический субъект легко выводим из контекста. Ср.:

- (5) — *Но чем **вы** будете там жить? Ведь у вас ничего нет.*
 — *Я буду переводами заниматься или... или открою библиотечку...*
 — *Не фантазируйте, моя милая. На библиотечку деньги **нужны*** (А. Чехов).

Грамматический субъект (формальное подлежащее) не совпадает с субъектом необходимости. Если он эксплицитен, то грамматическое средство выражения — дательный падеж, см. (1), (2), (3), (4). Косвенным доказательством важности выражения субъекта для вышеописанных конструкций с предикативным прилагательным, является частотное употребление конструктивно сходных экспрессивных⁷ высказываний с подразумеваемым отрицанием. Эти высказывания сопровождаются вопросительной или восклицательной интонацией. В фокусе таких конструкций всегда находится субъект. Ср.:

- (6) *Ну, **кому нужен** точильщик в нашем доме? Что точить? Какие ножи?* (М. Булгаков).
 (7) — *Что же вы это, матушка, затеяли? **Кому нужны** эти мелодрамы?* — *Он смолк и стал рассматривать пятно сырости на потолке и обоях* (Б. Пастернак).
 (8) — *<...> И зря не опубликовал, — сказал второй. — Тогда не посадили бы. А так — **кому он нужен?*** (С. Довлатов).

⁷ Термин *экспрессивность* приобрел агностический оттенок. Представляется удачным определение экспрессивности как превышающий условную норму эмоциональной выразительности, имеющей в первую очередь прагматический характер, в работе [Храковский 1999: 104].

Круг объектов, к которым приложим предикат *нужен* практически необозрим: человек и все, что окружает человека. В этом плане можно выделить два больших класса конструкций с *нужен*: соотносимых с категорией “люди” и соотносимых с категорией “мир человека” (артефакты, человеческие чувства, поступки, явления и т.д.). Своеобразие семантики модальных конструкций отчасти предопределяется отношением к тому или иному классу. Но главное свойство — проявление интенционального состояния — соотносимо с Я-субъектом (т.е. с субъектом 1-го лица, при различных видах цитирования — 3-го лица) Ср.:

- (9) *Мне срочно нужна резолюция Полыхаева. У меня подробный доклад о непригодности бывшего помещения “Жесть и бекон” к условиям работы “Геркулеса”. Я не могу без резолюции (И. Ильф, Е. Петров).*
- (10) — *Спрошу, — сказала, видимо колеблясь, горничная и, приоткрыв дверь в кабинет покойного Берлиоза, доложила: — Рыцарь, тут явился маленький человек, который говорит, что ему нужен мессир (М. Булгаков).*

В последнем примере речь идет только о “следах” интенционального состояния в сознании говорящего субъекта — предмета речи другого субъекта. В остальных случаях (2 и 3 лицо) прочтение может быть двояким: прескриптивным или нет. Ср.:

- (11) *Проще надо одеваться, Паниковский! Вы — почтенный старик. Вам нужны черный сюртук и касторговая шляпа (И. Ильф, Е. Петров).*
- (12) *Вам нужен отдых (свежий воздух, морской климат и т.п.).*

Косвенно прескриптивными являются конструкции, где субъект необходимости выражен третьим лицом (*Ему нужен воздух... и т.п.*). Это так называемые косвенные советы.

Непрескриптивное прочтение характерно для конструкций, “разоблачающих” неблагоприятную цель. Очень часто множественное лицо формального субъекта подчеркивает многократность действия. Ср.:

- (13) *Вы — барин. Вам нужны шуты и нахлебники. Не сомневаюсь, что тот Володя Макаров сбежал от вас, не вытерпев издевательств (Ю. Олеша).*

- (14) — *Вам нужен Сережа, чтобы сделать мне больно, — проговорила она, исподлобья глядя на него. — Вы не любите его... Оставьте Сережу!* (Л. Толстой)

Но вернемся к конструкциям с Я-субъектом. В обыденной речи особенно часто встречаются конструкции, выражающие цель прихода, приезда, объект поиска (конкретное лицо или лицо определенной профессии). Поэтому они встречаются в контексте глаголов движения, а всю ситуацию можно охарактеризовать как ситуацию поиска. Такие конструкции — своего рода модальные клише в стандартной ситуации поиска. Ср.:

- (15) *Покажите его, он нужен мне, я ищу его. Остановитесь! Вы нужны мне...* (Ю. Олеша).
- (16) *Двое вооруженных автоматами людей ночью вошли в наш дом и постучали в двери соседки. Она открыла. — Нам нужен доктор Георгий, — сказали они, — он в вашем доме живет. Покажите его квартиру* (Ф. Искандер).
- (17) *Когда вошел Юрий Андреевич, Лара и Виктор Ипполитович наперерыв бросились к нему навстречу. — Где ты пропадал! Ты нам так нужен!* (Б. Пастернак)
- (18) “Что, батенька, так рано поднялся?
Чего ты взыскался?”
Поп ему в ответ: “**Нужен мне работник:**
Повар, конюх и плотник.
А где найти мне такого
Служителя не слишком дорогого?” (А. Пушкин)

К этому же типу относятся распространенные в бытовой ситуации *Мне нужен директор, секретарь* и т.п.

Следующим распространенным типом высказываний с модальным предикатом *нужен* являются высказывания с модальным смыслом потребности, надобности. Очень часто это рассуждения субъекта необходимости. Причем для изъяснения нужд, стремлений не требуется экспликация мотивов. Поэтому высказывания могут относиться как к эмоциональному плану, так и к рациональному. Ср.:

- (19) *Иные мне нужны картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор...* (А. Пушкин).

- (20) *Какие б чувства не таились
Тогда во мне — теперь их нет:
Они прошли иль изменились...
Мир вам, тревоги прошлых лет!
В ту пору мне казались нужны
Пустыни, волн края жемчужны,
И моря шум, и груды скал,
И гордой девы идеал (А. Пушкин).*

Повседневная речевая деятельность человека насыщена высказываниями об “артефактных” потребностях. Это деньги, предметы одежды, пища и т.д. Они могут сопровождаться эксплицитными мотивами, но чаще нет. Ср.:

- (21) *К моим лохмотьям непременно нужна фуражка, хотя бы старый блин какой-нибудь, а не этот урод. Никто таких не носит (Ф. Достоевский).*
- (22) *Да вот, нужна квартира. Пятый год на очереди (С. Довлатов).*
- (23) *Сын подумал: добрый ужин
Был бы нам, однако, нужен (А. Пушкин).*
- (24) *Постели стелют; для гостей
Ночлег отводят от сеней
До самой девичьи. Всем нужен
Покойный сон. Онегин мой
Один уехал спать домой (А. Пушкин).*

См. также примеры (1), (5), (11), (12).

Предикативному прилагательному *нужен* часто сопутствуют дейктические элементы типа *тут*, *здесь* и др. Они подчеркивают уникальность и экстраординарность ситуации. Ср.:

- (25) *Я очень мягко сказал, что здесь нужна целая дивизия репетиторов (А. Житинский).*
- (26) *Тут нужна борьба не на жизнь, а на смерть, а какой я боец?
Жалкий неврастеник, белоручка (А. Чехов).*

Модальный смысл необходимости, выражаемый модальным предикатом *нужен*, имеет скалярный характер. Ср.:

- (27) *Зачем опять меняемся местами,
Зачем опять, все менее нужна,
Плывет ко мне московскими мостами
Посольских переулков тишина (И. Бродский).*

(28) — Он нам *нужен до зарезу!* Вы куда его девали? (И. Ильф, Е. Петров). См. также (17).

В конструкциях с предикативным прилагательным *нужен* весьма своеобразно преломляется идея времени. Возможно, это обстоятельство предопределяется тем фактом, что приходится иметь дело с выказываниями, семантическое ядро которых образует феномены, связанные с сознанием субъекта (интенциональность). А это значит, что приходится иметь дело с восприятием и осмыслением человеком времени, обозначаемых ситуаций, восприятием длительности и последовательности. Время необходимости (надобности), практической жизни ограничено целью: потребность не может существовать после достижения искомого объекта. Похоже, что поисковая ситуация (в том числе и поисковая деятельность) является той живой средой, в которой продуцируются многочисленные *нужен*. Именно в процессе поисковой деятельности тем или иным объектам приписывается “положительная валентность”⁸. Так, например, выражение *Мне нужен почтовый ящик* существует только в контексте намерения (опустить письмо). Как только письмо отправлено, положительная валентность почтовых ящиков исчезает (как того, в который опущено письмо, так и остальных, встречающихся по пути). Примеры с *нужен* в качестве предикативного признака при предметах, обладающих положительной валентностью, бесчисленны в разговорной речи. Это как правило ситуация поиска, см. (15)–(18). Ср.

⁸ Термин взят из работы [Миллер, Галантер, Прибрам 1965: 78]. Авторы указанного исследования, много сделавшие в телеологическом представлении теории деятельности, также придерживаются оригинальной точки зрения, в соответствии с которой мотив действия возникает из двух независимых частей — значения и намерения. Значение относится к образу, намерение к плану. По отношению к семантике конструкций с предикативным прилагательным *нужен* это положение обладает объяснительной силой: образ (см. примеры 19–20) тяготеет к эмоциональной сфере, план к рациональной (см. примеры 31–32). Но, очевидно, что такая поляризация довольно искусственна. Во всяком случае, нужны дополнительные наблюдения.

также: *Мне нужен дом № 36, аптека, почта, вокзал* и т.д. Характерно, что в такой ситуации предпочтительнее прилагательное, а не предикатив: *Мне нужно...*

Интересно, что оценочность (которая, по мнению многих исследователей, неотъемлемый признак кратких прилагательных) в таких высказываниях практически исчезает. Скорее, полная форма (*нужный*) обладает оценочностью. Правда, в позиции предиката полная форма довольно редка. Полная форма *нужный* практически никогда не употребляется в одинаковых контекстах с *нужен* (имеется в виду позиционный контекст). В слове *нужный* настолько ярко выражена атрибутивная функция, что в позиции предиката всегда необходимы вставки типа *человек, вещи* и т.п., помимо всего прочего, несущие и классификационный смысл. Модальная лексема *нужный* изначально как бы уже обладает предикатным и оценочным смыслом: *нужный* — это 'тот, который ранее был признан нужным, был нужен'.⁹ Ср.:

(29) *Мне нравится твоя постановка вопроса. Ты нашел именно **нужные** слова* (Б. Пастернак).

(30) *Но как ни трудно ей было разыскивать **нужные** ей вещи в темной комнате, светильник она не зажигала и служанку не вызывала* (М. Булгаков).

Можно сказать, что *нужен* обращено в будущее (поэтому высказывания с *нужен* не являются фактуальными), а *нужный* — в прошлое. К сожалению, приходится ограничиваться лишь поверхностными наблюдениями. Тема атрибутивных и предикативных свойств модальных лексем настолько интересна, что необходимо специальное исследование.

Своеобразна роль связки *будет* при именном предикате *нужен*. Связка *будет* указывает не столько на план будущего

⁹ Вопрос о предикативной и атрибутивной качественности весьма плодотворно поставлен в работе [Бондарко 1999: 21]. Автор пользуется термином "скрытая предикация". Представляется, что такая постановка вопроса по отношению к модальным лексемам тоже может принести свои результаты, но необходимы более подробные наблюдения.

(что информативно избыточно), сколько на существование определенного плана в сознании говорящего. Ср.:

(31) *Я хочу в самое ближайшее время, завтра или послезавтра заняться разбором братниных бумаг. Мне нужна будет ваша помощь* (Б. Пастернак).

(32) *Здесь нужен будет ремонт* (в фокусе говорящего план будущего ремонта, а не констатация факта).

Разумеется, в статье приведен далеко не полный перечень семантических особенностей высказываний с модальным прилагательным *нужен*. Выбраны лишь самые яркие. Но и они расширяют существующие представления о модальных высказываниях со смыслом необходимости.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко А. В. 1999 — *Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени*. С.-Петербург.
- Миллер Дж., Галантер Е., Прибрам К. 1965 — *Планы и структура поведения*. Москва.
- Психология 1990 — *Психология. Словарь*. Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. Москва.
- Серль Дж. Р. 1987 — Природа интенциональных состояний. *Философия. Логика. Язык*. Москва. 96–126.
- Туровская С. Н. 1990 — О семантической зоне модальности необходимости в русском языке. *Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 896*. 4–21.
- Туровская С. Н. 1997 — *Проблемы изучения модальных смыслов: теоретический аспект*. Тарту.
- Храковский В. С. 1999 — Универсальные уступительные конструкции. *Вопросы языкознания. № 1*.
- Цейтлин С. Н. 1990 — Необходимость. *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность*. Ленинград. 142–156.

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Э.-О. ХААГ

В лингвистике каузальность традиционно рассматривается в контексте обусловленности в широком смысле как частный случай реализации принципа достаточного основания. Признак достаточного основания является интегрирующим началом, на основе которого в сферу обусловленности включаются условные, уступительные, следственные, причинные и целевые отношения. Эти отношения рассматриваются в качестве самостоятельных, уже наличие специализированных средств выражения свидетельствует в пользу их автономности.

Каждое из отношений обусловленности характеризуется особым семантическим признаком: условие — гипотетичностью, цель — активностью обуславливающей связи, уступка — признаком противопоставленного условия, отношения следствия — результативностью. В научной литературе причина определяется либо как равноправный элемент системы обусловленности (РГ-80), то есть отношения причины мало чем отличаются от остальных отношений обусловленности, либо ей приписывается статус семантической доминанты системы отношений обусловленности на том основании, что причинные отношения, в отличие от других отношений обусловленности, считаются лишенными маркирующего признака. Так, В. Б. Евтюхин в работе “Категория обусловленности в современном русском языке и вопросы синтаксических категорий” утверждает: “В рамках оппозитивной структуры отношений обусловленности это (причинные отношения) абсолютно беспризнаковый компонент системы” [Евтюхин 1997: 67]. Каузальность в этом аспекте, по мнению М. В. Ляпон, рас-

сматривается как обусловленность, освобожденная от гипотетичности, противительности, целенаправленности [Ляпон 1986: 168–169]. Поэтому рядом исследователей (прежде всего А. П. Комаровым, М. В. Ляпон, В. Б. Евтюхиным) было высказано мнение, что все отношения обусловленности объединяются базовой причинно-следственной категорией.

С этим трудно согласиться, так как в таком подведении всех обуславливающих и обусловленных отношений теряется специфика причинных отношений, и нельзя определить причину элиминированием признаков гипотетичности, противительности и целенаправленности. Можно согласиться с другим положением, что все перечисленные отношения являются разновидностями детерминированных отношений, во всех из них есть обуславливающее и обусловленное. Вероятно, упомянутые авторы отождествляют причинно-следственные отношения с общей категорией детерминации. Таким образом, вопрос о месте причины в системе отношений обусловленности остается дискуссионным.

С нашей точки зрения, причинные отношения имеют свои семантические признаки, что находит отражение в специализированных средствах их выражения. Эти признаки отличают причинные отношения от других отношений обусловленности.

Таковыми признаками выступает следующая совокупность: фактуальность, имплицативный характер связей, выражение необходимого условия, имплицитное выражение сокращенного силлогизма (энтимемы).

Сложноподчиненное предложение с придаточным причины имплицитно содержит в себе умозаключение в сокращенном виде — энтимему, то есть сокращенный силлогизм, в котором пропущена одна из посылок. Энтимемы предполагают возможное развертывание в полные силлогизмы, при этом вскрывается доказательность, последовательность аргументов. Сложные предложения с придаточными причины, являющиеся выражением энтимем, допускают развертывание в полный силлогизм. Однако полный силлогизм, восстанавливаемый на основе энтимемы с причинными союзами, которые мы назвали экспрессивно-прагматизированными: *ибо, благо, ведь, раз, тем более что*, — часто раскрывает непоследовательность вывода или ложность одной из посылок. Например:

Раз нет у тебя этого чудодейственного талисмана — молчи!
(Шестов 1993, 1: 54) <речь идет о правах католического духовенства>.

Большая посылка: *Тот, у кого нет чудодейственного талисмана, (прав католического духовенства) должен молчать.*

Меньшая посылка: *У тебя нет чудодейственного талисмана.*

Вывод: *Молчи.*

Говорящий устанавливает содержательные связи, соединяет, объясняет два факта. Связь между частями сложного предложения с указанными союзами не всегда может определяться как причинно-следственная в строгом, логическом понимании.

Выделенные нами признаки причинно-следственных отношений мы предлагаем интерпретировать не как показатели причинно-следственных отношений логико-философского характера, а как признаки объяснительных отношений, выражаемых в языке. Под объяснительными отношениями мы понимаем аргументированную интерпретацию зависимых связей фактуальных событий.

Поскольку философское и логическое понимание причинно-следственных отношений опирается на их онтологический характер, а объяснительные отношения ориентированы на установление говорящим причинно-следственных связей, то установленные связи не обязательно могут быть онтологическими. Например: *Я не пошел гулять, потому что была плохая погода.* Объективно необходимой связи между плохой погодой и моей прогулкой нет.

Таким образом, анализ языкового материала показывает, что язык не всегда выражает причинно-следственные связи так, как они понимаются в естественных науках, поэтому следует разграничивать логико-философское толкование причины и языковое значение, концепт причины. То есть разграничивать понятие онтологической причины и понятие причины, устанавливаемой говорящим. Так, известный логик и философ Г. Х. фон Вригт в своих рассуждениях о причине имеет в виду ее онтологический характер, связывая причину с идеей эксперимента и понятием порождающего действия.

В языке могут выражаться причинно-следственные отношения, устанавливаемые говорящим субъектом, говорящий

определенным образом объясняет связь событий, явлений, фактов.

Онтологические отношения причины и следствия можно считать также и объяснительными, так как они тоже выражаются языком, и объединить их с причинно-следственными отношениями, устанавливаемыми говорящим субъектом, в одну общую объяснительную категорию. Это позволяет не отождествлять полностью языковой концепт причины с ее логико-философским понятием.

Таким образом, в языке выражаются объяснительные отношения, разновидностью которых являются причинно-следственные отношения в узком, онтологическом понимании.

ЛИТЕРАТУРА

- Вригт Г. Х. фон 1986 — *Логико-философские исследования*. Москва.
- Евтюхин В. Б. 1997 — *Категория обусловленности в современном русском языке и вопросы теории синтаксических категорий*. С.-Петербург.
- Комаров А. П. 1970 — *О лингвистическом статусе каузальной связи (К вопросу о системности средств выражения причинно-следственных отношений в современном немецком языке)*. Алма-Ата.
- Ляпон М. В. 1986 — *Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений*. Москва.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ВИДОВЫХ ФОРМ В ИНФИНИТИВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

М. А. ШЕЛЯКИН

Употребление видовых форм в инфинитиве русского языка, как и в других глагольных формах, подразделяется на три типа: 1) функционально фиксированное, т.е. абсолютное или преимущественное употребление в синтаксической позиции одной видовой формы (только совершенного или только несовершенного вида), 2) функционально противопоставленное, т.е. функционально взаимоисключающее употребление двух форм в одной и той же синтаксической позиции и 3) функционально синонимичное, допускающее в одной и той же синтаксической позиции взаимозамену видовых форм без их функционального противопоставления. Все указанные типы употребления видовых форм в инфинитиве распределяются по определенным семантическим областям, выражаемым разными лексическими и синтаксическими средствами и задающим для видовых значений тот или иной тип их употребления. Настоящая статья посвящена установлению этих семантических областей для объяснения большинства случаев употребления видовых форм в русском инфинитиве.

Указанные типы употребления видовых форм инфинитива следует отличать от лексически одновидовых инфинитивов, одновидовость которых не зависит от синтаксической позиции.

1. ФУНКЦИОНАЛЬНО ФИКСИРОВАННОЕ (ЗАКРЕПЛЕННОЕ) УПОТРЕБЛЕНИЕ ВИДОВЫХ ФОРМ ИНФИНИТИВА

1.1. ФИКСИРОВАННОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМЫ НСВ ИНФИНИТИВА

1.1.1. Семантическая область фазового осуществления действия инфинитива. К этой области относятся значения, выражающие направленность субъекта на начало, продолжение или прекращение осуществления действия, что определяет употребление с ними только формы НСВ инфинитива в функциях разового или неограниченно-продолжительного осуществления действия, поскольку форма СВ, в отличие от формы НСВ, представляет действие вне непосредственного (включенного) осуществления его субъектом. В русском языке есть одновидовые глаголы СВ, обозначающие начальную и конечную фазы действий (типа *зашуметь*, *отшуметь*), но, они фиксируют внимание только на одноактную целостность этих фаз без указания на включенность субъекта в последующее или предшествующее осуществление действия.

1. Семантическая область начала действия выражается:

а) присловными сочетаниями инфинитивов с глаголами и частицами (*ну, давай*) со значением приступа к осуществлению действия:

начать (говорить), стать (писать), приняться (рассказывать), броситься (бежать), кинуться (защищать), ринуться (драться), повадиться (наведать), зачастить (ходить); ...да взяли с собой шпаги, да и ну друг друга пырять... (Пушкин); Иной раз придет ко мне и давай рассказывать небылицы;

б) конструкциями с инфинитивом НСВ в функции предиката и им. пад. существительного или местоимения в функции субъекта предложения: *Я ведь не во зло сказала. А ты уж сейчас ябедничать, у-какой...* (Горький).

2. Семантическая область продолжения осуществления действия выражается на уровне присловных позиций инфинитива с глаголами *продолжать, остаться* — “продолжать

пребывание где-либо”, *оставить* — “предоставить продолжение действия”, *не + прекращать, не + переставать: продолжать говорить, остаться жить в городе, оставить костер догорать, он не переставал / не прекращал работать*. Подобную функцию имеет сочетание инфинитива с глаголом *мочь* в значении “разрешения, направленного на продолжение действия”: *Можете говорить — вы мне не мешаете*.

На контекстуальном уровне эта семантическая область выражается частицами, указывающими на продолжение осуществления действия, ср.: *Ты можешь еще идти?; Я не могу больше есть*.

3. Семантическая область прекращения осуществления действия выражается на уровне присловных связей инфинитива с глаголами *кончить / закончить / окончить, перестать, прекратить, бросить*, а также со словами *хватит, довольно, погоди, полно, будет* в значении побуждения, направленного на прекращение осуществления действия: *кончить (писать), перестать (говорить), прекратить (искать), бросить (учиться), хватит (читать), довольно (молчать), погоди (радоваться), полно (вздор говорить), будет (сокрушаться)*. На уровне предложений прекращение осуществления действия выражается простыми инфинитивными предикатами с отрицанием: *Не шуметь! Не разговаривать!*

1.1.2. Семантическая область предварительной подготовки условий или пространственного перемещения для осуществления действия с начальной фазы. Выражается на уровне присловных связей инфинитива с глаголами, обозначающими а) необходимую подготовку условий и б) пространственное перемещение для осуществления действия с начальной фазы и поэтому определяющими употребление только формы НСВ инфинитива в функциях разового или неограниченно-продолжительного осуществления действия:

- а) *приспособиться (писать), приноровиться (красить), приладиться (стирать), устроиться (работать), поступить (учиться), наняться / нанять (сниматься в кино), приготовиться (стрелять)*;

б) усадить / посадить (обедать), засесть (читать), уложить / улечься / завалиться (спать), уехать (лечиться), ушла (дописывать текст), убежать (искать друга), улететь (читать курс лекций), ускákat (проверять поля), умчаться (организовывать), удалиться (печатать статью), увезти / увести / повезти / повести (лечиться), переехать (в другой город работать), перебраться (в деревню зимовать), перейти (преподавать в других классах), переселиться (в другой город учиться), разойтись (обедать), разбрестись (собирать ягоды), рассесться (смотреть телевизор), поставить (греть самовар), идти (обедать), вести / привести / увести (ребенка в поликлинику сдавать анализ), нести в мастерскую (чинить часы), лететь / улететь / прилететь (принимать дела на заводе), побежать (открывать дверь); Я поворотил лошадь и отправился его выручать (Пушкин); Вы у нас останетесь обедать?¹

1.1.3. Семантическая область потенциально-постоянного осуществления действия. Эта область объединяет значения, определяющие употребление только формы НСВ инфинитива в функции потенциально-постоянного осуществления действия, и включает следующие основные разновидности:

1. Значение умения (обладания постоянными навыками и знаниями, необходимыми для осуществления действия в любой момент). Выражается глаголами *уметь, мочь (= уметь)* — *он умеет / может плавать*, — и следующими существительными:

*у него навык (работать), опыт (строить), способность (открывать новое), дар / талант (владеть собой), он мастер / мастак (говорить комплименты), она мастерица (прясть).*²

¹ При некоторых глаголах, выражающих приспособление к осуществлению действия, может быть употреблена форма СВ инфинитива для выражения неосуществленности действия: *Он только приноровился зевнуть / выстрелить, но ему помешали.*

² Глаголы *уметь* и *мочь* имеют и другое значение, обычно выражаемое в сочетаниях с инфинитивами в двух формах вида и входящее в другую семантическую область, допускающую синонимию видовых форм (о чем см. ниже) — “быть в состоянии, быть

2. Значение передачи или приобретения (утраты) постоянных умений, навыков, сноровки, привычек, пристрастий. Выражается глаголами:

учить / учиться (писать), обучить / обучиться (говорить по-французски), научить / научиться (плавать), приучить (рано вставать), тренировать (преодолевать препятствия), наловчиться (хорошо бегать), пристраститься (играть в карты), привыкнуть / отвыкнуть (курить), отучить / отучиться (ругаться), приохотиться (ловить рыбу), полюбить / полюбиться (собирать грибы), понравиться / разонравиться (заниматься спортом), разучиться (играть на пианино), разлюбить (ходить на танцы).

3. Значение обобщенных постоянных свойств, характерных черт, склонностей, привычек, постоянной предрасположенности лица. Выражается:

а) следующими существительными:

у него черта (всему удивляться), он охотник (ловить рыбу), у него страсть / пристрастие (путешествовать), дар / талант / навык (быстро все понимать), свойство (привлекать людей к себе), слабость / привычка / повадка (много болтать), манера / особенность / склонность (громко говорить), повадка / причуда (размахивать руками), мания (все знать), опыт / практика / метод / система (издавать книги), ему по душе / по сердцу / по нутру (делать хорошее людям), в его характере / натуре (всему

способным”, ср.: *Умел ошибиться, умей и исправиться* (пословица), ср.: *Умел ошибаться, умей и исправляться*. Какой ворожейбой умел к ней в сердце влезть! (Грибоедов); Он может и развести / и разводить костер, и сварить / и варить уху. Глагол мочь с инфинитивами в форме НСВ употребляется также в качественно-характеризующем значении, выражающем способность субъекта осуществлять длительное действие и входящем в другую семантическую область, определяющую употребление только формы НСВ (см. ниже, п. 3), ср.: Он мог часами перелистывать книги, сидя в библиотеке; Она могла работать часами, не замечая времени; Вронский любил его и за его необычайную физическую силу, которую он большею частью выказывал тем, что мог пить, как бочка, не спать и быть все таким же (Толстой).

удивляться), он имеет обыкновение (слушать все до конца), обладает приемом (быстро отражать удар);

б) следующими краткими прилагательными:

он ловок (плясать), силен (спать), здоров (пить), ленив работать, горазд (врать), привычен (заполнять бумажки); стар я (чтобы) менять привычки, молод ты (чтобы) указывать мне;

в) моделью предложения “дат. пад. субъекта + частица бы + частица только / все + инфинитив НСВ”, выражающей негативную оценку говорящего предрасположенности, склонности, пристрастия лица к постоянному осуществлению действия: Вам только бы над женой ломаться да власть показывать, в этом вся ваша жизнь проходит (Островский). Полно, Наумыч, — сказал он ему, — тебе все душить да резать (Пушкин). В этой конструкции возможно употребление формы СВ глаголов ограничительного способа действия и допускается их синонимичная замена формой НСВ без приставки по-: Ему бы только посмеяться / смеяться. Все бы тебе поболтать / болтать да поспорить / спорить бы;

г) фразеологизированной конструкцией типа Только и знаешь дымить с утра до ночи.

4. Значение постоянных обычаев, традиций, этических норм. Выражается следующими глаголами, существительными и прилагательными:

у нас водиться, повелось, заведено, принято, полагается, положено (встречать гостей хлебом-солью), у нас обычай (снимать обувь), традиция (собираться всем), правило / закон / порядок (помогать другим), мода / поветрие (носить короткие платья), стало обычным / модным (стричь коротко волосы). Это не порядок, чтоб до венца к невесте приезжать (Чехов).³

³ Если выражаются кратко-соотносительные события, то при существительных со значениями обобщенных обычаев, привычек, характерных черт лица возможно употребление инфинитива в форме СВ в наглядно-примерной функции с синонимичной заменой формой НСВ в функции постоянно-потенциального действия: Была у Гусака привычка затеять интересный разговор и под

1.1.4. Семантическая область постоянных занятий, обязанностей лица. Выражается следующими существительными в позиции субъекта или предиката предложения:

Расспрашивать — действительно любимое занятие Штокмана (Павленко); *Специальность у Андреева была иная* — *распознавать все дела по рабочему фронту* (Фурманов); *Ваша профессия* — *рисковать жизнью* (Куприн); *И прескучная, должно быть, эта милая обязанность улаживать в качестве друга дома разные семейные дразги* (Мамин-Сибиряк); *Убирать квартиру* — *это твоё дело*; *Играть в шахматы было его любимым занятием*.

1.1.5. Семантическая область постоянной возможности (можно) / невозможности (нельзя) осуществления действия, обусловленной объективными свойствами предмета или условиями. Выражается на уровне предложения:

Человек может успешно работать в космосе; *Эту рыбу нельзя есть без обработки*; *Музыку Шопена нельзя слушать без грусти*; *С ним нельзя шутить: он не понимает шуток*; *В этом зале нельзя петь: нет хорошей акустики*; *И такая пыль стояла над степью, что можно было не мигая смотреть на солнце* (Фадеев).

1.1.6. Семантическая область негативного отношения субъекта к продолжительному осуществлению своего действия. Выражается глаголами, обозначающими утомление, пресыщенность, тягостное состояние субъекта, вызываемые продолжительным осуществлением им действия (разового, кратного или постоянного):

Я устал повторять ему одно и то же; *Мне надоело читать / ходить туда*; *Ему опротивело / осточертело / опостылело все время сидеть дома*; *Наконец, мы утомились болтать, у меня закрывались глаза* (Достоевский); *Мне уже наскучило таскаться с места на место* (Тургенев).

шумок перехитрить противника (Кетлинская), ср. *затевать*; *Это наш давнишний обычай: наступить на горящую папироску и задумать желание* (Кожухов), ср. *наступать* и *задумывать*; У некоторых есть манера: увидев черную кошку, *обойти / обходить ее либо повернуть / поворачивать назад*.

1.1.7. Семантическая область состояния или восприятия, сопровождающего осуществление действия. К ней относятся предложения а) с двойными предикатами, один из которых выражен предикативными наречиями и обозначает состояние субъекта, а другой выражен инфинитивом и обозначает действие, каузирующее одновременное состояние, б) с предикатами, оценивающими или характеризующими осуществляемое действие инфинитива, в) сложноподчиненные предложения, выражающие в главных частях процессы наблюдения действий, обозначенных инфинитивами в придаточных частях с союзом *чтобы*. Поскольку выражается одновременность состояния или восприятия и осуществляемого действия, предикаты, обозначенные инфинитивами употребляются только в форме НСВ.

- а) *Ср.: Грустно рассказывать трагическую историю его кончины... (Добролюбов); Ему <Шалому> скучно проводить целые дни с одним подростком-горновым... (Шолохов); Дорофее уютно было сидеть между стеной и покойно спящим мужем (Панова); Жаль мне было расставаться со стариком (Тургенев); Но очень жестоко спать там на скамейке и пьяным голосом читать какой-то стих... (Есенин); Тягостно ему было возвращаться на хутор к своему дружку (Воеводин); Вере Никандровне было обременительно жить в центре (Федин); Утомительно запоминать множество вещей подряд... (Шагинян); Воздух становился так редок, что было больно дышать (Тургенев); Алеше интереснее было играть в саду у Арсения Романовича, чем во дворе у директора театра (Федин);*
- б) *Что за мучение взбираться на Везувий (Гончаров); Но, боже мой, какая скука С больным сидеть и день и ночь... (Пушкин); Какое, например, наслаждение мечтать о женищинах! (Куприн); Скрывать убийство было мучительно (Чехов); Грязно теперь ехать, Василий Сергееч, — сказал он... (Чехов); Теплый свежий ветерок ... освежал лица, ехать было прохладно (Авдеев); Кладовуха эта земляная, что говорить, самая верная, только вот брать-то из нее хлопотно (Бажов); По воде очень удобно возить товары (Горький); Это было весело — бродить по незнакомому городу (Каверин); В небе вон луна такая молодая, Что ее без*

спутников и выпускать рискованно (Маяковский); Лететь самолетом быстрее, чем ехать поездом;

в) ср. *Он все время следил, чтоб идти в ногу с девушкой (Шукшин).*

1.1.8. Семантическая область волеизъявления не осуществлять действие. В этой области инфинитив в форме НСВ функционально повторяет форму НСВ повелительного наклонения, выражая волеизъявление не включаться в осуществление действия, что можно назвать значением абсолютного (полного) отрицания действия, ср.: *Не читай! — Не читать!* Но в отличие от отрицаемого СВ повелительного наклонения, выражающего адресованное предостережение о нежелательности осуществления действия (ср.: *Смотри, не скажи! Не простудись!*), инфинитив СВ не употребляется с отрицанием в функции волеизъявления (высказывания типа *Как бы мне не простудиться* не выражают волеизъявления). Объясняется это тем, что отрицание СВ глагола означает отрицание достижения предела осуществления действия, а не самого осуществления действия, которое может либо осуществляться, либо быть ожидаемым или предполагаемым, возможным (что можно назвать относительным или неполным отрицанием), так как семантика СВ указывает на связь субъекта с действием от начала до предела его осуществления, ср.: *Он не решил / не решит эту задачу* (хотя ее решал или будет решать). *Она еще не пришла домой* (ожидается ее приход). Отрицание же НСВ глагола означает отрицание, отсутствие самого осуществления действия, поскольку семантика НСВ указывает на включенность субъекта в осуществление действия без достижения его предела, ср.: *Он не решал / не будет решать эту задачу. Она еще не приходила домой* (констатация отсутствия действия). Поэтому для выражения волеизъявления не осуществлять действие инфинитива он употребляется только в форме НСВ.

Показателями волеизъявления не осуществлять действие инфинитива служат:

1. Употребление отрицательной частицы *не* с простым инфинитивным предикатом в побудительных предложениях: *Не будить его! Не стрелять! Не ходить по путям!*

2. Присловные сочетания инфинитивов с побудительными глаголами и существительными, обозначающими волеизъявление, направленное на каузацию неосуществления действия:

запретить, запрет, запрещение, предостерегать, предостережение (говорить), отговорить (ехать), отсоветовать (покупать), разубедить (выступать).

3. Присловные сочетания побудительных глаголов с отрицательной частицей *не* + инфинитив:

просить не (ходить), советовать не (читать), обязать не (встречаться), предложить не (платить), распорядиться не (нарушать), рекомендовать не (писать), потребовать не (курить), уговорить не (жениться), упросить не (приходить), приказать не (стрелять), велеть не (вставать), разрешить не (снимать обувь); реже отрицательная частица может ставиться и перед побудительным глаголом: *не советовал (покупать), не рекомендовал (читать).*

4. Присловные сочетания инфинитивов с отрицаемыми модально-предикативными словами, выражающими различные виды нецелесообразности осуществлять действие:

вам не надо (делать), не нужно (ехать), не следует (защищать), не стоит (решать), не имеет смысла (рассказывать), вы не должны (платить), не обязаны (выполнять); ср. также: *вам не обязательно (смотреть), у вас нет оснований (плакать), нет нужды (упоминать), нет резона обсуждать.*⁴

5. Присловные сочетания инфинитивов с отрицательными местоименными наречиями *незачем, не к чему, нечему, нечего,*

⁴ В лексически ограниченных случаях отрицаемое прилагательное *должен* может сочетаться с инфинитивом в форме СВ: например, в предложении *Он не должен опоздать*, в котором выражается не каузируемое отрицание действия (ср.: *Он не должен опаздывать*), а модальное утверждение об отсутствии осуществления действия.

некого, обозначающими бесцельность, отсутствие надобности осуществлять действие:

*Вам незачем туда ходить; Не к чему вам об этом говорить. Не-
чему вам здесь удивляться; Разойтись! Нечего тут стоять! —
крикнул он на толпу (Толстой); Здесь ужасно мало честных лю-
дей, так даже некого совсем уважать (Достоевский).*

6. Присловные сочетания отрицаемых инфинитивов с наречи-
ем *лучше* в значении подчеркнутой рекомендации, совета,
просьбы не осуществлять действие: *Лучше вам не читать / не
смотреть / не спрашивать.*⁵

7. Риторические вопросительные предложения разного ти-
па, выражающие косвенное волеизъявление не осуществлять
действие:

*С какой стати / какой смысл вам писать об этом?; А чего вам
его искать?; Зачем вам туда ходить?; К чему вам об этом гово-
рить?; Чему здесь удивляться?; А разве можно при дамах зе-
вать? (Чехов); Не стыдно ли тебе так говорить?; За что его
любить?; Как ты можешь так разговаривать со мной?; Охота
вам жить у него да брань переносить? (Островский).*

8. Предложения с двойным предикатом, состоящим из крат-
ких прилагательных *молод, зелен* и инфинитива НСВ и выра-
жающим косвенное волеизъявление не осуществлять дейст-
вие: *Молод / зелен ты меня учить!* Это же значение может
быть выражено конструкциями с отрицаемыми субъектами
предложения: типа *Не тебе меня учить! Не ей об этом гово-
рить!*

**1.1.9. Семантическая область отстраненности субъекта
от осуществления действия.** Эта область аналогична преды-
дущей с той разницей, что выражает не волеизъявление не
осуществлять действие, а отстраненность самого субъекта от
осуществления действия. К ней относятся:

⁵ При *лучше* в функции сравнительной степени отрицаемый инфи-
нитив употребляется в форме СВ, так как выражает невозмож-
ность достижения лучшего результата (о чем см. ниже): *Эту ра-
боту лучше не сделать.*

1. Присловные сочетания инфинитивов со словами, обозначающими отказ субъекта от действия или его нежелание осуществлять действие:

*разлюбить (решать кроссворды), расхотеть (покупать дом), раздумать (поступать в университет), закаяться / заречься (обманывать); Теперь мне честность — трын-трава! Жену отчитывать не буду, И воровать уже забуду Казенные дрова (Пушкин); О мучениях соблазна и борьбы он забыл и думать (Толстой); Мне лень / некогда туда идти.*⁶

2. Присловные сочетания инфинитивов с отрицаемыми (часто с подчеркнуто отрицаемыми) модальными словами, обозначающими отказ субъекта от осуществления действия:

Мне (так) не хочется говорить об этом; У меня нет (никакого) желания / никакой охоты смотреть этот фильм; Он не расположен сегодня идти в театр; Он так не любит / ненавидит (ходить туда); Ему не нравится выполнять эту работу.

Подчеркнутая нежелательность осуществления действия, вызванная отрицательным отношением к кому / чему-либо, может быть выражена инверсивным порядком слов в сочетании инфинитива с отрицаемым модальным глаголом *мочь*: *Я их терпеть не мог; Он его видеть не может.*

3. Присловные сочетания отрицаемых инфинитивов с глаголами, обозначающими решение осуществлять действие:

Он решил не забирать ребенка из детсада; Мы договорились не переносить собрание; Он согласился не покупать этот дом; Она обещала не рассказывать никому о случившемся; Он поклялся / дал клятву не обманывать меня.

4. Предложения дативно-инфинитивной и номинативно-инфинитивной структуры с отрицаемым предикатом или отрицаемым субъектом, выражающие **объективно** предопределенную ненужность осуществления действия:

⁶ Глагол *забыть* допускает сочетание с инфинитивами и в форме СВ в значении “не вспомнить в нужный момент”: *Я забыл взять зонт.*

Ему экзамены не сдавать; Тебе с такими данными в театре не выступать; Нам за него не отвечать; Не тебе меня учить; Не мне же это делать; Ему можно не приходить на собрание; Он имеет право не говорить об этом; Она сказала — поскольку у тебя по математике тройка, ты не можешь участвовать в самодетельности (Панова); Можно было и не напоминать об этом, — кто из сидящих не знал истории страны.

5. Придаточные предложения с простым инфинитивным предикатом и союзом *чем*, выражающие уклонение субъекта от осуществления действия или косвенное побуждение не осуществлять действие из-за предпочтительности осуществления действия, обозначенного в главной части сложного предложения:

Чем читать, лучше я пойду погуляю; Чем тревожить меня разными словами, вы бы лучше шли танцевать (Чехов); Я крикнул Солнцу: Погоди! Послушай, златолобо, чем так без дела заходить, ко мне на чай зашло бы! (Маяковский), см. также [Кюльмоя 2001].

6. Риторические вопросительные предложения разного типа, эмоционально выражающие отстранение субъекта от осуществления действия:

Не ночевать же нам здесь?; Не говорить же мне с ним?; Где уж мне с ним спорить?; Не могу же я будить его ради этого?; Не брать же с собой такую тяжесть?; Не вечно же сидеть на шее родителей?; Откуда мне знать?

1.1.10. Семантическая область отрицательной предикативной оценки осуществления действия. К ней относятся предложения, выражающие предикатную отрицательную оценку осуществления действия, обозначенного инфинитивом в составе событийного субъекта предложения, и содержащие тем самым косвенное волеизъявление не осуществлять действие или отстраненность от осуществления действия. Поэтому инфинитив в таких высказываниях употребляется только в форме НСВ:

Куриль вредно; Ходить туда бесполезно; Стыдно плакать; Не принято так разговаривать со взрослыми; Глупо об этом гово-

рить; Разговаривать было плохо на такой неровной дороге, и мы молчали; Оскорблять человека — это бесчестно.

Отрицательно оценивающие слова имеют значения бесплодности (*безнадежно, бесплодно, бесцельно, напрасно, тщетно, излишне*), нелогичности, неразумности (*безрассудно, бессмысленно, глупо, смешно, наивно*), невыгодности (*накладно, убыточно, нерасчетливо, дорого*), вредности (*вредно, опасно*), непорядочности (*нечестно, низко, подло, преступно, не к лицу, невежливо, некрасиво*), преждевременности (*рано, преждевременно*), запоздалости (*поздно*), отрицания чрезмерной длительности (*не вечно же, не век же сидеть на шее родителей, не все же учиться*).

Употребление отрицания перед перечисленными оценочными словами снимает их негативные значения, что приводит к возможности употребления формы СВ инфинитива:

А нам вообще выспаться не вредно (Кетлинская); И следовательно тоже не вредно раскинуть мозгами (Нилин); ...Недурно бы поставить опыт сравнительного изучения <...> нашего и оксфордского пенициллина (Каверин); Ему, Макару-то, самому не грех у меня ума занять (Шолохов); Ничего, ничего, Сережа, в такой день не грешно и поцеловаться (Асанов).

Употребление отрицания перед инфинитивом в сочетании с негативными оценочными словами также допускает форму СВ для выражения осуждения невыполнения действия:

С вашим удивительным талантом, Михаил Иванович, есть греховно перед богом не встать на музыкальную дорогу... (Новиков); ...Для такого урожая, как у вас, грех не дать машины (Антонов).

1.1.11. Семантическая область предикатного определения размера расстояния или времени осуществления движения. К ней относятся предложения, выражающие предикатное определение размера расстояния или времени осуществления движения, обозначенного инфинитивом в составе событийного субъекта предложения, типа: *До города идти 2 часа / далеко / два километра. Ехать / лететь / плыть до Москвы 10 часов / около 3-х часов. Подниматься к вам высоко.* В подоб-

ных предложениях инфинитив НСВ употребляется в аспектуально нейтрализованной функции, обозначая действие, отвлеченное от его аспектуального осуществления, что позволяет контекстуально характеризовать его разное количественное проявление во времени или пространстве. Этим такие предложения отличаются от предложений, в которых выражается обстоятельственная (локальная или временная) характеристика движения в ситуации его конкретно-процессного осуществления субъектом, обозначенным дательным падежом:

Нам еще около двух часов / километров двадцать шагать; Было бы слишком долго излагать все перипетии моего изобретения (Бек).

1.1.12. Семантическая область объективно предопределенного осуществления нецелостного действия. Выражается предложениями дативно-инфинитивной структуры, в которых инфинитив НСВ употребляется в функции простого предиката в значении объективно предопределенного (неизбежного, вынужденного, предназначенного) осуществления нецелостного (разового или неограниченно-продолжительного) действия:

Ну, Гаврилка, видимо, нам с тобой на одной цепи сидеть (Островский); Скоро уже петухам петь (Арбузов); Мне еще тетради проверять; Завтра ему орден получать; А осенью мне в солдаты идти (Горький); Завтра опять вставать ни свет ни заря (Тендряков); После обеда снова сад. Снова опрыскивать (Белкина); Приемщик кивнул крестьянину. — Клади уж так. Все равно пересчитывать (Коптелова); Мне, мне, у которого отнято все, умирать, а им, ограбившим, жить? Радоваться? Пользоваться всем? (Лавренев); Нам эту землю обрабатывать и обрабатывать, удобрять и удобрять и не оглоблю сажать, а зерно, отборное, проверенное, высокоурожайное. Да ухаживать за ним и ухаживать (Кочетков); Техника новая, невиданная. Тебе и твоей бригаде осваивать (Колесников); Ему за все отвечать; Нам вместе работать; Ни на кого я не сержусь, а оплакиваю, мне целый век суждено в людях ошибаться (Писемский).

Ср. также фразеологические сочетания с лексически повторяемым инфинитивом и частицей *так*, выражающие объек-

тивную предопределенность процессного осуществления действия типа: *Работать так работать; Начинать так начинать; Играть так играть.*

К этой семантической области относятся и риторические вопросительные предложения с отрицательным инфинитивным предикатом, снимающие отрицание и выражающие утверждение о предопределенности нецелостного осуществления действия:

— *А те, кто командует нами, пользуются нашим страхом и еще больше запугивают нас; Мать тоскливо взвыла: — Не сердись! Как мне не бояться! Всю жизнь в страхе жила, — вся душа обросла страхом (Горький); (Пепел): Ты слышал? (Лука): Как не слышать? Али я глухой? (Горький); Ты его знаешь? — Как не знать? Вместе работаем.*

1.2. ФИКСИРОВАННОЕ (ЗАКРЕПЛЕННОЕ) УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМЫ СОВЕРШЕННОГО ВИДА ИНФИНИТИВА

1.2.1. Семантическая область темпорально-ограниченного осуществления действия инфинитива. К ней относятся:

а) присловные сочетания инфинитивов в функции вторичных предикатов, обозначающих целевые действия, с глаголами, имеющими в своих значениях признак кратковременности, временной ограниченности пространственного перемещения или пространственного положения субъекта и частей его тела:

зайти (попрощаться), забежать (купить), захватить (повидаться), сходить (узнать), подойти, подбежать (поздороваться), вышел (покурить), отойти (взглянуть), присесть / прилечь (отдохнуть), нагнуться (поднять), подняться (закрыть), приостановиться (отдышаться), обернуться / повернуться / оглянуться (взглянуть), поднять руку (почесать голову), протянуть руку (поддержать его), занести руку (хлопнуть по плечу), замахать (ударить), задержаться (посмотреть), раскрыть рот (отве-

тить), ср. также сочетание с глаголом *одолжить* “взять в кратковременное пользование”: *одолжить нож разрезать бумагу*;⁷

б) присловные сочетания инфинитивов с обстоятельствами, имеющими значения временной ограниченности осуществления действия:

Пусть еще час поспят ребята; Проснуться бойцу недолго (Гроссман); *И такая меня по тебе тоска обуяла, такая грусть, что, кажется, все на свете отдала, лишь бы с тобой минуточку еще побыть* (Куприн); *Человеку долго ли на цепи здоровье терять* (Бажов);

в) присловные сочетания инфинитивов с глаголами, обозначающими стремление завершить осуществление действия в самое короткое время: *спешу (рассказать), тороплюсь (выполнить), не замедлить / не преминуть (сказать)*.

1.2.2. Семантические области, предусматривающие осуществление целостного действия. Выражаются:

а) безличным глаголом *остаться*, входящим в составной инфинитивный предикат и имеющим значение “осуществить завершающее действие”: *Вот подают лошадей... Остается, стало быть, проститься с вами, друзья мои...* (Чехов);

б) наречием *достаточно* и безличным глаголом *стоит* в составе инфинитивного предиката, выражающими в синтаксически фразеологизированных конструкциях с союзом *чтобы* предшествующее целостное действие, определяющее последующее целостное действие: *Достаточно было прислушаться к звонкому, крепкому и настойчивому крику ребенка,*

⁷ Глаголы движения с приставками *вы-* / *при-*, в значениях которых нейтрализован признак ограниченно-временного пребывания, допускают сочетания и с инфинитивами НСВ в конкретно-процессной или неограниченно-продолжительной функции: *Они вышли на дорогу смотреть на проходящие машины; Он приехал изучать экономику края.* Временная ограниченность действия инфинитива может быть выражена лексически в функции простого предиката: *Когда же выпадает свободный день, то горожанин торопится уехать за город, чтобы подышать свежим воздухом* (Солоухин).

чтобы получить представление о здоровой груди и хороших легких (Короленко); Читателю стоит открыть его книгу наудачу, чтобы удостовериться в истине нами сказанного (Пушкин).

1.2.3. Семантическая область особых усилий, умений, стараний субъекта или удачно сложившихся обстоятельств, определяющих целостное осуществление действия. К ней относятся присловные сочетания инфинитива со словами, обозначающими способность субъекта осуществить целостное действие, требующее от него особых усилий, умений, стараний, сноровки, или удачно сложившиеся обстоятельства, способствующие целостному осуществлению действия:

суметь (влезть на дерево), ухитриться (пройти незамеченным), смочь (высоко прыгнуть), умудриться (опоздать на поезд), успеть (решить задачу), догадаться (ответить на вопрос), сообразить (правильно сказать), позаботиться (купить билеты), удосужиться (рассказать), стараться (понять его), удалиться (открыть дверь), посчастливиться (встретиться), повезло (увидеться), у него достаточно умений, сил справиться с этим делом; Однако Олеся нашла в себе достаточно силы, чтобы достоять до конца обеда (Куприн);

ср. следующие фразеологизированные сочетания:

ему ничего не стоит, не составляет труда (запомнить целые тексты);

ср. также сочетания глаголов СВ с отрицаемыми глаголами указанной группы:

Все произошло мгновенно, что они не успели прийти в себя (Симонов); Он не старался понять его; Мне не удалось открыть дверь.

Инфинитив в приведенных сочетаниях выполняет функцию вторичного предиката и обычно выступает в форме СВ в функции разового действия, повторяя форму и функцию СВ первого предиката, что определяет функционально фиксированное употребление его видовой формы. Однако если первый

предикат употребляется в форме НСВ в функции неограниченно-кратного действия, то и инфинитив может быть употреблен также в форме и функции НСВ или в форме СВ в наглядно-примерной функции, ср.:

Он всегда успевал решать / решить поставленные перед ним задачи; Ему всегда удавалось доставать / достать билеты на интересный спектакль.

1.2.4. Семантическая область произвольного осуществления или произвольной направленности к осуществлению целостного действия. Выражается присловными сочетаниями инфинитивов с глаголами, обозначающими а) произвольное, оплошное, неконтролируемое поведение субъекта, вызвавшее целостное осуществление разового действия:

угораздило (пасть куда-нибудь), дернуло (сказать), имел неосторожность (проговориться), упустил случай (познакомиться), забыл (принести учебник), соблазниться (купить шляпу);

б) произвольное желание, с трудом удерживаемое намерение:

подмывает, язык чешется (сказать), не терпится (уехать), тянет (увидеться), манило, тянуло (завалиться спать).⁸

Значение непреднамеренного осуществления целостного действия выражается также сочетаниями инфинитивов со словом **неожиданный**:

Для меня было совершенно неожиданным услышать на первом уроке латинского языка, что на этом языке говорили римляне (Олеша); И все-таки неожиданно было услышать весть о первых выстрелах (Саянов).

1.2.5. Семантическая область субъективной возможности / невозможности осуществить целостное действие. Выражается:

⁸ Глагол *забыть / забывать* допускает употребление и формы НСВ инфинитива, если выступает в форме НСВ в функции неограниченно-кратного действия: *Он часто забывал приносить учебник.*

а) предложениями с составным предикатом, выраженным модальным глаголом *мочь* + инфинитив преимущественно в форме СВ:

И еще раньше, чем Сережка мог рассмотреть, что это такое, он понял, что это движется отряд мотоциклистов (Фадеев); Правда, сколько она могла запомнить свое впечатление в Петербурге у Карениных, ей не нравился самый их дом... (Толстой); Не до такой степени я глуп, чтобы не мог разобрать, холодно мне или тепло (Фет); Как он мог пройти здесь, — не понимаю; Ты можешь это сделать?; Ты можешь поехать со мной?; Никак не могу заснуть; Никаким образом не могу выйти из тяжелого положения; Ничем не могу вам помочь; Он долго не мог написать ни строчки.

Ср. также риторические вопросительные предложения этой структуры, эмоционально выражающие отрицание возможности осуществления действия: *Кто же может это сделать? Разве я могу это выполнить?* Отрицание субъективной возможности осуществить действие может быть представлено косвенным образом и контекстуально:

К чужим горам, под небо юга Я удалюсь, может быть; Но слишком знаем мы друг друга, Чтобы друг друга позабыть (Лермонтов).⁹

Значение отрицания возможности осуществить действия косвенным образом связано с сочетаниями отрицаемых инфинитивов с глаголами *догадаться*, *сообразить*: *Он не догадался, не сообразил сказать что-либо;*

б) предложениями с субъектно-предикатной структурой, состоящей из дательного падежа субъекта и отрицаемого инфинитивного предиката: *Его не узнать; Мне не поднять этот камень; Здесь не пройти / нельзя / невозможно пройти; Тебе*

⁹ Инфинитив в форме НСВ в сочетании с отрицаемым модальным глаголом *мочь* обозначает действие, которое субъект не может выполнить по причинам, не зависящим от него самого, ср.: *Я не мог его дожидаться* и *Я не мог его дожидатьсяся*; *Он не мог его встретить* и *Он не мог его встречать*.

не сдать этот экзамен. Употребление формы НСВ в этих конструкциях изменяет их модальное значение, выражая запрещение или ненужность осуществлять действие: *Здесь не проходить / нельзя проходить; Тебе не сдавать этот экзамен.* К этому типу предложений относятся и риторические вопросительные предложения с предикатом *можно* + инфинитив, эмоционально выражающие отрицание возможности осуществления действия: *Разве можно удержат детей в такую погоду?; Неужели можно переплыть эту реку?*

1.2.6. Семантическая область опасения осуществления целостного действия. Выражается дативно-инфинитивными конструкциями с отрицаемым простым предикатом в форме синтаксического сослагательного наклонения СВ:

А так вот проскочили, и теперь только бы не нарваться в ночи на какие-нибудь тыловые части (Быков); Не упасть бы!; Не опоздать бы к поезду; Как бы не заболеть.

Ср. аналогичное значение и выражение в личных формах сослагательного наклонения, но без подчеркнутой экспрессии, и значение предостережения, выражаемое повелительным наклонением СВ с отрицанием: *Не опоздал бы он; Не упал бы ты; Смотри, не опоздай!; Не упади!* Отрицательная частица *не* в таких предложениях с инфинитивным предикатом сохраняет свое отрицательное значение: инфинитив с частицей *бы* выражает желательность неосуществления действия. Фиксированное употребление СВ инфинитива объясняется тем, что опасение осуществления нежелательного действия имеет в виду нежелательность достижения его результата.

1.2.7. Семантическая область не предусмотренного осуществления целостного действия. Выражается сочетаниями инфинитивов с отрицаемыми глаголами предсудсудительности и глаголом *отчаяться*:

Я (не) ожидал тебя встретить здесь; Он (не) надеялся / (не) рассчитывал / (не) предполагал так рано вернуться из города; Она уже не чаяла в живых застать его; Мы отчаялись добиться от него понимания.

2. ФУНКЦИОНАЛЬНО ПРОТИВОПОСТАВЛЕННОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ВИДОВЫХ ФОРМ ИНФИНИТИВА В КОНКРЕТНО-ФАКТИЧЕСКОМ И НЕОГРАНИЧЕННО-ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ

2.1. Семантическая область положительной или отрицательной направленности субъекта к осуществлению действия. К ней относится употребление инфинитивов 1) в сочетаниях с полнозначными словами, 2) в сочетаниях с частицей *бы* и 3) в синтаксических конструкциях, выражающих положительную / отрицательную направленность самого субъекта к осуществлению действия или определяемую говорящим направленность субъекта к осуществлению действия.

1. К первому типу употребления инфинитивов относятся их сочетания со словами, обозначающими:

а) желание, намерение, стремление, попытку, готовность, замысел, надежду, склонность, расположенность, согласие, опасение, устранение, нежелание субъекта:

*хотеть, желать, решить, стремиться, стараться, намереваться, порываться, собираться, готовиться, пытаться, про-
бовать, согласиться, обещать, затеять, осмелиться, задумать,
замышлять, договориться, условиться, мечтать, рискнуть, на-
метить, рассчитывать, считать свои долгом, предпочитать,
пригрозить, склонен, расположен, настроен, намерен, согласен;
отказаться, бояться, опасаться, остерегаться, стыдиться,
стесняться, страшиться, воздержаться, повременить, подождать;*

б) обязывающую необходимость, долженствование, вынужденность, целесообразность:

*надо, нужно, необходимо / необходимость, целесообразно, ра-
ционально, следует, надлежит, полагается, приходится, пред-
стоит, должен, обязан;*

в) побудительное волеизъявление:

*приказывать, велеть, требовать, заставить, принудить, разре-
шить, отпустить, поручить, распорядиться, позволить, пред-
писать, требовать, просить, пригласить, советовать, упро-
сить, уговорить, умолять, рекомендовать;*

г) пространственное перемещение субъекта для осуществления другого действия (сам процесс перемещения, начало или удаление пространственного перемещения):

идти читать лекцию, лететь принимать дела, ехать продавать шерсть, бежать открывать дверь, отправить(ся) / направить(ся), пойти, побегать, помчаться, поскакать, полететь, повезти, повести, кинуться, уйти, уехать, убежать, ускакать, удалиться, разойтись.

Выбор видовых форм инфинитивов в указанных сочетаниях зависит от выражаемых аспектуальных характеристик осуществления действия: при выражении направленности к осуществлению целостного действия употребляется форма СВ, при выражении направленности к неограниченно-продолжительному осуществлению действия — форма НСВ.

Ср. видовое противопоставление конкретно-фактического и неограниченно-продолжительного значения инфинитива во всех отмеченных выше сочетаниях:

- а) *Я хочу получить / получать эту газету / жить / пожить в этом городе, надеюсь (не) встретиться / встречаться с ним, решил приехать / приезжать к вам, думаю, стремлюсь внести / внести свой вклад в воспитание детей / много знать / узнать, многое уметь / суметь. Мы договорились / условились написать / написать друг другу; Она старалась прочитать написанное / читать на немецком языке; Он пробовал выразить / выражать свои мысли на чужом языке, мечтал съездить / ездить в Москву, собирался посетить / посещать его, задумал увидиться / видиться с ней, боялся встретиться / встречаться с ними;*
- б) *Ему надо, нужно, необходимо, следует, полагается, целесообразно, надлежит, приходится, он должен, обязан обдумать / обдумывать свои поступки, проветрить / проветривать помещение, прочитать / читать вслух; Вот если б мне освободиться от необходимости пить водку и есть хлеб (Горький); Беляев еще раз предупредил его о необходимости соблюдать сугубую осторожность (Паустовский);*
- в) *Он попросил нас сообщить / сообщать о всех изменениях, советовал взять / брать на завтрак молоко, рекомендовал прочи-*

тать эту статью / читать эти статьи, приказал приготовить обед / готовить каждый день обед;

- г) *Он пошел / ушел купить нужную ему книгу / покупать книги; Она улетела на юг отдохнуть / отдыхать; Его отправили в лагерь потренироваться / тренироваться; Они разошлись по домам поговорить / говорить с родителями; Он ехал / приехал / уехал продать / продавать шерсть.*

2. Ср. употребление инфинитива с частицей *бы* (в том числе и в составе союзов), выражающей значение желательности осуществления либо разового целостного действия при инфинитивах в форме СВ, либо неограниченно-продолжительного осуществления действия при инфинитивах НСВ:

...Нет! Уж коли зло пресечь: Забрать все книги бы и сжечь (Грибоедов); — На улицу бы пойти! — мечтательно проговорил Павел (Горький); Ветер спит, и все немеет, Только бы уснуть (Фет); Лишь как бы напоить да освежить себя — Иной в нас мысли нет (Пушкин); Баюков прислал письмо и писал, что начал поправляться. Вот бы и ему, Синцову, лежать сейчас там и поправляться, как Баюкову, в госпитале, на простынях (Симонов); Вместо того, чтобы заняться / заниматься зарядкой, он начинает день с сигареты.

3. Ср. подобное употребление видов инфинитива в придаточных предложениях цели:

Я завел будильник, чтобы встать пораньше; Он спал два-три часа днем, чтобы было легче дежурить ночью; А в медном колпаке есть стеклянное окошечко, чтобы водолазу смотреть (Житков); На то он и врач, чтоб лечить; Всякий шаг Вы должны обдумать так, чтобы было не к чему злословью и придратсья (Крылов).

2.2. Семантическая область объективной возможности осуществления действия. Выражается сочетаниями инфинитивов со словами *разрешать(ся), позволять(ся), мочь / можно, иметь / дать право:*

Здесь разрешается, позволяется оставить / оставлять вещи; Раздеться / раздеваться можно только там; Вы можете взять / брать книги домой; Я имею право сказать / говорить об этом.

2.3. Семантическая область условных событий. Выражается в придаточных частях условия сложноподчиненных предложений:

Если написать / писать ему правду, то он обидится; Заяц, ежели его бить, спички зажигать может... (Чехов) / побить.

2.4. Семантическая область, раскрывающая содержание отвлеченных существительных со значениями цели, задачи, намечаемых замыслов. Выражается: а) на уровне простых предложений с инфинитивными предикатами *Наша задача / цель — построить школу / строить школы*, б) при словными сочетаниями инфинитивов с существительными, обозначающими заранее намечаемые замыслы:

задание изучить проблему / изучать проблемы, директива обсудить решение / обсуждать все принятые решения, идея собрать всех вместе / собирать каждый год всех вместе, мысль построить / строить мост, найти способ (ответить).

2.5. Семантическая область предикативной характеристики действия с точки зрения незатруднительности / затруднительности его осуществления или заинтересованности в его осуществлении:

а) *Дойти / идти до реки было легко / не так просто / трудно; Подготовить даже одно лирическое стихотворение к исполнению бывает очень трудно (Яхонтов) / готовить; Подняться / подниматься в гору оказалось не просто; Что будет дальше, мы не знаем, потому что всего труднее в сегодняшнем дне — его понять, его оценить (Шкловский) / понимать, оценивать; Но Савельича мудрено было унять (Пушкин) / унимать.*

Ср. также устойчивые сочетания с инфинитивами, выражающими незатруднительный или затруднительный характер осуществления действия:

Ему не составляет труда / ничего не стоит / нипочем / нетрудно что-либо сделать / делать; У него рука не дрогнет убить / убивать;

б) *Сходить на вокзал было соблазнительно: вокзал всегда имел для него особую, притягательную силу (Катаев) / ходить на вокзал;*

Воспользоваться идущим в руки предлогом было заманчиво, но и опасно (Крон) / пользоваться; Любопытно узнать, чем же эта соль так замечательна? (Паустовский) / знать; Но согласитесь, ведь интересно услышать и понять звуки минувшего (Песков) / слышать и понимать.

3. СИНОНИМИЧНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ВИДОВЫХ ФОРМ ИНФИНИТИВА

3.1. Семантическая область направленности на осуществление целостного действия, когда речь идет о ситуативно предполагаемом или контекстуально обозначенном осуществлении целостного действия. Форма НСВ в этих случаях выступает в нейтрализованной видовой функции, форма СВ — в функции обозначения целостного действия. Функциональная разница между видовыми формами инфинитива в этом случае заключается в том, что НСВ акцентирует внимание на связь субъекта с осуществлением действия без аспектуальной его характеристики, свойственной данной форме, и тем самым актуализирует, выделяет действие в данной ситуации, а СВ обозначает целостное осуществление действия.

Допускают синонимию видовых форм следующие присловные связи инфинитива и предложения с инфинитивными предикатами:

1. Присловные связи инфинитива с показателями модальной и побудительной направленности субъекта к осуществлению предполагаемого целостного действия после момента речи, ср.:

Хозяин музыку любил И заманил к себе соседа певчих слушать (Крылов) / послушать. Я прошу вас говорить / сказать только правду; Я хочу есть / поест, курить / покурить; Он велел вам поклониться / кланяться; Ему нужно было объясниться / объясняться; Ардалион Михайлыч приказал десятскому скакать в деревню за Селиверстычем (Пушкин), ср. поскакать.

2. Вопросительные предложения с простым инфинитивным предикатом, выражающие вопрос или раздумье субъекта об осуществлении действия:

А ты молодец, Петушков! На всех разворотах и выражах держался как привязанный. — ...Мне эти слова принимать как благодарность старшего начальника? — Как хочешь, так и принимай, — добродушно согласился Аркадий (Семенехин), ср. принять; Тебе кефир брать / взять? (в столовой); Кланяться / поклониться ему? (из разговорной речи); Сказать / говорить ему об этом или нет?; Вызвать / вызывать их к себе?; Куда мне деться / деваться?; Вы останетесь у нас пообедать / обедать?

3. Присловные сочетания инфинитивов с отрицаемыми словами со значением направленности к целостному действию как поставленной цели, ср.: *Он не старался обманывать / обмануть; Я не стремился поступать / поступить в университет, не имел намерения оскорблять / оскорбить его.* К таким сочетаниям относится и сочетание инфинитива с отрицаемым глаголом *хотеть* в значении стремления, намерения: *Я не хотел вас обманывать / обмануть, оскорблять / оскорбить, обижать / обидеть.* Функциональная разница между видовыми формами инфинитива состоит в том, что форма НСВ подчеркивает более категорический характер отрицательного высказывания, чем форма СВ. Подобная синонимия видовых форм наблюдается и при отнесении сочетаний лексически ограниченных инфинитивов с *не хотеть* в значении нежелательности ко 2-му лицу: *Почему вы не хотите рассказывать / рассказать мне об этом, не хотите со мной даже говорить / поговорить, даже слушать / выслушать меня.*

Следует отметить, что во всех указанных выше позициях инфинитив в форме НСВ может употребляться при контекстуальной поддержке и в неограниченно-продолжительном значении, противопоставленном конкретно-фактическому значению формы СВ (о чем см. выше).

3.2. Семантическая область условий, определяющих своевременный приступ к осуществлению ситуативно целостного действия. Выражается контекстуальным обозначением точки отсчета, служащей для своевременного приступа к осуществлению ситуативно целостного действия, ср.:

Уже 8 часов — надо (пора) вставать / встать; Все приготовления закончены — уже можно взрывать / взорвать скалу; Повестка дня исчерпана — нужно закрывать / закрыть собрание; До начала спектакля осталось 30 минут — мы должны выходить / выйти; Теперь моя очередь задавать / задать тебе вопросы; Начинает темнеть — надо идти / пойти домой; Уже все поели — можно убирать / убрать посуду со стола; То, что вы только что говорили / сказали, писать?; Мне уже пора обедать / пообедать; Больному стало хуже, — надо немедленно вызывать / вызвать врача; Вам необходимо сейчас же ехать / поехать к нему; Мне сейчас нужно переводить этот текст; Радист: Радио! От Центробалта ... Сниматься с якоря немедленно! (Лавренев); возможна замена на: сняться с якоря немедленно!; Варламов включил трансляцию сразу на все отсеки и объявил: Накрывать столы в кают-компании; Команде приготовиться к ужину! (Борич), возможна замена на накрыть столы. (Княгиня, входит в станционный дом): В Нерчинск! Закладывать скорее! (Некрасов), возможна замена на заложить скорее! Немедленно всем скрываться / скрыться! Через час всем собираться / собраться здесь!; Тебе следует выполнять / выполнить домашнее задание, а ты бегаешь по двору; Я хочу есть / поесть, курить / покурить; Он велел вам поклониться / кланяться; Ему нужно было объясниться / объясняться; Четвертый. Я — “Красный петух”. Я — “Красный петух”. Блокировать все дороги у “Рубина”, послать поисковую группу к опушке леса. Брать только живым, и чтобы ни одной царапины. Ясно? (Семенихин), возможна замена на взять только живым.

3.3. Семантическая область ограниченно-длительного или ограниченно-кратного осуществления действия. Выражается глаголами СВ с приставками *по-* и *про-* со значениями делимитативного и пердуративного способов действия и контекстуально словами со значениями, выражающими в сочетании с соответствующими бесприставочными инфинитивами НСВ ограниченное проявление длительности или повторяемости действия. Функциональная разница между видовыми формами та же, что и при синонимии видов в условиях контекстуального или ситуативно предполагаемого осуществления целостного действия (о чем см. выше).

Ср.: *И хотя после благодатного ливня не оправились еще как следует травы на лугах, хотя по-доброму с недельку-другую им постоять бы еще, он бросил главные силы на заготовку кормов (Иванов), возможна замена на с недельку-другую стоять бы еще. Всю жизнь работать для науки, привыкнуть к своему кабинету, к аудитории, к почтенным товарищам — и вдруг ни с того, ни с сего очутиться в этом склепе... (Чехов), возможна замена на всю жизнь проработать; И ни разу мы даже случайно не встретились, не столкнулись с ней на тропке; Прожить столько дней бок о бок и даже не глянуть друг на друга (Пестунов), возможна замена на жить столько дней; Это упражнение надо выполнить / выполнять несколько раз.*

3.4. Семантическая область потенциальной приверженности субъекта к осуществлению действий. Выражение потенциальной приверженности субъекта к осуществлению действий входит в “компетенцию” формы НСВ, поскольку речь идет об осуществлении типичных для него действий. Однако в этих случаях возможно синонимичное употребление формы СВ в наглядно-примерной функции, которая в контексте повторяющихся, обычных действий представляет разовое действие как одно из типичных, “серийных” для субъекта. Лексическими показателями приверженности субъекта осуществлять типичные для него действия являются глаголы *любить, нравиться, прилагательное готовый*:

Он любит, ему нравится производить / произвести впечатление на окружающих, пить / выпить красное вино / красного вина, в выходной день гулять / погулять по лесу; Она любила наряжаться, но не умела и жалела на это деньги (Чехов), возможна замена на любила нарядиться; Он любит побыть дома, покурить, полежать, посмотреть, как хозяйничает любимая жена (Задорнов), возможна замена на любит быть дома, курить, лежать, смотреть... Аркадий Павлович любил, как он выражался, баловать себя (Тургенев), возможна замена на любил баловать себя; <Ниловне> нравилось говорить с людьми, нравилось слушать их рассказы о жизни (Горький), возможна замена на нравилось поговорить с людьми, послушать их рассказы; Он готов всегда угощать / угостить вас всем, что у него есть; Я старался вообразить себе капитана Миронова, моего будущего начальника, и

представлял его строгим, сердитым стариком, <...> готовым за всякую безделицу сажать меня под арест на хлеб и на воду (Пушкин), возможна замена на готовым ... посадить меня; Я говорю о молодых рабочих — крепких, чутких, полных жажды все понять (Горький), возможна замена на все понимать; Федя не упустил случая подтрунить над отцом... (Тургенев), возможна замена на подтрунивать; Он у меня такой, что не прочь и полениться, если ему дать волю (Сологуб) возможна замена на лениться; К чести нашей народной гордости надобно заметить, что в русском сердце всегда обитает прекрасное чувство взять сторону угнетенного (Гоголь), возможна замена на брать; Ну что ты все: чиновник, чиновник, не любит ли он выпить, вот, мол, что скажи (Гоголь), возможна замена на любит ли он выпивать.

3.5. Семантическая область способности / неспособности субъекта осуществлять действие: при выражении способности субъекта осуществить действие употребляется форма НСВ инфинитива и синонимичная ей форма СВ в наглядно-примерной функции. Лексическими показателями этой семантической области являются глаголы *мочь, уметь*, прилагательные *способный* (существительное *способность*):

Я (не) могу поднимать / поднять тяжелый вес; Эта балка (не) способна / (не) может выдерживать / выдержать большое давление; Лица потны, красны, неподвижны, способность их выражать что-нибудь парализована зноем (Чехов), возможна замена на способность выразить что-либо; <...> и скоро, благодаря вам, на земле не останется ни верности, ни чистоты, ни способности жертвовать собой (Чехов), возможна замена на пожертвовать собой; Пускай летать ты можешь на коне, Звенящую стрелу бросать из лука, Догнать оленя и врага сразить (Лермонтов), возможна замена на стрелу бросить,... догонять оленя, врага сразить; Только зоркие глаза штурмана могут увидеть груз (Липатов), возможна замена на могут видеть; Кто-то сказал, что любить — это значит уметь прощать / прощать ошибки; Он (не) умеет и молчать / помолчать, и слушать / послушать других; Она (не) умеет находить / найти выход из положения, делать / сделать все как следует; Языки ему

были знакомы лишь настолько, чтобы поговорить с французом о погоде и дороговизне (Федин), возможна замена на говорить.

На уровне предложения эта семантическая область выражается синтаксическими конструкциями с однородными инфинитивными предикатами и повторяющейся перед ними усиленной частицей *и*:

Он и петь, он и плясать, он и сказки, говорят, так рассказывает, что из других мест сходятся слушать (Достоевский).

3.6. Семантическая область обозначения целостного действия, намеченного к осуществлению непосредственно после осуществления другого целостного действия. Такое употребление форм вида инфинитива свойственно простым инфинитивным предикатам в придаточных предложениях времени с союзами *прежде чем (нежели), до того как, перед тем как*:

Прежде чем продолжить / продолжать наш разговор, разрешите задать вам один вопрос?; Перед тем как войти в вагон, ей захотелось сказать что-нибудь искреннее, отвечающее смятению ее души (Федин), возможна замена на входить. Прежде чем вывести первую букву, Ванька несколько раз пугливо оглянулся на двери и окна (Чехов), возможна замена на выводить.

Разовое действие придаточного предложения может быть представлено как типичное наглядно-примерное действие, в таких случаях форма СВ инфинитива синонимична форме НСВ в функции аспектуально нейтрализованного типичного действия, ср.: *Прежде чем сказать / говорить, надо сначала подумать / думать.*

Таким образом, употребление видовых форм инфинитива в русском языке, по нашим наблюдениям, встречается в 30-ти семантических областях: в 12-ти — фиксированное употребление формы НСВ, в 7-ми — фиксированное употребление формы СВ, в 5-ти — противопоставленное употребление видовых форм и в 6-ти — синонимичное употребление видовых форм.

ЛИТЕРАТУРА

- Кюльмоя И. П. 2001 — О синтаксическом уровне аспектуальности в русском языке. *Труды и материалы Международного конгресса русистов-исследователей. Москва, филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова 13–16 марта 2001.* Москва.

ЧТО ЗНАЧИТ ВЫРАЖЕНИЕ ПЕРЕМЫВАТЬ КОСТОЧКИ?

А. ШТЕЙНГОЛЬД

Выражение “перемывать косточки” не раз становилось предметом внимания историков языка, составителей словарей русской фразеологии, языковедов-популяризаторов. Ему посвящено довольно большое количество заметок, словарных статей и отдельных очерков, преимущественно научно-популярного и учебного характера.¹ Из них в этимологическом отношении интересны две работы — В. В. Виноградова [Виноградов 1954] и В. Кипарского [Кипарский 1974]. Позиции этих ученых при разном объеме и составе фактического материала очень близки и сводятся к следующему: своим возникновением этот фразеологизм обязан существованию у славян обряда “вторичного (второго) захоронения” (*двоструко сахранывање, друго сахранывање* [Виноградов 1954: 9]), известного с XI в. в Греции, в частности на Афоне, а также бытовавшего в разное время на Балканах (у сербов, хорватов, румын, албанцев) и у восточных словенцев. Этнографически он трактуется как превентивная мера против вампиров — неистлевших покойников — так сказать, способ их рекогносцировки и обезвреживания [Виноградов 1954: 9–10]. В. Кипарский, не заостряя внимание на лингвистических нюансах и культовой прагматике, вслед за Эвелем Гаспарини демонстрирует ряд типологических параллелей, красноречиво подтверждающих наличие у отдельных народов — жителей о-ов Рюкю и Тайваня, не-

¹ Подробную библиографию см. в [ИЭРФ: 146; БМС: 308].

ня, некоторых провинций Китая, гуронов — погребальных практик типа “мытья костей”. Этот же автор, вопреки итальянскому коллеге, хотя и уклоняется от слишком смелых заявлений относительно путей проникновения обряда в Европу, твердо настаивает на его существовании у славян [Кипарский 1974: 32]. Выражение *перемывать косточки* он расценивает как русизм, возникший уже после распада праславянского языкового сообщества [там же: 30].

В. В. Виноградов, проследивший историю русской идиомы по памятникам художественной литературы XIX в., понимал гипотетический характер своей этимологии и пытался это оправдать, во-первых, поздней фиксацией фразеологизма (в литературный язык он проник лишь полтора столетия назад) и, во-вторых, отсутствием в современной речевой практике следов “стародавнего, первоначального понимания <данного> языкового факта” [Виноградов 1954: 3]. Последний тезис представляется спорным. Его корректировке и будет посвящена настоящая работа.

Из литературных источников XIX в. известно по крайней мере три варианта исследуемого фразеологизма со значением ‘сплетничать, злословить’, точнее, три производных от глагола *мыть* (*перемывать* / *перемыть*; *промывать* / *промыть*; *вымывать* / *вымыть*) идиоматически сочетающихся с сущ. *косточки* / *кости* [Виноградов 1954: 4; Мух 1997 II: 26, 73]. Двухлексемный фразеологизм может осложняться наименованием лица, на которое действие направлено (или указанием на него), что грамматически чаще всего выражается местоимением, нарицательным существительным, именем собственным со значением лица в дат. или род. падежах. Ср.:

В с е м косточки перемыли, всем на калачи досталось... (Мельников-Печерский, “На горах”). *Одна из девиц встает и уходит. Оставшиеся начинают перемывать косточки у ш е д ш е й* (Чехов, “Из записок вспылчивого человека”). *Она совершенно уверена, что я в настоящую минуту добела перемываю с вами косточки н а ш и х б л и ж н и х* (Салтыков-Щедрин, Очерк 7).²

² Цит. по [Виноградов 1954: 4].

В “Академическом словаре” начала прошлого века отмечены более редкие для современной традиции глагольные употребления со словом *кости*: *перебрать* чьи косточки; *разобрать* кого по косточкам; *трясти* чьи косточки (о сплетнях); а также выражение, принадлежащее Ф. М. Достоевскому, *разминать по косточкам* с гипотетически восстанавливаемым значением ‘мучить, истязать’ [СА IV, 6: 2400], там же *волочить*, *мыкать*, *трясти*, *трепать свои (старые) кости* ‘дряхлеть, быть хилым, с трудом ходить’ и *трясти костями* (о смехе, хохоте) [там же: 2421]. Как видим, только в первом из перечислений сохраняется прежнее значение — ‘сплетничать, судачить, обсуждать кого-л.’, В. В. Виноградов, не объясняя, считает *перебрать косточки* вторичным образованием, а “еще более поздним и едва ли не чисто литературным” — *разобрать по косточкам* [Виноградов 1954: 4–5]. В качестве ядерной конструкции (на основании критерия частотности) он выделяет *перемывать косточки (кому-нибудь)*, а *промыть / вымыть косточки*, по его мнению, — результат позднейшего синонимического “отпочкования” [там же]. Авторы словаря “Фразеологизмы русской речи” А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко находятся на сходных позициях, утверждая первичность выражения *перемывать косточки* по отношению к *мыть кости*, *перетирать косточки*, *промыть косточки*, *обмыть (все) кости*, *перебирать / перебрать косточки*, *разбирать / разобрать по косточкам* [ММ: 330–333]. К слову сказать, выражения *вымыть косточки*, *трясти кости* современными лексикографическими источниками уже не фиксируются.

Действительно, к концу XX в. число подобных фразеологических единиц, употребляемых русским литературным языком, сокращается.³ Современные словари фразеологизмов де-

³ Впрочем, это может объясняться и не слишком корректным лексикографическим подходом к разграничению литературно-нормированных и устаревших, диалектных, окказиональных форм. Авторы фразеологических словарей в качестве заглавной (она же равняется литературной) выносят наиболее употребительную

монстрируют частотность только двух из них: *перемывать / перемыть косточки кому* (неодобр.) ‘злословить, сплетничать, судачить о чем-л.’ и *разбирать / разобрать по косточкам* (неодобр.) 1. *кого* ‘злословить, сплетничать, судачить о ком-л.’; 2. *что* ‘подробно, до мелочей обсуждать что-л.’ [БМС: 308; аналогично см. ММ: 330–333; Яр: 411; СОВ: 221], причем второй отмечается лексикографами выборочно. Нет его в [Яр; СОВ]. В противоположность упомянутым авторам, А. И. Федоров помещает *перемывать косточки* в качестве варианта к *перебирать / перебрать косточки* (с пометой *прост.*), а *разобрать по косточкам* вообще не рассматривает [Фед: 371].

Структурное варьирование, наблюдаемое еще в конце XIX в., отнюдь не говорит в пользу позднего мультиплицирования на литературной почве, как считал В. В. Виноградов. Как раз наоборот. Н. И. Толстой на примере выражения *на черный ноготь* в свое время убедительно показал, что формальная неизменность идиомы — свидетельство инновации или калькирования, зато вариативность формы — нередко признак архаизма [Толстой 1995: 388–390]. Парадоксальным образом на установлении архаического характера фразеологизма положительно сказывается его слабая или рассеянная распространенность в других славянских языках. Исключения составляют регионы типа Полесья, Балкан и т.д., сохраняющие реликтовые явления [там же: 388]. Точные соответствия русскому выражению *перемывать косточки*, по нашим данным, имеются только в белорусском и украинском языках, ср.: *перамываць костачкі, перемивати кісточкі*.⁴ Это тоже может быть аргументом в пользу давнего происхождения, поскольку

форму. Все остальные рассматриваются в лучшем случае как ее структурно-семантические (т.е. неравноправные) варианты. Очень часто они совсем не находят себе места в подобных справочных изданиях.

⁴ К сожалению, у нас пока нет выхода на соответствующий диалектный материал, что может негативно отразиться на “чистоте” выводов.

возможны “праславянские фразеологизмы, отразившиеся только в одной группе языков” [там же: 397].

Активность использования в недавнем прошлом в составе рассматриваемых идиом глаголов с прямым лексическим значением **мытья** (*мыть, вымыть, перемыть, обмыть*), **разъятия на части** (*перетирать, разбирать*), **перетряхивания** (*трясти*); тождественное (или близкое) переносное значение самих фразеологических единиц — все это, на наш взгляд, говорит о разных попытках номинации одного и того же древнего культурного феномена, актуальность которого в прошлом не подлежит сомнению. Итак, что это за феномен?

Совершенно справедливо, на наш взгляд, В. В. Виноградов и В. Кипарский увидели здесь намек на погребальную обрядность. Отправной точкой для подобных рассуждений, видимо, послужило исследование семантики второго компонента фразеологизма, а именно лексемы *косточки, кости*. Древнерусский и современный русский диалектный материал показывают, что одно из архаичных значений этого слова — ‘мертвое тело, покойник, останки’, а также ‘род, племя’ [СРНГ 15: 87; СРЯ 7: 373]. Обычно развитие первого значения объясняют как синекдоху по отношению к *кости* ‘части скелета человека’. В нашем распоряжении имеется цитата из проповеди Григория Богослова “Об избииении града (о градобитии)” по списку XI в., где в числе других языческих пороков русский переписчик упоминает присяги человеческими костями и клятвы на мощах, под которыми очевидно следует понимать клятвы возле могил, у праха покойников, но никак не клятвы на костях в “чистом” виде, в силу повсеместного распространения к этому времени в христианских странах трупоположений:

...А инъ градъ чѣтетъ; овъ же дрънь въскроуць на главѣ покладая, присягоу творить. Овъ прісягы костьюми челоувѣчами творить. Овъ кобені пѣтичь смотреть... Овъ на мощьхъ лъжею присязаетъ... [Ан: 94].

Вот еще некоторые примеры из древнерусских текстов:

А по костехъ и по мертвеци не платить верви, аже имене не вѣдаютъ, ни знаютъ его (XIV в. ~ XII в.); А какъ оужь дастъ богъ

пора будетъ и язъ Иванову кость <умершего посла> отпушу и васъ отпушу (1517 г.) [СРЯ 7: 373].

Подобное же употребление отмечено в сказочном тексте, записанном в Новгородской губ.:

Ну, одним словом, ты мне отец, а я тебе сын, оставайся у меня жить, я тебя допою и докормлю и твою кость похороню [Цит. по СРНГ 15: 87].

То же — в погребальном присловье “Упокой, Господи, душеньку, прими, земля, косточки!” [Даль II: 177] и поговорицах *Кто благоденствует, у того борода белеет, злодействует, у того кости белеют* (“кто честен, живет до старости, а кто злодействует, тот лежит непогребенным”) [Сн: 141], *ни костей ни вестей* (“ни живого, ни мертвого”) [БМС: 308]. Как видим, особую актуализацию значение ‘мертвец, останки’ получает в ряде др.-рус. типичных лексических сочетаний и фразеологизмов, связанных с семантическим полем “смерти”:

кости схоронити, спрятати ‘предать тело умершего земле, похоронить’; *лечи, пасти костью (костью)* ‘погибнуть на поле боя, умереть в бою’; *стати (стояти) на костѣхъ* 1. ‘упорно сражаться, стоять насмерть’, 2. ‘победить, оставить за собой поле боя’; а также *костью не двинути* ‘не нарушить воли, желания умершего’ [СРЯ 7: 373–375].

Ср. напр.:

И реч<е> Стобѣславъ... да не посрамятъ землѣ Рускиѣ, но ляжемъ костью (ту), мертвыи бо срама не имуть (по вар. Лаврентьевской летописи 1234 г.); “*И стал великий князь Дмитрей Ивановичъ съ своимъ братомъ с княземъ Владимиромъ Андрѣевичемъ и со остальными своими воеводами на костѣхъ на полѣ Куликове на речке Непрядѣ*” (“Задонщина” по сп. XVII в. ~ XIV в.); “*А ты сынъ мой Степане и внуцата мои костью моею не двинѣте и брата своего Василя не обидѣте...* (XVII в. ~ 1435 г.) [там же].

Подобные фразеологизмы наблюдаются иногда и до сих пор в живой разговорной речи. В конце XIX в. и в XX в. еще использовались выражения типа: *пора бы тоже костям на место* ‘(старика) пора бы умереть’, *сложить / положить свои кости*

‘умереть’ [СА IV, 6: 2417–2418], *мешок с костями развязать* ‘убить старика’ [там же: 2421].

Адъективные производные от *кость*, видимо, в редких случаях могли репрезентировать семантику ‘мертвецкий, к мертвецу относящийся’, что в частности, видно на примере старого московского жаргонизма *вывешивать на костяной безмен* — “о телесном наказании, пытке, возможно также о дыбе” [Ел: 101], поскольку результатом такого наказания чаще всего была смерть. Отражение в жаргонной фразеологии архаичных номинационных моделей и сем — довольно устойчивое явление. Думается, что современное арготическое *бросить кости* ‘переночевать’ генетически восходит к значению ‘умереть’, а *греть костями* ‘шуметь’ к ‘ругаться, браниться’ [Е: 210].

Б. А. Успенский, исследовавший в связи с общенной тематикой выражение *кожа и кости* из следственного дела “О неподобных и сквернословных делах коломятина Терешки Егина” (1668–1675), где матерная брань по обычаю приказной практики эвфемистически “переведена” на язык смысла:

... Он Терешка на очной ставкѣ говорил и сквернил свою *кожу и кости* матерны своими словами, и мать он свою родную матерными словами тѣм с<к>вернил погаными. И в том истец и отвѣтчик имались за вѣру ... истец слался в том, что де тот Терентей *кожу свою и кости* свои, мать свою сквернил словами и бранит <sic!>. ... И отвѣтчик Терентей в том на осадного голову Стефана Θεодорова <слался>, что Терешка *кожу свою и кости* и мать свою не с<к>вернил и матерны себя не бранил,

пришел к выводу, что его семантика соответствует представлению о мертвом теле [Успенский 1988: 223]. Сема ‘худобы, изможденности’ развилась у него вторичным образом, а более аутентичным следует признать значение ‘труп, мертвое тело’. Это выглядит достаточно убедительно, особенно на фоне “могильных” ассоциаций, вызываемых некоторыми видами матерной брани (ср.: серб. *j...m ти мртву мајку*, а также рус. традиционное ругательство с добавлением *в могилу, в крест, через семь гробов*) [там же: 222], а также самим значением слова *кости* — ‘труп’. Устойчивое лексическое сочетание *кожа и кости*, действительно, стоит в одном ряду с переносными на-

именованиями для крайне худого, больного, изможденного человека, такими как: *живые мощи, живой труп, ходячий покойник* и даже сарат. *кощии-мощи* — об очень худом, больном человеке [СРНГ 15: 159]. Возвращаясь к семантике слова *кости* — ‘труп’, следует отметить частотность употребления его в загадках и пословицах, обыгрывающих тему смерти, причем *кости* рифмуется с *гости*. Гость, как известно из славянских фольклорно-этнографических источников, может пониматься как олицетворение души умершего, предок, выходец с того света, нечистый (особенно в текстах гаданий о замужестве, быличках). Благодаря явлению паронимической аттракции, в пределах одного смыслового поля оказываются слова *гости* ‘покойники’ и *погост* ‘кладбище’. Ср.:

Кости поехали в гости “покойника повезли на кладбище” [Сн: 139, 338 пр. 65] и его варианты *Старые кости захотели в гости, Старые кости приехали в гости* [Даль II: 177].

В свете сказанного не получившее полного объяснения слово *кощей*, укр. *кощій* ‘сказочный персонаж’⁵ [Соболевский 1886: 152; Miki 134; Ber I: 583; Ф II: 362] получает двойную мотивацию: от *кость* ‘часть скелета человека’ и *кость* ‘покойник’. Русские диалекты знают большое количество производных от *кость* (в привычном значении) с семантикой ‘худой, изможденный (человек)’. Напр.:

костливый ‘исхудалый, с выступающими плечами’ (влад.); *костляvistый* ‘исхудалый, с выступающими костями’ (волог.), *костлявка, костляш* — о ком-л., сильно исхудавшем (волог.); *костоватый, костоватенький* ‘худощавый, исхудавший’ (арх., новг.) [СРНГ 15: 78]; *кострюк* — о худощавом человеке (южн.-сиб.) [там же: 83]; *костыга* — о худощавом человеке (волог., петерб.) [там же: 84]; *костьё* — об очень исхудавшем человеке или животном (арх.); *костьёвый* ‘костлявый’, однако минимальный контекст показывает, что оно может толковаться и как ‘к мертвецу

⁵ К нему, безусловно, не имеет отношения др.-рус. *кощеи, кощии* ‘отрок, мальчик, пленник, раб’, восходящее к тюрк. *košči* ‘невольник’ < *koš* ‘лагерь, стоянка’, что хорошо показали многие исследователи [Ф II: 362; Ber I: 583, 586].

относящийся': Он (мертвец) *костъёвою рукою Обнять девицу хотел* (песня). (вят.); *костяник* 'костлявый человек' [без указ. места], 'худощавый, но крепкий человек' (пск., твер., олон.) [там же: 88]; *кошавельный* 'худенький' (олон., новг.) [там же: 138]; *коща* 'исхудалый, тощий человек; кощей' (ряз., ворон., моск., свердл.); *кощавый* 'худой, худощавый' (смол.); *кощёдра* 'исхудалый, тощий человек; кощей' (свердл.); *кощей* (фольк.) 'сказочный змей' (арх.); *кощей семижилый* (бранно) 'скупец, скряга' (арх.); *кощейка* 'скупая, злая старушка' (без указ. места); *Кощеюшко* (фольк.) 'кощей': "*Направлял Кощеюшко тугой лук, Натягивал Кощеюшко каленую стрелу*" (олон., яросл.); *кощиль* 'скелет' и *кощиль бессмертный* 'олицетворение смерти' (сев.-двин.) [там же: 159].

Сюда же относится сарат. *кощии-мощи*, рассмотренное выше.

Особенно выделяются формы с этимологическим *j на конце основы (*коща, кощёдра, кощей, кощиль*), многие из которых параллельно используются и как нарицательное наименование худого человека, и как имя собственное сказочного персонажа. Формально-семантически рус. *кощей* 'скелет, сказочный персонаж' поддерживается украинским *кощій* 'худой человек, скелет' [Mikl: 134], однако Э. Бернекеру было известно значение "wandelndes Gerippe" [Ber I: 583], отраженное в словаре Е. Желиховского [Жел I: 374], но не попавшее в более поздний словарь Б. Д. Гринченко. В близкородственном белорусском языке *кашчэй* известно в обоих значениях [ЭСБМ 4: 325]. В др.-рус. и ц.-слав. языках йотированная основа встречается в чистом виде:

ц.-слав. *кошть* 'сухой, тощий' [Вост I: 181; Mik: 307], др.-рус. *кошь* 'худой' [Срезн I, 2: 1308–1309], *кощій* 'тощий, худой', ср. также *кощенъ, кощенный* 'худой, костлявый' [Срезн I, 2: 1308; СРЯ 7: 398] и вост.-слав. *кощавый* 'костлявый, худой' (бел. *кашчавы* [ЭСБМ 4: 324], укр. *кощавий* [Жел I: 374; Гр I: 297]).

Как известно, Кощей Бессмертный восточно-славянских сказок является антагонистом главного героя наподобие Ивана-царевича. Характеризуется способностью летать (как Змей Горыныч или огненный змей быличек), похищать царевен и держать их в заточении; обладает сверхъестественной физической и колдовской силой. Смерть Кощея находится вне тела, что

ограждает его от обычной человеческой кончины (отсюда эпитет *Бессмертный*, которому соответствует *семижилый* в сев.-рус. наименовании скупца, скряги), она вещественна, телескопически заключена в ряде предметов и живых существ (дуб — ларец — заяц — утка — яйцо — игла). Кошей умирает после последовательного уничтожения всех “оболочек” и разламывания иглы. Перечисленные признаки заставляют видеть в нем, прежде всего, ходячего покойника, олицетворение смерти, а уже потом — оборотня, колдуна⁶ шаманского типа. Еще одной отличительной чертой Кошей является несметное богатство. Этим он функционально сближается с персонажами быличек — заклятыми преступниками, разбойниками-душегубами (типа атамана Кудеяра, Гаркуши, Пугачева), по смерти охраняющими свои сокровища и клады. Областные лексемы *кошей* ‘скупец, скряга’ и *кошейка* ‘скупая, злая старушка’ переносно развивают ассоциацию “Кошей” — “богатство”. Отражение другого пути развития переносного значения (‘сказочный персонаж’ — ‘злой человек’ — ругательство⁷), также с возрастающей негативной экспрессивностью, но с искажением исходной фонетической формы под влиянием имени св. Касьяна, находим в диалектах:

Касьян — “По народному поверью, причина всех бедствий, связанная с именем этого святого” (перм.): *Касьян*, на что взглянет, то и вянет! (енис., вост.-сиб.), Эж на тея *Касьян-то* взглянул (тобол.); *касьян* — о злом, недоброжелательном человеке (во-

⁶ По представлению восточных славян, колдуны и ведьмы, способны хранить свою душу неприкосновенно вне тела. Она может заключаться в какой-либо вещи, талисмানে, предмете силы. Напр., на Украине верили, что душа вампира находится под камнем [СД I: 284]. Упоминание на эту же тему находим у О. Ф. Миллера: “Замечательно поверье, что некоторые люди могут жить без души, *душа может отсутствовать, выделяться из тела до смерти и жить отдельно*, а тело — жить при этом само по себе. *Так бывает с людьми дурными и с ведьмами*” [Прот: 67].

⁷ Нет недостатка в аналогиях для подтверждения этой схемы. Ср. с переносным ругательным употреблением имен сказочных персонажей и полудемонических существ: баба-яга, кикимора, ведьма, упырь.

лог., иркут., моск.): *Эдакой ты Касьян! Видно, в тебе нет крови-то человеческой!*; *касьяновцы* — о недобрых, злых людях (волог.) [СРНГ 13: 119].

Очень близко к приведенному объяснению относительно слова *кощей* лежит этимология рус. *Кострома*, укр. *Коструб*. Нет необходимости, как это делают авторы 11-ого выпуска ЭССЯ, все формы на **kostr-* (напр., **kostrava*, **kostrežь*, **kostrica*, **kostrь*, **kostroma* и пр.) непременно возводить к **kostra* в силу подавляющей специфичности значений последнего: ‘кострика, мякина’ и лишь иногда ‘костяк’. Многие производные, помещенные в статье **kostra*: чеш. *kostroun* ‘станина для сушки клевера’, слов. *kostrn*, *kostron* ‘стержень пера’, в.-луж. *kostrjanc*, *kostrjank* и пр. ‘василек полевой’, н.-луж. *kóstišeń* ‘хвощ полевой’, с успехом могут быть помещены под словом **kostrь* [ЭССЯ 11: 158–159, 163–164]. Общим элементом значения для **kostra* и **kostrь* является сема ‘костистости, костеобразности, остроты’, а морфологически они соотносятся как именные основы склонений на **ā* и **ō*, восходящие к общему этимону. Есть смысл рассматривать производные с этимологическим **г* в основе (в том числе и **kostra*) как восходящие к **kostrь* < **kostь*. Последние две формы, видимо, имели одну и ту же именную семантику, но **kostrь* рано стало употребляться как адъектив. Последующая филиация форм и значений проходила параллельно:

- 1) **kostь* > болг. *костур* ‘скелет костяк’ [ЭССЯ 11: 165]; др.-русс. *костарь* ‘игрок в кости’ [СРЯ 7: 367]; словен. *kostirnica* ‘большой складной нож с костяной ручкой’ [ЭССЯ 11: 167]; словен. *kostenica* ‘персик, плод которого плохо отделяется от косточки’ [там же: 154]; рус. обл. *костить* и *костерить* ‘осыпать бранью, ругать’ [СРНГ 15: 73, 75]; 2) **kostrь* > чеш. *kostra* ‘скелет, костяк’ [ЭССЯ 11: 158]; рус. обл. *кострыга* ‘кость в прядеве’ [СА IV, 6: 2406]; донск. *кострышить* ‘мелко резать, крошить что-л. без определенной цели’ [СРНГ 15: 83]; олон., новг. *Кострица* ‘ягода костяники каменистой’ [там же: 81]; болг. диал. *косра* ‘собразнять, дразнить’ [ЭССЯ 11: 162].

Если вести речь о семантике слова *Кострома* [СРНГ 15: 82; СА IV, 6: 2405–2406] (укр. *Коструб*, *Кострубонька*) ‘мифологический персонаж весенне-летних обрядов’, то при всей

внешней мотивированности со стороны *костра* ‘кострика, очесы льна’ (кукла Костромы в некоторых случаях изготавливается из соломы или пучка сухих трав) [Миловидов 1890: 59–60; СД II: 634], эта лексема сохраняет “память” о *кость* ‘покойник’. В силу ограниченности рамок данной статьи, невозможен исчерпывающий анализ обрядовых и игровых текстов, выявляющий потустороннюю сущность рассматриваемого персонажа, — это тема отдельного исследования. Поэтому кратко перечислим лишь основные черты его “иномирности”. Кострома стоит в одном ряду с другими женскими персонажами семицко-троицкой обрядности — русалками, имеет прямое отношение к смерти, культу предков, особенно — заложных покойников. Как и Кощей Бессмертный восточнославянских сказок, она может вести себя подобно “ожившему” покойнику — упырю (это особенно хорошо проявляется в мотиве преследования в игре в “кострому”).⁸ Все это делает вероятным предположение об этимологическом родстве с производящей основой **kostřь* ‘кость’ (осложненной суффиксом *-oma*) и сохраняющей на русской почве мотивацию со стороны *кость* ‘покойник’.

Еще одной лексемой, связанной морфологически и семантически с описываемым гнездом слов, является рус. литературное *костер* ‘разложенный огонь в поле, в лесу’. В диалектах отмечены и другие значения: 1) ‘куча хвороста, сучьев, бревен и т.д.’; 2) ‘большая укладка снопов в поле’; 3) ‘куча съестного’; ‘укладка перпендикулярными рядами соленой и вяленой трески...’ [СРНГ 15: 72]. Омонимичными данной лексеме будут являться: *костер* ‘сибирский осетр’ (ср. *костерá*, *костерик*, *костерёнок*, *костричёк* и др. — ‘осетр’) и *костер* ‘костра’, ‘отходы при обмолоте ржи, пшеницы; мякина’ [там же]. В доступных нам этимологических словарях славянских языков не отражено четкое представление о соотношении форм **kostřь* / **kostьrь* / **kosterь*. См. [Ber I: 383–585; ЭССЯ 11: 154, 163–164]. Не углубляясь в проблему разграничения

⁸ Описание обряда и игры см. в [Доб: 101–104; Миловидов 1890: 59–61; Сах 383–385; Шин; Зеленин 1912: 415–417; СД II: 633–635; Морозов 1998: 319–321].

исторических омонимов, хотим обратить внимание на то, что значения, помещаемые под **kostrъ* в [ЭССЯ 11: 163–164], резко отличаются от остальных. В них преобладает сема — ‘большая куча’, ‘нечто предназначенное для сжигания’, ‘нечто сложенное определенным образом (перпендикулярными рядами)’. Исходя из факта преимущественно ритуального использования славянами костров (а именно для сжигания мертвецов) вплоть до X–XI вв., предполагаем развитие от **kostь* ‘покойник’. Поскольку значение ‘нечто предназначенное для сжигания; большая куча чего-л.’ зафиксировано почти исключительно в восточнославянских языках (есть один пример из словенского), а значение ‘покойник’ для *kostь* больше нигде не зарегистрировано, есть основания констатировать такое семантическое развитие исключительно на местной почве. Отголоском подобного словоупотребления (*костер* — ‘огромная куча дров, сложенных определенным образом и предназначенных для сжигания мертвеца’) следует считать частотность в древнерусский период лексического сочетания *костры мертвыхъ*. Ср.:

Не токмо на боищи костры мертвыхъ, но и по многымъ мѣстомъ лежаше трупиѣ... [ЭССЯ 11: 163]; А побито ихъ въ градѣ толико множество лежаше, яко по всему граду не бѣ гдѣ ступати не на мертвыхъ... и по улицамъ костры мертвыхъ лежаше съ стѣнами градными ровно (XIII в.); Куды Сухан ни оборотится, тут <мертвыхъ> татар костры лежатъ (XVII в.) [СРЯ 7: 368].

Итак, анализируя внутреннюю форму слов, называющих inferнальных сказочных пресонажей и полудемонических существ (Кошей, Кострома), мы пришли к выводу о возможности прямой или косвенной их мотивированности со стороны *кость* ‘мертвец, останки’. То же можно сказать и о слове *костер*.

Теперь вернемся к выражению *перемывать косточки*, с объяснения которого начиналась данная статья. Выражения типа *перемывать / мыть косточки, разобрать по косточкам, перебирать косточки, трясти косточки* ‘сплетничать, обсуждать чьи-л. недостатки’, *трясти костями* ‘смеяться’ и др. в своем прямом и переносном смысле могут быть сопоставлены

с устойчивыми лексическими сочетаниями, этимологически осмысляемыми как разного рода табу на манипуляции костями мертвеца, а на синхронном уровне означающими запрет на критику личных качеств и действий покойного. Ср.:

Костями не шевели [Сн: 338, пр. 66; Мнх II: 72]; *Мертвой костью не шевели* (Каргопольский у.) — запрет на поминовение покойников [СА IV, 6: 2418]; *Не вороши, коли руки не хороши* (посл.) [Сн: 181]; *Грех рушать кости* ‘грех оскорблять родителей’ (закарп.) [СД II: 628].

Иногда глагол со значением шевеления, нарушения целостности эвфемистически заменяется глаголом с семантикой нарушения покоя, ср.: *Мертвые кости тревожить* ‘говорить дурно о покойнике’ [СА IV, 6: 2418]. В связи с последним выражением хочется напомнить, что для традиционной культуры славян актуально представление, в соответствии с которым после смерти человек может не перейти в разряд *родителей*, “покойников” в этимологическом смысле. При этом он “не успокаивается”, а продолжает “ходить” (т.е. становится упырем). Для предотвращения вампиризма сразу после смерти человека вплоть до погребения применялись различные защитные меры. Произносились заклинания-напутствия, целью которых было с честью проводить покойника, обеспечить его загробный покой и блаженство: *Пусть земля тебе будет пухом! Мир праху твоему! Вечный покой! Спи покойно!* Аналогично в пожелании от 3-го лица: *Царство ему небесное, не ной его косточки в сырой земле!* [СА IV, 6: 2399].⁹ Запрещалось оставлять покойника одного, в темноте, не закрывать ему глаз, ругаться и громко говорить [СД I: 286]. Ругань, как и проклятье, а также магическое заклятье, способны сделать покойника заложным (упырем, вампиром) — такова реконструкция архаических славянских (вероятно, и общеславянских)

⁹ Соответственно, противоположным по своей прагматике будет белорусское пожелание умершему врагу: *Колом земля!* [Нос: 66], тождественное проклятиям типа *Чтоб тебя земля не приняла!*

доевропейских)¹⁰ воззрений на акциональную силу слова [Успенский 1988: 239, 208; Штейнгольд 1999]. Отсюда выражения: *Покойника не поминай лихом! О покойнике худо не молви!* [Мих II: 72]. С другой стороны, для того, чтобы покойник “почивал с миром”, необходимо освободить его от собственной и чужой клятвы. Об этом красноречиво говорит этнографический и фольклорный материал: проклявший (заклявший), как и проклятый, — оба не находят покоя после смерти и не принимаются землей. Видимо, в языческий период клятвы, действительно, могли произноситься на костях предков. Реконструкции, основанные на древнегреческих источниках и некоторых этнографических данных, убеждают нас в существовании у древних народов веры в то, что манипуляции костями заставляют дух умершего воскресать, присутствовать при заключении договора, произнесении обета (в христианской культуре это нашло отражение в призывании в свидетели святых, самого Господа, в клятвах на мощах и возле святых гробов). Тем самым **мертвый как бы приносился клянущимся в жертву**¹¹ (ср.: *Клянусь прахом родителей! Клянусь мате-*

¹⁰ Некоторые индоевропейские фразеологизмы со сходной внутренней формой приводятся в [Мих II: 72]. Напр., лат. *De mortuis aut bene aut nihil* ‘о мертвых — или хорошо, или ничего’, *Mortuis non conviciandum* ‘на мертвых не клевети’, греч. *τὸν γὰρ οὐκ ὄντα ἄπας εἰώθειν ἐπαίνεῖν* ‘кого уж нет, каждый обычно хвалит’; *τὸν τεθνηκότα μὴ κακολογεῖν* ‘о покойнике не злословь (не поминай лихом)!’ и др.

¹¹ Любая клятва — это жертва [Мак: 185]. Чаще всего — своим здоровьем, жизнью, посмертной участью. Иногда — своими детьми, но дети тоже понимались как часть материнского тела и собственность родителей (аналогичный архаический взгляд отражен в библеизме *кость от костей моих и плоть от плоти моей* > *кость от кости и плоть от плоти* [БМС: 309]; ср. с рус.: *моя кровиночка* ‘мой ребенок’, *наша кость* ‘наш род, племя’). Если клялись родителями, то тем самым (в случае неисполнения клятвы) подвергали их опасности перейти в разряд упырей. Интересным в плане установления генетических истоков может оказаться сопоставление слав. *упырь* с лтш. *upuris* ‘жертва’.

рюю!), становился залогом клятвы¹², но он же мог и покарать, если условия договора нарушались или клятва не выполнялась. Отсюда запрет на произнесение ложной клятвы:

Не шевели даром костьми родителей ‘не клянись зря’ [СД II: 628], ср. также: “*Не шевели даром костьми родителей! Страшна мука за мертвых!*” — говорит свидетель клятвы. И лживо клянувшийся при этом объемлется ужасом [Мак: 197]; др.-рус. *Костью мою не двиньте...* — ‘не нарушайте клятвы моим прахом’ (?)¹³ [СРЯ 7: 375].

Понятие *мертвой клятвы* характерно для белорусов. Ср.:

Мяртвымі кляцбамі клянецца, што яна не брала [Успенский 1988: 73].

Христианский запрет на произнесение любой клятвы имеет глубокие языческие корни. Поскольку клятва как основа любого договора существует столько же, сколько и человеческое общество, постольку проблема гаранта клятвы стояла всегда очень остро. В этом качестве могли выступать только признанные святыни (земля, предки, они же святые и т.д., гораздо позже их символы — кусок дерна, икона, имя святого), наделенные силой воздействия на живых как в положительном, так и в отрицательном смысле. Покойники, ставшие жертвой клятвы (заклятые), вредили живым, нарушали их покой, насылали непогоду, град, бездождие, неурожай. То же самое грозило человеку, не выполнившему обещания, не освобожденному от клятвы. Он тоже мог превратиться в заложного покойника. С распространением христианства заповедь *не клянись* разрешила давний “юридический конфликт” между миром живых и миром мертвых.

Кроме конструкций, выражающих запрет на манипуляции, есть лингвистические факты, допускающие предположение о том, что он действовал не всегда. Напр.:

¹² Не отсюда ли берет начало этимология слова *заложный*, относящегося к покойнику, “не изжившему своего века”?

¹³ В [СРЯ 7: 375] предлагается толкование выражения *костью не двинуть* — ‘не нарушить воли, желания умершего’.

Кого дедушка любит, тому и косточки в руки [Сн: 136]. *Не вороши, коли руки не хороши* [там же: 181].

Вторая пословица, если преобразовать ее в положительное высказывание, будет звучать: *Вороши, коли руки хороши*. Мы считаем, что в обоих случаях говорится об особой сакральной процедуре, совершаемой жрецом или близкими родственниками над костями кремированного покойника. Как показывают многочисленные археологические свидетельства, до X–XI вв. у славян параллельно существовали две формы захоронений: по типу кремации и по типу трупоположения, однако “в лесной зоне славянского расселения вплоть до X в. безраздельно господствовал обряд трупосожжения” [Седов 1982: 54]. Он имел несколько подвидов. В частности, к нему относились урновые и безурновые захоронения, когда кальцинированные кости помещались кучкой, например, внутри курганной насыпи [там же]. Обряд, о котором мы ведем речь, мог совершаться только в условиях кремации. При этом кости собирались с погребального костра, расположенного на стороне (так возникло слово *костер*; может быть, и выражение *костей не соберешь* ‘погибнешь’, где конечному значению предшествовало ‘не удостоишься погребального костра’), очищались от его остатков, костяк разбирался на составляющие его кости (ср.: *разобрать по косточкам*; *перобрать все косточки*), все тщательно провеивалось, освобождалось от золы (ср.: *трясти косточки* ‘сплетничать’), а под конец помещалось в горшок и промывалось водой (*перемыть / мыть / промыть* и т.д. *косточки*). Ср.: [Седов 1982: 54, 62, 97, 144, 168 и др.]. Затем в этом же самом горшке или берестяном коробе (урне) кости предавались земле. В вост.-слав. языках для наименования ритуальных действий такого рода возник специальный термин **kostiti*, **kosteriti* [Ber I: 583; против — Соболевский 1913: 86; см. также Ф II: 348], а для наименования жреца, их совершающего, — **koščinъ*¹⁴ [Ber I: 583; с не-

¹⁴ В Курской области сохранилось наименование для лиц, омывавших усопшего и участвующих в его поминании на 40-й день, — *омывальщики*. Функции и облик роднят их с ряжеными:

которой долей сомнения так полагает и Ф II: 362]. Видимо, первоначально этот обряд был обусловлен требованием ритуальной чистоты, что служило одним из условий принятия костей матерью-землей, а следовательно, правильного перехода из одного мира в другой. Можно предположить, что мытье, перебирание и ссыпание костей в горшок сопровождалось заговорами и заклинаниями, погребальным плачем, в котором перечислялись достоинства покойного и сообщалось о его прижизненных благих поступках. Тексты с такой ритуальной прагматикой были известны в древней Греции и Риме, где “ради доброй славы умершего произносились похвальные речи. Полибий говорит, что в Риме при этом произносили биографию не только умершего, но и предков его” [Прот: 65]. При этом вся совокупность поминальной лексики и идиоматики, видимо, еще не имела присущей ей позднее отрицательно-экспрессивной оценочности, которая развилась вторично, в момент активного противостояния языческого ритуала христианскому и языческой морали — христианской. Кризисом языческой погребальной этики, наверное, следует признать тот момент, когда кости мертвецов стали использоваться профанам (не жрецами) в корыстных магических целях, причем в непредусмотренные традицией дни. К этому периоду древнеславянской истории относится возникновение запретов на *кошунство* уже в современном смысле (*Мертвой костью не шевели! Не вороши, коли руки не хороши! Немного нагостил, да много нагостил* [Ся: 181, 188]). С другой стороны, для объяснения значений ‘сплетничать, злословить’ и ‘подробно критически рассматривать’ возможна реконструкция иного рода, основанная на интерпретации фразеологизма *скопстить грех*. Понятие греха, видимо, было известно славянам еще до крещения. Прижизненные грехи затрудняли продвижение покойника

они приходят в одежде умершего “как живое воплощение души покойного” [Гав: 4–5]. Мы предполагаем, что *кошун*-жрец не только отправлял погребальный обряд, но и “замещал” в поминальный период покойника. Подобной функцией в календарный период “святых вечеров” наделялся святочный дед.

в рай. Чтобы от них избавиться, их надо было *скостить* (< *костить* ‘бранить’); ср. в пословице *Половина страстей с костей* [Даль II: 177]. Трудно сказать, в чем именно заключалась процедура освобождения от грехов, однако каким-то образом она была связана с принесением родственниками покойного искупительной жертвы. Тем самым душа “выкупалась” у враждебных демонов и получала возможность беспрепятственного продвижения в райское пространство (отсюда предположительно возникло выражение *искупить грех*). Вообще, по представлениям славян, принесение жертвы во время поминок — гарантия спокойной, благополучной жизни живых, см. *поминальный день* в [РРМ: 340]. Параллелизм образования фразеологизмов со значением искупления вины, раскаяния, в состав которых входят существительные *душа* (метонимически вместо *кости*, поскольку кости считались вместилищем души [СД II: 628]) и *грех* с уже знакомыми глаголами *скостить* / *омыть* (*скостить грех*, *омыть душу*, *омыть грехи*), тоже говорит о символической тождественности шевеления костей и их мытья. Отголоски представлений об омовении души после смерти встречаются в славянских верованиях до сих пор: “Когда человек рождается, его душу омывают, крестят; когда он оставляет мир, его душа тоже омывается [Прот.: 64; см. также об обряде “сторожить душу” Толстая 1999: 231]. Есть и третья возможность, при которой перебивание костей покойника могло сопровождаться определенными предсказаниями о его загробной участи и будущей жизни живых. Некромантия, особенно в целях получения от мертвецов сведений о грядущих событиях, активно применялась древними греками, для чего иногда специально приносились жертвы живыми людьми; обнаруживаются ее следы в древнеисландском эпосе и шотландских балладах [БЕ XX / А, 40: 862]. У славян случаи спиритизма исключительно редки. Согласно И. П. Сахарову, “русскому чернокнижию известно только одно поверье на эту тему” [Сах.: 30], зато гадания на костях животных распространены у всех славянских народов [СД II: 629]. То же касается использования человеческих останков в колдовских целях и для оберега [там же: 630]. Обряд перебивания костей как

часть поминального действа нашел отражение в процедуре приготовления бани (др.-рус. *мовь* ‘мытьё, баня’) для душ предков в строго определенные периоды — видимо, осенью в Дмитриевскую субботу (ср. *дзяды* у белорусов, у русских — *Родительская суббота*), а также на второй неделе после Пасхи (Радуница) или в субботу перед Троицей (Духов день). Поминальные пиршества в банях, аналогичные осуществляемым в XI в.,¹⁵ сохранились вплоть до XX-го столетия [Ан: 161]. О том, что *мовь* сопровождалась кормлением душ и гаданиями, говорит отрывок из поучения, приписываемого Иоанну Златоусту. Древнерусские варианты “слова” отражают неоднократное вмешательство в его структуру и идеологию местных книжников, стремящихся придать ему большую актуальность, благодаря чему мы имеем доступ к уникальным сведениям о восточнославянском поминальном ритуале:

<христиане, придерживающиеся языческих обрядов> навѣмъ мовѣ творятъ. и попель посредѣ сыплютъ. и проповѣдающе мясо и молоко. и масла и яица. и вся потребная бесомъ. и на печь и льюще въ бани. мытися имъ велятъ. Чехолъ и үбрьсѣ вѣшающе въ молвици. Беси же злоумию ихъ смѣются. поропръщются в пепелу томъ. и следъ свои показываютъ на прощение имъ. Они же видѣвши то отходятъ. поведаяще другъ друга...¹⁶
[Пам: 238].

¹⁵ Вторичное захоронение, как подчеркивали Е. Е. Голубинский и Т. Смилянич-Брадина [Виноградов 1954: 8 и сл.], сопровождалось обмыванием костей вином или водой. Мы считаем эту традицию частным случаем отражения общераспространенного когда-то у славян обряда мытья останков покойника перед погребением. В историко-этнографическом отношении она может означать переход от кремирования трупов к трупоположению.

¹⁶ И. П. Сахаров утверждает, что гадание с помощью пепла (золы) было излюбленным у русских колдунов. Оно “разрешало вопросы жертвоприносителей” [Сах: 31]. Цитата из “Слова Иоанна Златоустого...” показывает, что это было именно так: гадая на пепле, приносящий жертву хотел узнать, принят его дар или нет.

Не беремся утверждать наверняка, но пепел, который использовался для гадания на поминках, мог браться с погребального костра и храниться в семье покойного годами как святыня. Вообще, отношение к погребальному пеплу и месту, с которого он собирался, было благоговейным. Об этом свидетельствует боязнь его лишиться, быть согнанным с *родного пепелища* — т.е. места сжигания или захоронения рода (= предков).

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В. В. 1954 — Из истории русской лексики и фразеологии. *Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР*. 3–22. Москва.
- Виноградова Л. Н. 1995 — Цветочное имя русалки: славянские поверья о цветении растений. *Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы*. 231–260. Москва.
- Зеленин Д. К. 1912 — К вопросу о русалках. Культ покойников, умерших неестественной смертью... *Живая старина*. В. III–IV. 352–424. СПб.
- Кипарский В. 1974 — Еще раз о выражении “перемывать косточки”. *Исследование по славянской филологии (Сборник, посвященный памяти В. В. Виноградова)*. 29–32. Москва.
- Миловидов И. 1890 — О Костроме в историко-археологическом отношении. *Труды VII-ого археологического съезда в Ярославле (1887 г.)*. Т. I. 54–73. Москва.
- Морозов И. А. 1998 — *Женитьба добра молодца. Происхождение и типология традиционных молодежных развлечений...* Москва.
- Седов В. В. 1982 — *Восточные славяне в VI–XIII вв.* Москва.
- Соболевский А. И. 1886 — Этимологические заметки. *Журнал Министерства народного просвещения*. Ч. CCXLVII. сент. 143–157. СПб.
- Соболевский А. И. 1913 — Из истории русского словарного материала. *Русский филологический вестник*. Т. 70. № 3. 77–100. Варшава.
- Толстая С. И. 1999 — Славянские народные представления в зеркале фразеологии. *Фразеология в контексте культуры*. 229–234. Москва.
- Толстой Н. И. 1995 — О реконструкции праславянской фразеологии. *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. 383–405. Москва.

- Успенский Б. А. 1988 — Религиозно-мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии: семиотика русского мата в историческом освещении. *Semiotics and the History of Culture* (In Honour of J. Lotman). 197–303. Columbus–Ohio.
- Штейнгольд А. 1999 — К вопросу о происхождении прагматически сильных выражений. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия II*. 266–279. Тарту.

ИСТОЧНИКИ

Ан — Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. СПб. 1914. **Гав** — Гаврилова Т. И. Погребальный пир и обереги на территории Курщины. Материалы для изучения сельских поселений России... Ч. 1: Язык и культура. Москва. 1994. 4–6. **Доб** — Добрынкина Е. П. Обычай хоронения Костромы в Муромском у. Труды этнографического отдела. Протоколы заседаний. Т. XIII. В. 1. Москва. 1874. 100–104. **Мак** — Макаров М. Древние и новые божбы, клятвы и присяги русские. Труды и летописи Общества истории и древностей российских. Кн. I. Ч. IV. Москва. 1828. 184–195. **Нос** — Носович И. И. Сборник белорусских пословиц. Сборник Общества русского языка и словесности. Т. XII. СПб. 1875. 1–232. **Пам** — Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Под ред А. И. Пономарева. СПб. 1897. **Прот** — Протоколы заседаний (Приложение). Труды VII-го археологического съезда в Ярославле (1887 г.). Т. III. Москва. 1892. 1–113. **Сах** — Сахаров И. П. Русское народное чернокнижие. СПб. 1997. **Сн** — Снегирев И. Н. Русские народные пословицы и притчи. М. 1999. **Шин** — Шингарев А. Детская игра “кострома”. Этнографическое обозрение. № 1. Москва. 1900. 154–155.

СЛОВАРИ

БЕ — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Под ред. И. Е. Андреевского. СПб. 1890–1904. **БМС** — Бирих А., Мокиенко В., Степанова Л. Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник. СПб. 1998. **Вл** — Власова М. Русские суеверия: Энциклопедический словарь. СПб. 1998. **Вост** — Востоков А. Х. Словарь церковнославянского языка. СПб. 1858–1861. **Гр** — Гринченко Б. Д. Словарь української мови. Київ, 1958–1959. **Даль** — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Москва. 1981–1982. **Е** — Елистратов В. С. Словарь московского арга (материалы 1980–1994 гг.). Москва. 1994. **Ел** — Елистратов В. С. Язык старой Москвы. Лингвостиллистический словарь. Москва. 1997. **Жел** — Желиховский Е. Малоруско-ні-

мецкий словарь. Львів. 1886. **ИЭРФ** — Бирих А., Мокиенко В., Степанова Л. История и этимология русских фразеологизмов: Библиографический указатель (1825–1994). Мюнхен. 1994. **Мих** — Михельсон М. И. Русская мысль и речь. “Свое” и “чужое”: Опыт русской фразеологии. Москва. 1997. **ММ** — Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы русской речи. Словарь. Москва. 1997. **РРМ** — Рэдфорт Э., Рэдфорт М. А., Миненок Е. Энциклопедия суеверий. М. 1997. **СА** — Словарь русского языка, составленный II-м отделением Императорской Академии Наук. (А–Обезоруживать). СПб.– Ленинград. 1912–1929. **СД** — Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Москва. 1995–. **СОВ** — Аристова Т. С., Ковшова М. Л. и др. Словарь образных выражений русского языка. М. 1995. **Срезн** — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб. 1893–1913. **СРНГ** — Словарь русских народных говоров. Москва–Ленинград. 1965–. **СРЯ** — Словарь русского языка XI–XVII вв. Москва. 1975–. **ЭСБМ** — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Рэд. В. У. Мартынаў. Мінск. 1978–. **ЭССЯ** — Этимологический словарь славянских языков. Москва. 1974–. **Ф** — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Москва. 1986–1987. **Фед** — Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв. Москва. 1995. **Яр** — Яранцев Р. И. Русская фразеология. М. 1997. **Ber** — Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch (I: A–mor). Heidelberg. 1908–1913. **Mik** — Miklosich Fr. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae. 1862–1865. **Mikl** — Miklosich Fr. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien. 1886.

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ ПОРЯДКА СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В. П. ЩАДНЕВА

Порядок слов — сложнейший языковой феномен, соотносящий грамматический строй языка с логической структурой мышления. Раскрытие тайн этого феномена, который с давних времен интересует философов и логиков, психологов и лингвистов, имеет как теоретическую, так и практическую значимость. Правда, в методике преподавания неродного языка вопрос о порядке слов недооценивается, хотя очевидно, что нарушения норм в этой сфере сразу выдают неносителя того или иного языка, поскольку порядок слов национально специфичен.

Недостаточность методически ориентированных лингвистических исследований порядка слов в русском языке объясняется и тем, что терминология, связанная со словопорядком, явно нуждается в обсуждении и уточнении. Дело в том, что с позиций традиционной формальной грамматики порядок слов для русского языка — явление вторичное. В итоге используемый для описания данной сферы понятийный аппарат разработан недостаточно четко, а порой он просто противоречив. В этой связи мы сочли полезным остановиться на отдельных понятиях, которые в научной литературе получили неоднозначное освещение. Разумеется, рамки статьи не позволяют представить полный анализ всех возникающих терминологических проблем. Поэтому мы ограничимся их кратким обзором.

Прежде всего следует остановиться на вопросе о функциях, которые в русском языке способен выполнять порядок слов,

поскольку его полифункциональность неизбежно отражается на состоянии понятийно-терминологического аппарата в названной сфере научного знания.

В русистике преобладает преимущественно автономное описание разных функций словопорядка, и, как следствие, в современных научных публикациях, посвященных данному феномену, даются не совпадающие по объему перечни названных функций. Например, авторы “Коммуникативной грамматики русского языка” указывают на то, что порядок слов “в предложении выполняет в основном две разнонаправленные функции, внутреннюю и внешнюю”: 1) служит одним из средств связи между компонентами в предложении и в словосочетании; 2) служит одним из средств реализации связи предложения с контекстом, конситуацией, а также одним из средств осуществления предложением его композиционно-синтаксической функции [Золотова и др. 1998: 373]. В свою очередь, В. Г. Гак важнейшими функциями считает 1) первичные и вторичные семантические; 2) структурно-грамматические; 3) ритмическую и 4) стилистическую [Гак 1998: 388].

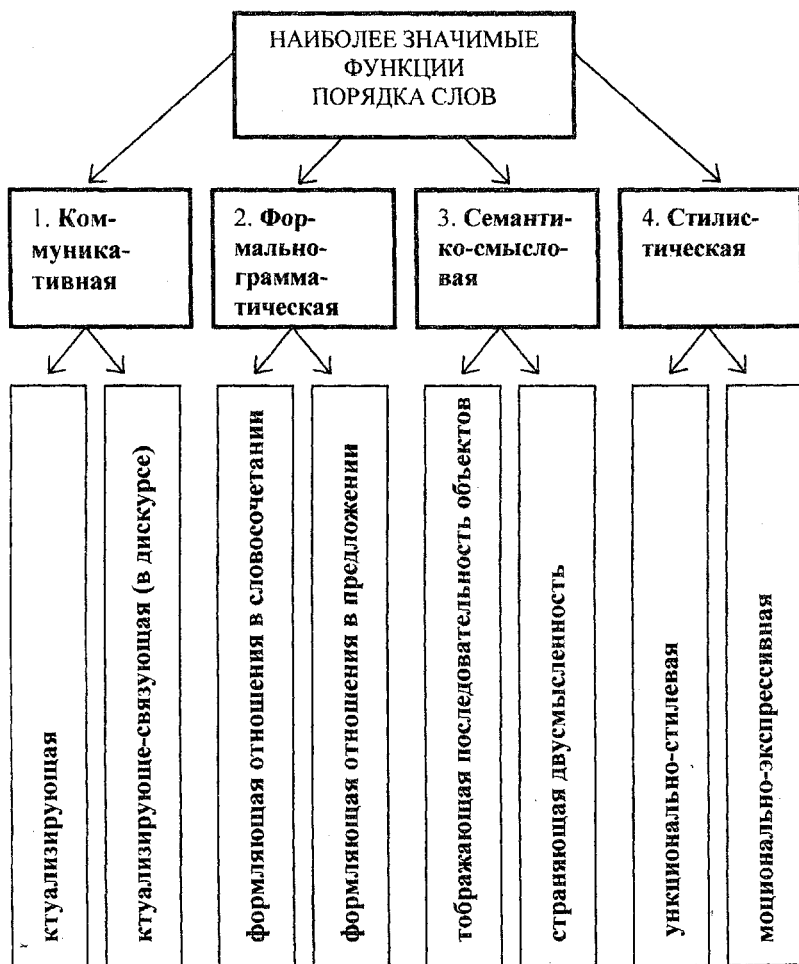
Следует обратить внимание на то, что в этих качественно и количественно отличающихся друг от друга концепциях коммуникативный аспект словорасположения подчеркнуто терминологически не отражен, хотя содержательно он учитывается. Коммуникативная функция языка в целом и порядка слов в частности большинством исследователей признается ведущей, поскольку, упорядочивая смысловую информацию в линейной цепи, словопорядок прежде всего привязывает предложение к речевой ситуации, в которой осуществляется коммуникативный акт. Поэтому неудивительно, что основное внимание синтаксистов в последние десятилетия сосредоточено в первую очередь на закономерностях формирования в предложении коммуникативной структуры, которая является свойством высказывания, то есть предложения в дискурсе, в реальном тексте.

Привязка предложения-высказывания к коммуникативно-прагматическому контексту осуществляется и с помощью интонационных средств (эмфатического ударения, паузирова-

ния), и с помощью частиц, вводных конструкций, обособлений, однородных членов предложения, нулевого замещения в неполных вариантах предложений. Однако в современном русском литературном языке (и в письменной, и в устной форме) важнейшим формальным средством выражения актуального (тема-рематического) членения можно признать именно порядок слов, поскольку, в отличие от перечисленных выше языковых феноменов, изменение словопорядка как бы “ломает” ту поверхностную линейную структуру, которую носители языка интуитивно воспринимают в качестве базовой, нейтральной, инвариантной. Иными словами, в русском языке в результате изменения расположения слов формально-грамматическая и коммуникативная структуры по большей части не совпадают. Хотя современная лингвистика исходит из того, что предложение в принципе редко выступает в изолированной позиции, то есть обособленно от конситуации, все равно лингвистов всегда будут интересовать и базовые инвариантные синтаксические структуры, которые не зависят от конситуации: такие “идеальные” предложения создают своего рода системно-нейтральный фон для оценки разных дискурсивно обусловленных вариантов.

Поэтому повышенный интерес к оформлению только коммуникативно значимой (актуализированной) информации создает если не искаженное, то недостаточно полное представление о самом порядке слов в русском языке, поскольку остальные функции расположения словоформ, естественно, отходят на второй план, а нередко они и вовсе не упоминаются. Более объективная, хотя и не бесспорная, картина реального положения дел в русском синтаксисе представлена, на наш взгляд, в работах И. И. Ковтуновой [Ковтунова 1976]; см. также написанные ею параграфы в [Русская грамматика 1980]. В концепции названного автора учитывается тот факт, что, занимая особое место в реализации актуального членения предложения, порядок слов становится носителем не только коммуникативной, но и формально-грамматической, а также стилистической информации. И хотя формально-грамматический и семантико-грамматический аспекты представлены в данной

концепции скромно, обобщение результатов разных исследований с опорой на указанный подход позволяет говорить о сложной системе значимых функций словопорядка, которые реализуются как в рамках предложения, так и в рамках словосочетания. Эта система может быть представлена в виде схемы:

Материалы, введенные в научный оборот исследователями коммуникативной организации (актуального членения) пред-

ложения, показывают, что формирование коммуникативно актуализированной информации, которое осуществляется через предложения-высказывания, в рамках реального текста неизбежно сопровождается функцией связи синтаксических структур, поэтому обозначенная нами общая **коммуникативная функция** (1) проявляется в двух частных: **актуализирующей** — выделяющей коммуникативно значимый в конкретном дискурсе компонент предложения — и одновременно — **актуализирующе-связующей** — организующей предложения в текстовые фрагменты, например:

Жена варила кашку сыну. Сын, стоя в кроватке, топал босой ногой и радостно протягивал неясно кому свой чулок (Жизнь в ветренную погоду (Дачная местность). А. Битов).

Формально-грамматическая функция (2) заключается в том, что порядок слов служит для выражения определенных семантико-грамматических отношений а) между членами предложения и б) между частями речи — компонентами словосочетаний. Семантико-грамматические правила, формализующие синтаксические отношения, исследователю-носителю языка порой кажутся очевидными и не заслуживающим особого внимания.

Между тем уже в рамках сочетания слов проявляются существенные различия в синтаксисе разных языков, например, русского и эстонского. Об этом, в частности, свидетельствует сопоставительный анализ расположения слов в русском субстантивном генитивном словосочетании с зависимым родительным падежом и в его эстонском соответствии. Названные языки отличаются направлением линейной зависимости: если в русском языке каждый новый компонент генитивного словосочетания присоединяется к стержневому слову справа, то в эстонском, по общему правилу, — слева от главного слова: *позиция автора повести — jutustuse autori positsioon*. Однако при наличии согласованных распространителей подобный “зеркальный” перевод с одного языка на другой возможен уже далеко не всегда. Поскольку на эту тему нами готовится специальная статья, то сейчас мы ограничимся лишь одним ее выводом: анализ сопоставительного материала показывает,

что в русских генитивных словосочетаниях наблюдается очень жесткая цепная последовательность с препозицией согласованных словоформ. А это колеблет устоявшийся миф о пресловутом свободном порядке слов в русском языке. Таким образом, данное понятие нуждается в обсуждении (см. об этом ниже).

На выделяемую нами функцию с условным названием “**семантико-смысловая**” (3) внимание обращают редко. Тем не менее и ее вряд ли стоит сбрасывать со счетов. Уточним, что речь идет не о грамматической (например, грамматикализованной частеречной) семантике, а об экстралингвистически обусловленной семантике, связывающей высказывание с объективной действительностью. Выполняя эту функцию, порядок слов прежде всего **отображает реальную последовательность** событий и объектов [Гак 1998: 388]. Например, в ответе на вопрос *Ты летом где был?* — мы, как правило, учитываем естественный ход событий: *На даче, потом на юг ездил, и опять на даче.*

Кроме того, благодаря выбору соответствующего словорасположения, может быть устранена двусмысленность, возникающая а) при омоформии (**Кислород выделяет перекись водорода*) и б) в том случае, когда словоформа (или слово) обладает способностью соединяться — по грамматическим или семантическим причинам — не с одной, а с двумя словоформами (**Сегодня в продаже пальто для девочек семи фасонов; *Он вырос без родителей и только воспитывался бабушой*).

И наконец, порядок слов в русском языке традиционно используется как стилистически маркированное средство. Следует подчеркнуть, что стилистическая значимость словорасположения имеет разную направленность. Обобщение различных случаев маркированности позволяет условно дифференцировать их на две группы: **функционально-стилевые** и **эмоционально-экспрессивные**.

Во-первых, типизированный словопорядок по сути дела является приметой функционального стиля, его стилеобразующей чертой: практически тотальный прямой порядок слов в официально-деловых документах обеспечивает цепную связь

между синтаксическими единицами и тем самым способствует реализации нацеленной на адресата логичности и последовательности изложения. Проще говоря, в данной сфере прямой порядок слов облегчает восприятие сложной интеллектуальной информации. Сходное явление наблюдается и в научном стиле, однако допустимость обратного порядка слов создает в научных текстах уже несколько иную количественную характеристику словоупотребления. Своей спецификой в данной сфере обладает и газетно-публицистический стиль (особенно отдельные его жанры, ориентированные на оценочность), поскольку информативная и воздействующая функции здесь в целом уравновешены. При этом экспрессивность реализуется не только через вербализованные стилистически маркированные средства, но и посредством инверсии. Что же касается разговорно-бытового стиля, то в первую очередь именно его характеризует такой порядок слов, который принято именовать "свободным" и который объясняется не только спонтанностью устной бытовой речи, но и нашей речевой небрежностью, например: *А зайдешь вечером ко мне ты?* при нормативно-нейтральном *А вечером ты ко мне зайдешь?*

Во-вторых, о наличии у словорасположения стилистической функции свидетельствует и употребление в филологии таких понятий, как фольклорный, а также поэтический порядок слов. Последний заслуживает особого внимания. Анализируя словорасположение в стихотворной речи, И. И. Ковтунова отмечает, что оно определяется ритмической организацией речи: осуществление повторяющейся метрической схемы имеет своим следствием большую подвижность и своего рода узаконенную вариативность в расстановке слов [Ковтунова 1976: 195–235], например, в расположении согласованных (1) и несогласованных (2) определений:

- (1) *Плащ золотой одуванчиков*
На лугу, на лугу изумрудном!
Ты напомнил старому рыцарю
О подвиге тайном и трудном.

(В. Ходасевич. Плащ золотой
одуванчиков...)

(2) *Я получил блаженное наследство —*

Чужих певцов блуждающие сны...

(О. Мандельштам. Я не слышал
рассказов Оссиана...)

Типичные для поэтической речи варианты размещения слов — в силу своей обычности и неизбежности — не обладают, по мнению И. И. Ковтуновой [там же], тем экспрессивным потенциалом, который свойствен актуализированным вариантам предложений прозаической речи, то есть синтаксическим единицам с инверсированным (обратным) порядком слов в пределах словосочетания и предложения. Однако при переносе свойственного поэзии словопорядка на прозаические тексты наблюдается и экспрессивная маркированность. Тем самым есть основания говорить и об эмоционально-экспрессивной функции словорасположения. Последняя связана также с эфатическим выделением коммуникативного центра в составе рематической группы предложения-высказывания (*Прочитать это за ночь я могу, но не хочу; Удивительные происходят события!*). И, наконец, стилистическая функция проявляется в имитации “порядка слов прежних эпох развития языка” [Гак 1998: 388], то есть в художественной стилизации.

Способность словорасположения выполнять взаимодействующие между собой функции существенно усложняет и сам порядок слов в русском языке, и его научное описание. Поэтому недифференцированность и нечеткость существующей в данной области терминологии вполне объяснима. Нередко можно услышать утверждения о том, что порядок слов в русском языке является свободным. Это широко распространенное мнение высказывают не только поэты, переводчики, школьные учителя, но и вузовские преподаватели.

Следует обратить внимание на то, что определения понятий “свободный” / “несвободный” порядок слов мы нигде не найдем. Неудивительно поэтому, что неспециалисты воспринимают приведенное выше утверждение буквально: как признание того, что в области словорасположения в русском языке царит бессистемность и чуть ли не анархия. Между тем абсолютизация указанного тезиса неприемлема, особенно в

школьной практике, так как провоцирует серьезные логико-синтаксические ошибки в письменной речи.

Очевидно, что мнение о свободном расположении слов поддерживается практикой устной речи, а также сопоставлением с типологически иными языками. При этом указанный тезис базируется на различиях в степени регламентированности данной сферы. Иными словами, если в первом случае (при так называемом свободном словорасположении) имеется в виду нефиксированность, а точнее — подвижность словорасположения, то во втором (при так называемом несвободном словорасположении) — его фиксированность. Благодаря последней практически исключается необходимость использования таких грамматических средств, как флексии, обозначающие грамматические связи между компонентами предложения и передающие необходимые аспекты значения. Фиксированный порядок основных членов предложения характерен, как известно, для французского, английского и немецкого языков, на фоне которых русский действительно воспринимается как язык с нежестким расположением словоформ. Эта нежесткость в значительной степени объясняется преимущественно флективным характером русской грамматики, что, по видимому, и способствовало развитию полифункциональности порядка слов, выработке своеобразной достаточно гибкой системы словорасположения со своими нормами и предпочтениями.

Жесткая регламентированность (стандартизованность), фиксированность места словоформы в рамках синтаксической конструкции по сути дела свидетельствует о системно закреплённой грамматикализации словорасположения, которая становится крайне значимой формальной приметой языка. В то же время это не означает, что в подобных языках наблюдается абсолютная механизированность порядка слов: В. Г. Адмони, например, поддерживал мнение о наличии значительных маневренных возможностей и у английского языка [Адмони 1964: 29].

В отношении русского языка говорить о ярко проявляющейся грамматикализации в области порядка слов, конечно

же, не приходится. Но полностью отрицать ее проявление все-таки нельзя. Обычно названный аспект в теоретических работах по русскому языку специально не обсуждается, хотя детальная разработка этой проблематики, очевидно, была бы полезной не только для языковой теории, но и для практики преподавания русского языка. Сведения об элементах грамматикализации как бы “рассыпаны” по разным грамматическим исследованиям, рассматривающим морфологические и синтаксические вопросы. Обсуждая вопрос о формально-грамматической и семантико-смысловой функциях, мы, по сути дела, эту тему, связанную с ограничениями в сфере словорасположения, уже затронули (см. выше). Однако хотелось бы привести и некоторые другие свидетельства сказанного.

Прежде всего, напомним, что в синтаксисе предложения кроме свободных (базовых) моделей выделяют и целый ряд так называемых фразеологизированных структур. С обычными фразеологическими единицами модели типа КУДА (ГДЕ) + Сущ./ Мест. ^{дат. пад.} + Инф. и т.п. объединяет только общая идея стандартизованности. В условиях конкретного дискурса подобные инвариантные модели реализуются в ряде речевых вариантов с нулевым замещением [Щаднева 2001: 90–94]. На самом же деле это качественно иные — коммуникативные — единицы, в которых, на наш взгляд, и проявляется указанная ранее грамматикализация. В большей части таких предложений имеется облигаторный компонент, в качестве которого обычно выступают лексемы-частицы, занимающие инициальную позицию и не допускающие элиминации. Последнее отличает эти служебные лексемы от других составляющих — лексических переменных, которые в дискурсе могут быть представлены и синтаксическим нулем. Но существенно то, что подобные предложения характеризуются не только закрепленностью позиции служебных слов, но и жестким порядком следования других словоформ, входящих в структурную схему.

Порядок слов служит и для различения синтаксических функций прилагательных, причастий, местоимений “в словосочетании — в качестве определения, в предложении — в ка-

честве предиката” [Золотова и др. 1998: 375]: чудесные цветы и Цветы — чудесные; его вещи и Вещи — его; бушующее море и Море — бушующее. Кроме того, расположение компонентов дифференцирует модели предложений как одинакового, так и разного структурно-семантического состава [там же: 374], ср. пары синтаксических единиц: *Хозяйка стирает* и *Наступили каникулы*; *Птица пролетела* и *Пролетел год*.

Таким образом, понятие “свободный порядок слов” может быть уточнено благодаря учету полифункциональности словорасположения. Регламентированность (стандартизованность) в этой области в принципе носит относительный характер, и поэтому точнее было бы говорить о преимущественно фиксированном (относительно несвободном, неподвижном) и преимущественно подвижном (относительно свободном, нефиксированном) порядке слов в том или ином языке.

ЛИТЕРАТУРА

- Адмони В. Г. 1964 — *Основы теории грамматики*. Москва–Ленинград.
- Гак В. Г. 1998 — Порядок слов. *Большой энциклопедический словарь*. Москва.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. 1998 — *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва.
- Ковтунова И. И. 1976 — *Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения*. Москва.
- Русская грамматика 1980 — Ч. 2. Москва.
- Щаднева В. П. 2001 — О специфике синтаксических фразеологизмов с начальной частицей *куда*. *Valoda-2001. Humanitārās fakultātes XI*. Даугавпилс.

РУССКО-ЭСТОНСКИЙ СЛОВАРЬ СОЧЕТАЕМОСТИ ГЛАГОЛОВ: ИСХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

П. ЭСЛОН

XX век с полным правом можно назвать веком лексикографии, потому что именно в это время лексикография сложилась как самостоятельная ветвь языкознания, имеющая свою теоретическую базу и практическое приложение. Предпосылкой к этому послужило, с одной стороны, развитие лингвистической теории, а с другой — нужды преподавания языков и переводческая деятельность.

До сих пор общим недостатком двуязычных словарей являлось то, что слова разных языков описывались на субъективно-интуитивной основе, без учета семантической структуры слова и возможной лексической и грамматической сочетаемости слов в тексте. Вместе с тем, как отмечает Ю. Д. Апресян [Апресян 1990: 124], “разрабатывая словарную статью определенной лексемы, лексикограф должен действовать на всем пространстве грамматических (и шире — лингвистических) правил и явным образом приписать ей все свойства, обращения к которым могут потребовать правила”, что “позволяет перейти от обычного словарного описания лексемы к тому, что можно было бы назвать ее лексикографическим портретом”. На самом деле в существующих словарях наблюдается, во-первых, неинтегрированность грамматического и лексикографического описания языка, а во-вторых, наличие ложных,

искаженных соответствий между лексическими единицами двух языков.¹

Возможность преодоления недостатков двуязычных словарей заключается в попытке интегрировать в них грамматическое и лексикографическое описание слов.

Одним из способов реализации такого подхода являются словари толково-переводного типа, в которых базой описания лексических систем двух языков служит толкование слова на первом языке, к нему подбираются переводные соответствия на втором языке.² В толково-переводных словарях семантика слова раскрывается по компонентам и в связи с особенностями его грамматической сочетаемости, т.е. с учетом возможных для описываемого частного значения контекстов. В переводе на второй язык частным значениям слова первого языка обычно соответствуют разные лексические единицы (перевод разными словами); гораздо реже в лексикографическом описании встречаются однозначные межъязыковые соответствия (эквиваленты) или толкования. Частично это объясняется тем, что основанием сопоставления двух лексических систем является один из языков. Такое сопоставление в любом случае однонаправленно, однако положительный момент при этом заключается в преодолении субъективно-интуитивного поиска лексических соответствий на втором языке. См. примеры из Русско-эстонского толкового словаря (Таллинн: ТЕА, 2001):

1) перевод разными словами: **жечь**, жгу, жжешь, жгут; жег, жгла; жегший; *несов.* 1. *кого-что*. Уничтожать огнем. *Ж. бумагу.* **põletama**. 2. *что*. Заставлять гореть (для отопления, освещения). *Ж. дрова. Ж. электричество.* **põletama; (põletuseks, kütmiseks) kasutama; kütma**. 3. *кого-что*. Действием чего-н.

¹ На основе анализа русско-эстонских двуязычных словарей на это впервые обратил внимание А. Пихлак [Пихлак 1979].

² Напр., словари типа PASSWORD: *Inglise-eesti seletav sõnaraamat*. Tallinn: TEA, 1995; *Англо-русский толковый словарь*. Таллинн: TEA, 1996; *Inglise-eesti teaduse ja tehnika seletav sõnaraamat I-II*. Tallinn: TEA, 1997; *Русско-эстонский толковый словарь*. Таллинн: TEA, 2001.

горячего, едкого или очень холодного производить ожог, ощущение ожога. *Солнце так и жжёт. Горчичник жжёт. Мороз жжёт лицо.* **kõrvetama; põletama;**

2) эквиваленты: **жестянка, -и, ж.** Жестяная коробка, банка. **plekk-karp; plekktoos;**

3) толкования: см. **жечь**, второй компонент значения, к которому приводится толкование типа **põletuseks, kütmiseks kasutama.**

Материалы толково-переводного словаря могут быть представлены также на основе языка перевода. Реально это выглядит как список всех слов словаря на втором языке, где к каждому слову приводятся возможные соответствия на первом языке; случаи толкования исключаются. Принципиально новой информации здесь не содержится, однако это расширяет круг адресатов словаря. Ср.:

1) перевод разными словами: **katkestama** — оборвать, оставить, порвать, разъединить, расторгнуть, рвать, срезать; **katma** — крыть, облицевать, обложить, обтянуть, обшить, покрыть, уложить и т.д.;

2) эквиваленты: **katki kiskuma** — надорвать; **kaubastama** — торговать и т.д.

Второй способ реализации интегрированного описания слов опирается на идеи И. А. Мельчука о **толково-комбинаторном словаре** [Мельчук 1995: 3–16]. Идея словаря подобного типа основывается на признании того, что язык (слово) является посредником между смыслом и передающими его текстами. Для того, чтобы порождать или воспринимать тексты, человек должен знать правила выбора и комбинирования нужных для этого языковых средств. По сути дела такой словарь способствует порождению и интерпретации текстов и поэтому имеет, на взгляд И. А. Мельчука, “активный” характер [Мельчук 1995: 5–6]. В нем описываются ситуации, в которых возможно употребление данного слова в присущих ему на современном этапе значениях. Толкование и лексикографическое описание слов в словаре опирается на информацию о семантических актантах. Завершается словарная статья формализацией — приведением модели порождения фразы.

Аналогичные мысли были высказаны многими исследователями. Так, И. А. Богуславский считает, что лексикографическое описание слова должно опираться на обобщенное понятие актанта — “сферу действия” слова в синтаксическом и семантическом аспекте [Богуславский 1996]. Немецкие исследователи писали в этой связи в основном о лексической и синтаксической (грамматической) валентности слова³, Э. В. Кузнецова — о семантической и грамматической (синтаксической) вариативности⁴, Г. А. Золотова — об ориентированности категориально-семантических и грамматических свойств глаголов “на раскрытие их коммуникативных потенций, реализуемых в определенных регистрах речи” [Золотова 1994: 87], Ю. Д. Апресян — о семантической и синтаксической сочетаемости слова [Апресян 1996]. В частности, Ю. Д. Апресян отмечает, что семантические валентности — это ключ к пониманию управления; валентность связана с толкованием слова, а толкование слова — это описание ситуации и ее возможных участников [Апресян 1996: 19]. В сопоставительном аспекте лучше всего описана валентность глагола⁵, хотя и отмечается, что валентностные особенности наречий, прилагательных, предлогов и частиц “полны неожиданностей”, см. [Богуславский 1996: 14].

³ Напр., G. Helbig. Valenz — Satzglieder — semantische Kasus — Satzmodelle. Leipzig, 1982; K. Welke. Einführung in die Valenz- und Kasuslehre. Leipzig, 1988.

⁴ Э. В. Кузнецова. Лексикология русского языка. Москва, 1989.

⁵ См., напр., G. Helbig, W. Schenkel. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. Leipzig, 1968; W. Busse, J.-P. Dubost. Französisches Verblexikon. 2 Aufl. Stuttgart, 1983; Ю. Д. Апресян, Э. Палл. Русский глагол — венгерский глагол. Управление и сочетаемость. Т. 1–2. Budapest, 1982; U. Engel, E. Savin. Valenzlexikon deutsch-rumänisch. Heidelberg, 1983; А. К. Демидова, Х. Буттке, К. Буттке. Русско-немецкие эквиваленты глагольно-именных сочетаний. Москва, 1986; М. Э. Куусинен, В. С. Суханова. Учебный русско-финский словарь глагольного управления. Изд-е 2. Петрозаводск, 1996; A. Nikunlassi. Venajan sanastovaikeuksia. Loimaan Kirjapaino, 1993 и т.д.

Словари толково-переводного и валентностного типа имеют общее ядро — описание семантической сочетаемости слова во взаимосвязи с особенностями грамматической сочетаемости. Эта идея очень плодотворна для двуязычного лексикографического описания слов разносистемных языков, потому что уводит составителя словаря от субъективно-интуитивного представления значения слова и опирается на реально имеющиеся межъязыковые связи лексических единиц.

Изложенные выше положения явились для нас предпосылкой при составлении **двуязычного русско-эстонского словаря сочетаемости глаголов**. Дополнительным аргументом в пользу данного способа описания послужил учет особенностей практики преподавания и переводческой деятельности, в рамках которых необходимо опираться не столько на специфические моменты лексических систем двух языков, сколько на раскрытие механизма расхождений, на основе которых возникают ложные связи и механический перенос знаний. К тому же при сопоставлении глагольной лексики русского и эстонского языков наметилась определенная тенденция ее осмысления, согласно которой семантическое поле русского глагола уже семантического поля соответствующего эстонского глагола [Õim 1980]. Следовательно, в русском языке возможности семантической и грамматической сочетаемости также более дифференцированы.

При отборе глагольной лексики мы опирались на материалы частотного словаря русского языка, составленного под редакцией Л. Н. Засориной (Частотный словарь русского языка. Москва, 1977). В русско-эстонском словаре сочетаемости глаголов описываются лишь частотные глаголы; заимствования, авторские неологизмы, фразеологизмы, ограниченно употребляемые слова исключаются. Выбраны стилистически не окрашенные, нейтральные глаголы. Объем составляемого словаря сочетаемости глаголов — 999 заглавных слов русского языка, расположенных в алфавитном порядке.

Исходная информация для описания сочетаемостных свойств была извлечена из “Словаря сочетаемости слов русского языка”, опубликованного под редакцией П. Н. Денисова

и В. В. Морковкина (Словарь сочетаемости слов русского языка. 2-е изд., испр. Москва, 1983). Особенностью этого словаря является то, что лексическая и грамматическая сочетаемость слов описывается в связи с частным значением глагола. См.:

избирать (НСВ) — **избрать** (СВ) 1. Отдавать предпочтение кому-л., выбрать □ *кого-что? кем-чем / в качестве кого-чего? как?*
2. Выбирать голосованием (для исполнения каких-л. обязанностей) □ *кого-что? кем? в какой орган? как?*

В словаре сочетаемости нас интересовала прежде всего информация о грамматической сочетаемости, потому что с точки зрения сопоставительного лексикографического описания лексической и грамматической сочетаемости представление компонентов значения слова на исходном языке не обязательно — обычно перевод своими расхождениями или совпадениями снимает необходимость в этом. В данном случае важно интегрированно показать семантическую и грамматическую сочетаемость глагола на исходном языке, чтобы подобрать к нему соответствия на втором языке. В результате на уровне межъязыковых системных отношений существенным оказывается не семантическая структура слова исходного языка, а то, как это слово употребляется. Ср.: *избирать* (НСВ) = *valima* и *избрать* (СВ) = *välja valima*. В данном примере выбор между эстонскими синтетическим и аналитическим глаголом определяется не семантической структурой русского глагола, а его грамматической характеристикой — соотносительностью с несовершенным или совершенным видом.

Ограничения в семантической сочетаемости русского глагола хорошо отражаются в переводе на эстонский язык — обычно они передаются посредством выбора нового глагола, семантически сочетающегося с какой-либо определенной лексико-семантической группой имени или только с данным именем. Например:

ДОВОДИТЬ (НСВ) —	(KOHALE) VIIMA, TALUTAMA,
ДОВЕСТИ (СВ)	JUHATAMA; TÕSTMA
1. <i>кого-что</i>	1. <i>keda-mida</i>
д. больного	haiget (kohale) viima, talutama
д. пассажиров	reisijaid (kohale) viima, juhatama
д. скорость	kiirust tõstma

В случае с глаголом *доводить* (НСВ) — *довести* (СВ) в зависимости от того, кем (чем) является объект, в эстонском языке выбираются разные глаголы или одной (*kohale viima, talutama, juhatama*), или разных лексико-семантических групп (*tõstma*). Наиболее широкую семантическую сочетаемость (и соответственно наименее дифференцированное значение) имеет в эстонском языке глагол *viima* — семантическая доминанта синонимического ряда, в то время как больного в эстонском языке можно лишь *вести под руку* (*talutama*), а пассажиров — *направлять* (*juhatama*). Из данного семантического поля выпадает случай семантической сочетаемости с объектом, называющим скорость, температуру, давление — их можно *поднимать* (*tõstma*). Следовательно, вариативность семантической сочетаемости не сказывается на грамматической — она одинакова. Аналогичное встречается также в следующем случае.

ВЕСТИ (НСВ)

- 1. кого-что
- в. ребенка
- в. слепого
- в. трамвай
- в. собрание
- в. войну
- в. научную работу
- в. урок
- в. черту

VIIMA, TALUTAMA, JUHTIMA,
JUHATAMA; TEGEMA; PIDAMA;
TÕMBAMA; ANDMA

- 1.1. *keda-mida*
- last (*käekõrval*) **viima**
- pimedat **talutama**
- trammi **juhtima**
- koosolekut **juhatama**
- sõda **pidama**
- teadustööd **tegema**
- tundi **andma**
- piiri, joont **tõmbama**

В зависимости от семантической сочетаемости в эстонском языке выбираются разные глаголы как одной лексико-семантической группы (*käekõrval viima, talutama, juhtima, juhatama*), так и разных (*pidama; tegema; andma; tõmbama*). В эстонском языке глагол *talutama* ('вести под руку') употребляется лишь в сочетании с обозначением слепого, больного человека; глагол *juhtima* ('управлять') в сочетании со словами, обозначающими транспортные средства или хозяйство; глагол *juhatama* ('вести, руководить', 'показывать') — со словами

собрание, заседание, а также *дорога*; глагол *pidama* (в значении 'проводить') — со словами *война, бой, дневник, переговоры, переписка*; глагол *tegeta* ('делать') — *научная работа*; глагол *andma* ('давать') — *урок*; глагол *idmbata* (в значении 'чертить') — *граница* и т.д. Примеров подобного рода в русско-эстонском словаре сочетаемости глаголов очень много.

Вместе с тем встречается также много случаев, когда вариативность семантической сочетаемости сопровождается вариативностью грамматической сочетаемости. Например:

ДОПОЛНЯТЬ (НСВ) —	TÄIENDAMA, LISAMA
ДОПОЛНИТЬ (СВ)	
1. кого-что	1.1. <i>keda-mida</i>
д. докладчика	<i>esinejat täiendama</i>
д. статью	<i>artiklit täiendama</i>
	1.2. <i>millele</i>
д. сказанное	<i>öeldule lisama</i>
2. чем	2. <i>mida</i>
д. подробностями	<i>üksikasju lisama</i>

Данный пример показывает, что в эстонском языке докладчика и статью можно *дополнять* (*täiendama*), однако к сказанному можно лишь *добавить* *какие-либо подробности, новые данные* (*lisama*). Соответственно изменяется и грамматическая сочетаемость (см. 1.1. и 1.2.).

Приведенные выше примеры говорят о том, что при совпадении грамматической сочетаемости глаголов русского и эстонского языков, семантическая сочетаемость глаголов эстонского языка строго дифференцирована (см. глаголы *доводить* — *довести* и *вести*). Вместе с тем нередки и случаи, когда различия касаются также семантической сочетаемости (см. глагол *дополнять* — *дополнить*). Следовательно, есть основание сомневаться в правомерности тезиса о большей дифференцированности сочетаемостных свойств русского глагола по сравнению с аналогичными свойствами эстонского глагола.

В отличие от словаря толково-комбинаторного типа, составляемый нами русско-эстонский словарь сочетаемости глаголов не описывает семантическую и синтаксическую сочетаемость формализованно — в виде выделения лексической

функции слова, а дает **речевые образцы**, указывающие на синтаксическую сочетаемость. Речевой образец является ядром предложения и, соответственно, основой его порождения. Поэтому речевой образец — это минимальная единица общения, а значит, и обучения речи. Например:

1. БЕГАТЬ (НСВ)

(RINGI) JOOKSMA

*Кто бегают в чем**Kes jookseb milles (ringi)**Кто бегают по чему**Kes jookseb mõõda mida (ringi)**Кто бегают в чем по чему**Kes jookseb milles mõõda mida (ringi)**Кто бегают из чего**Kes jookseb millest**Кто бегают во что**Kes jookseb millesse**Кто бегают из чего во что**Kes jookseb millest millesse**Кто бегают на чем**Kes jookseb millegil (ringi)*

2. БЕРЕЧЬ (НСВ)

HOIDMA

*Кто бережет кого-что**Kes hoiab keda-mida**Кто бережет кого-что**Kes hoiab keda-mida kelle-mille eest**от кого-от чего*

3. БИТЬ (НСВ)

PEKSMA

*Кто бьет кого-что**Kes peksab keda-mida**Кто бьет кого-что чем**Kes peksab keda-mida millega**Кто бьет кого-что по чему**Kes peksab keda-mida vastu mida*

и т.д.

Второе отличие от словаря толково-комбинаторного типа заключается в том, что русско-эстонский словарь сочетаемости глаголов является двуязычным сопоставительным. В нем отражены межъязыковые системные отношения — тождество, контрасты и расхождения, которые имеют место между этими языками при порождении текста. Словарь содержит материал, обобщение которого в виде речевых образцов даст русскоязычному человеку правила порождения текста на эстонском языке и наоборот. Обобщение этих правил — дело грамматиста, составителя коммуникативной грамматики.

Двуязычные словари глагольной валентности типа словаря А. К. Демидовой, Х. Буттке и К. Буттке (см. выше) подобной информации не приводят. В указанном словаре рядом с высо-

кочастотными глаголами описываются слова заимствованные и малоупотребительные, что говорит об отсутствии строгой ориентированности на активно употребляемую в современном русском языке лексику (ср., с одной стороны, глаголы *благодарить* — *поблагодарить*, *бить*, *бороться*, *издавать* — *издать* и под., а с другой стороны, глаголы типа *агитировать*, *электрифицировать*, *формировать* и под.). Поверхностно раскрывается семантическая сочетаемость, нет разграничения свободных и несвободных словосочетаний: они описываются в одном ряду; не разграничено обозначение участников ситуации (актантов) и обстоятельственных распространителей ситуации: в одном ряду приводятся случаи типа **присутствовать** 1. *где: в чем* п. в классе; 2. *где: на чем* п. на уроке и случаи типа **проводить** 1. *где: чем* п. лесом, п. (черту) мелом; **любить** 1. *как: чем* л. душой; **продавать** 1. *как: во что* п. в кредит и под.

В составляемом нами русско-эстонском словаре сочетаемости глаголов иллюстративный материал ограничен лишь возможными грамматическими вопросами и демонстрацией возможной семантической сочетаемости. Например:

ВЛИЯТЬ (НСВ) —
ПОВЛИЯТЬ (СВ)

1. *на кого-на что*

в., п. на человека

в., п. на события

2. *чем*

в., п. собственным
мером

MÕJU AVALDAMA / MÕJUMA

1. *kellele-millele*

inimesele mõju avaldama/mõjuma

sündmustele mõju avaldama/mõjuma

2. *millega*

isikliku eeskujuga mõju avaldama/mõjuma

Информация о грамматической характеристике глагола в словаре — минимально необходимая. Так, обязательно указывается видовая принадлежность русского глагола, потому что соотносительные по виду глаголы могут переводиться на эстонский язык по-разному и иметь расхождения в семантической и синтаксической сочетаемости. См. выше: *влиять* (НСВ) на человека — *inimesele mõjuma* (*Наркотики плохо влияют на человека* — *Narkootikumid mõjuvad inimesele halvasti*), но по-

влиять (СВ) на человека — *inimesele mõju avaldama* (Наркотики повлияют на человека — *Narkootikumid avaldavad / võivad avaldada inimesele mõju*). В зависимости от интерпретации ситуации как постоянной или однократной в эстонском языке выбирается соответственно или синтетический неопределенный глагол (*mõjuma*), или аналитический глагол (*mõju avaldama*), передающий аспектуальное значение разового действия. Данный пример указывает на тенденцию, согласно которой русскому несовершенному виду соответствуют в эстонском языке синтетические глаголы, а совершенному виду — аналитические. Семантическая сочетаемость при этом совпадает. Следовательно, в эстонском языке синтетический и аналитический глагол — это не параллельные формы, не случай языковой вариативности, а своеобразное лексическое средство выражения аспектуальных значений, основным носителем которых в русском языке является грамматический вид глагола. Их употребление связано прежде всего с разграничением аспектуальной ситуации постоянности, непрерывности действия и мультипликативности действия.

Если проанализировать другой пример, то можно обнаружить, что выбор синтетического или аналитического глагола может сопровождаться ограничениями в семантической и грамматической сочетаемости. Например:

ВОЗВРАЩАТЬ (НСВ) —	TAGASI ANDMA / TAGASTA-
ВОЗВРАТИТЬ (СВ)	MA
обычно СВ	
1. кого-что	1. <i>keda-mida</i>
в. имущество	<i>varandust tagasi andma / tagastama</i>
в. заложников	<i>pantvange tagasi andma</i>
2. кому	2. <i>kellele</i>
в. владельцу	<i>omanikule tagasi andma / tagastama</i>

В данном случае аналитический и синтетический глагол эстонского языка различаются не столько аспектуально, сколько семантической и синтаксической сочетаемостью. Кроме того, и в русском языке имеется тенденция употреблять глагол СВ

больше в аспектуальной ситуации одноразовости и завершенности действия.

Следующий пример дифференцированного употребления эстонского синтетического и аналитического глагола указывает на зависимость выбора от грамматической сочетаемости глагола и описываемой аспектуальной ситуации. Например:

ВОЗРАЖАТЬ (НСВ) — VASTU VÄITMA / VÄITLEMA
ВОЗРАЗИТЬ (СВ)

1. кому

1.1. *kellele* (vene keeles tavaliselt СВ)

в. оппоненту

oponendile **vastu väitma**

в. докладчику

ettekandjale **vastu väitma**

1.2. *kellega* (vene keeles tavaliselt НСВ)

oponendiga **väitlema**

ettekandjaga **väitlema**

В случае 1.1. описывается аспектуальная ситуация одноразовости, в случае 1.2. — процессности. Следовательно, расхождение в аспектуальном значении сопровождается расхождением в грамматической сочетаемости и, соответственно, в выборе аналитического и синтетического глагола эстонского языка.

Приведенные примеры достаточно хорошо демонстрируют то, что в эстонском языке наличие пары аналитический / синтетический глагол, имеющей семантическую общность, не случай языковой энтропии. Причины их существования и употребления скрываются гораздо глубже.

В составляемом нами русско-эстонском словаре сочетаемости глаголов содержится также информация об ограничениях в употреблении форм вида в связи с выражением какого-нибудь частного значения русского глагола. Например:

ДОГОНЯТЬ (НСВ) — TAGA AJAMA; JÄRELE
ДОГНАТЬ (СВ) KIHUTAMA; JÄRELE JÕUDMA;
KÄTTE SAAMA, KINNI PÜÜDMA

1.1. *кого-что* (НСВ)

1.1.1. *keda*

д. брата

venda **taga ajama**

1.1.2. *millele*

д. автобус

bussile **järele kihutama**

1.2. <i>кого-что</i> (CB)	1.2.1. <i>kellele</i>
д. брата	vennale järele jõudma
д. автобус	bussile järele jõudma
	1.2.2. <i>keda-mida</i>
д. брата	venda kinni püüdma, kätte saama
д. автобус	bussi kinni püüdma
2.1. <i>на чем</i> (HCB)	2.1.1. <i>millega</i>
д. на машине	autoga taga ajama
	2.1.2. <i>millel</i>
д. на лыжах	suuskadel taga ajama
2.2. <i>на чем</i> (CB)	2.2.1. <i>millega</i>
д. на машине	autoga järele jõudma, kinni püüdma
	2.2.2. <i>millel</i>
д. на лыжах	suuskadel järele jõudma, kinni püüdma
3.1. <i>в чем</i> (HCB)	3. <i>milles</i>
д. в учебе	õppimises taga ajama
3.2. <i>в чем</i> (CB)	
д. в учебе	õppimises järele jõudma

В аспектуальном отношении все эстонские аналитические глаголы, за исключением *taga ajama* ('догонять'), описывают ситуацию завершенности, достигнутой результата. Аналитический глагол *taga ajama* обозначает процесс. Аспектуальное разграничение указанных лексических единиц сопровождается в эстонском языке избирательностью грамматической сочетаемости (см. п. 1 и 2), что русскому языку в данном случае не присуще.

Кроме того, имеются примеры, когда в русском языке выбор вида и лексическое значение глагола взаимообусловлены. При переводе на эстонский язык эта связь эксплицируется. Например, выбор HCB (*возбуждать*) мотивирован выражением частных значений 'раздражать', 'мешать' (перевод на эстонский язык глаголом *ärritama* = 'раздражать', 'мешать'), а выбор CB (*возбудить*) — выражением частных значений 'пробудить', 'разбудить' (перевод глаголом *äratama* = 'пробудить', 'разбудить'). Например:

ВОЗБУЖДАТЬ (НСВ) — ÄRRITAMA; ÄRATAMA
ВОЗБУДИТЬ (СВ)

1. что (только СВ)	1. <i>mida</i>
в. интерес	<i>huvi äratama</i>
2. в ком (только СВ)	2. <i>kelles</i>
в. в каждом из нас	<i>igauhes meist äratama</i>
3. кого-что (только НСВ)	3. <i>keda-mida</i>
в. нервную систему	<i>närvisüsteemi ärritama</i>

В русско-эстонском словаре сочетаемости глаголов приводится также информация об ограничениях в употреблении форм лица в индикативе. Это необходимо, потому что связано, в частности, с вопросом пассивно-безличного употребления русского глагола, которое в переводе на эстонский язык может иметь разные соответствия. Например, русские глаголы *говориться* (НСВ), *закрываться* (НСВ) — *закраться* (СВ):

ГОВОРИТЬСЯ (НСВ)	RÄÄKIMA
1 и 2 л. не употр., безлично-страдат.	<i>impers.</i>
1. о ком-о чем	1. <i>kellest-millest</i>
говорится о студентах	räägitakse üliõpilastest
говорится о жизни	räägitakse elust
2. в чем	2. <i>milles</i>
говорится в статье	artiklis räägitakse

ЗАКРЫВАТЬСЯ (НСВ) — KÄIMA; MINEMA; SULGEMA;
ЗАКРЫТЬСЯ (СВ) KATMA; (END) VARJAMA

1. (что) на что (1 и 2 л. не употр., безлично-страдат.)	1.1. <i>(mis) millesse</i> (1. ja 2. p. ei kasut.)
закрывается, закроется на ключ	käib lukku
закрываются, закроются на засов	käivad haaki
закрывается, закроется на учет	läheb inventuuri
закрывается, закроется	1.2. <i>(mis) milleks</i> (<i>impers</i>)
suletakse remondiks

на ремонт	
закрываются, закроются	suletakse lõunaks
на обед	
закрывается, закроется	suletakse nädalaks
на неделю	

От приведенных выше случаев отграничиваются случаи употребления форм лица в зависимости от значения слова. Например:

ВЕЗТИ ² (НСВ) —	VEDAMA
ПОВЕЗТИ (СВ)	
<i>только 3 л. ед.ч.</i>	<i>ainult ains. 3. p.</i>
1. кому	1. <i>kellel</i>
брату везет, повезет	<i>vennal veab</i>
2. в чем	2. <i>milles</i>
везет, повезет в жизни	<i>veab elus</i>

В составляемом русско-эстонском словаре сочетаемости глаголов указывается также на одно- и разнонаправленность глаголов движения русского языка, потому что это существенно при отборе лексических соответствий на эстонском языке. Например, в случае *бегать* (НСВ) и *бежать* (НСВ), *летать* (НСВ) и *лететь* (НСВ):

БЕГАТЬ (НСВ)	(RINGI) JOOKSMA
<i>разнонапр.</i>	
1. по чему	1. <i>mööda mida</i>
б. по комнате	<i>mööda tuba (ringi) jooksma</i>
2. в чем	2. <i>milles</i>
б. в лесу	<i>metsas (ringi) jooksma</i>
3. на чем	3. <i>millel</i>
б. на стадионе	<i>staadionil (ringi) jooksma</i>
4. из чего во что	4. <i>millest millesse</i>
б. из комнаты в комнату	<i>toast tuppa jooksma</i>
БЕЖАТЬ (НСВ)	JOOKSMA; PÕGENEMA
<i>однонапр.</i>	
1. по чему	1. <i>mööda mida</i>
б. по дороге	<i>mööda teed jooksma</i>
2. во что	2. <i>millesse</i>

б. в школу	kooli jooksmas
3. на что	3. millele
б. на лекцию	loengule jooksmas
4.
5. из чего	5. millest (välja)
б. из дома	kodust põgenema
б. из дому	kodust põgenema

ЛЕТАТЬ (НСВ)

LENDAMA; KÄIMA

Разнонапр.

1. на чем	1. millega
л. на самолете	lennukiga lendama, käima
2. чем	
л. самолетом	lennukiga lendama, käima
3. по чему	3. millel
л. по орбите	orbiidil lendama

ЛЕТЕТЬ (НСВ)

(VÄLJA) LENDAMA; MINEMA;
TULEMA

однонапр.

1. на чем	1. millega
л. на самолете	lennukiga lendama; minema
2. по чему	2. millel
л. по маршруту Таллинн- Копенгаген	lendama marsruudil Tallinn- Kopenhagen
.....
5. во что	5. millesse
л. в командировку	komandeeringusse minema
.....
9. из чего	9. millest
л. из командировки	komandeeringust tulema
10. с чего	10. millelt
л. с аэродрома	lennuväljalt (välja) lendama

В переводах на эстонский язык разнонаправленность и однонаправленность движения выражается лексически: *бегать* (разнонапр.) = (ringi) jooksmas, *бежать* (однонапр.) = jooksmas; põgenema; ср. также *летать* (разнонапр.) = lendama; käima; *лететь* = (välja) lendama; minema; tulema.

В русско-эстонском словаре сочетаемости глаголов редко указывается на ограниченное употребление форм наклонения. Вместе с тем примеры встречаются. Например:

БЕРЕЧЬСЯ (НСВ)	HOIDUMA
1. чего	1.1. <i>millest</i>
обычно в повелит. накл.	
берегитесь простуды!	hoiduge külmestusest!
	1.2. <i>mille eest</i>
берегись автомобиля!	hoidu auto eest!

Особо в словаре помещается информация о “необычных” переводных соответствиях на эстонском языке. Причиной является сущность видовой соотносительности глаголов (как правило, русская чисто-видовая пара переводится одним синтетическим глаголом, см. глаголы *заряжать* — *зарядить*, *мазать* — *намазать*) и аспектуальный характер действия в русском языке (значение начинательности — с помощью аналитической глагольной конструкции *hakkama + Inf*). Например:

ЗАРЯЖАТЬ (НСВ) —	LAADIMA; INNUSTAMA
ЗАРЯДИТЬ (СВ)	
.....
2. (кого-что) чем	2.1. (<i>mida</i>) <i>millega</i>
3. порохом	<i>püssirohuga laadima</i>
	2.2. (<i>keda</i>)+ <i>Inf</i>
3. бодростью	innustama
МАЗАТЬ (НСВ) —
НАМАЗАТЬ (СВ)	
.....
2. (что) чем	2.1. (<i>mida</i>) <i>missuguseks</i>
м., н. желтой краской	<i>kollaseks võrpama, värvima</i>
	2.2. <i>Inf</i>
м., н. кремом	kreemitama
м., н. мазью	salvima
м., н. маслом	võidma
ЗАБЕГАТЬ (НСВ)	JOOKSMA HAKKAMA
1. кто + <i>Vf</i>	1. <i>kes</i>
дети забегали	lapsed hakkasid jooksma

ПОЛЮБИТЬ (НСВ)

1. кого-что

п. девушку

п. книги

2. что делать (инф.)

п. шить

ARMASTAMA HAKKAMA

1. *keda-mida*

tütarlast armastama hakkama

raamatuid armastama hakkama

õmblemist armastama hakkama

Таким образом, грамматическая информация, приводимая в словаре, лишь минимально необходима и исходит исключительно из потребности сопоставления двух языков, указания на существенные системные расхождения между ними в семантическом и синтаксическом аспекте.

Трудный вопрос лексикографии — омонимия — в двуязычном словаре особой проблемой не является. Практика показывает, что омонимам на языке перевода обычно соответствуют разные слова. Например:

*исходить*¹ = *lähtuma*; *tulema* и *исходить*² (много стран) = *läbi käima*; *справляться*¹ = *toime tulema*; *üle (jagu) saama* и *справляться*² (о ком, о чем) = *järelepärimist tegema*, *järele pärima*; *kontrollima* и т.д.

В составляемом русско-эстонском словаре сочетаемости глаголов указываются случаи омонимии русских глаголов, потому что исходным языком является русский.

Структура словарной статьи начинается с заглавного слова, напечатанного прописными буквами жирным шрифтом. Если русскому заглавному слову в переводе на эстонский соответствуют несколько слов, то запятыми отделяются друг от друга лексемы семантически близкие, а точкой с запятой — слова разных семантических полей.

В русской части словаря указывается словесное ударение и грамматический вид глагола — выделяются парно-, одно- и двувидовые глаголы. Поскольку в исконно-эстонских словах динамическое словесное ударение, как правило, стоит на первом слоге, то в словаре оно не приводится. В случае необходимости указывается на особенности употребления видов в зависимости от семантической или синтаксической сочетаемости русского глагола, а также на ограничения в использова-

нии форм лица и числа. Соответствующая помета дается курсивом. Если подобные ограничения не свойственны эстонскому глаголу, то в переводе это никак не отражается.

Синтаксическая сочетаемость глаголов обозначена пронумерованными и отпечатанными курсивом падежными вопросами, затем следует иллюстративный материал.

Завершается словарная статья приведением речевого образца (речевых образцов).

В переводе на эстонский язык схема описания синтаксической сочетаемости может или соответствовать, или же различаться. Например:

1) соответствие

ГАСИТЬ (НСВ) —
ПОГАСИТЬ (СВ)

KUSTUTAMA, SUMMUTAMA;
MAHA VÕTMA

в основном СВ

1. что

г., п. огонь

г., п. костер

г., п. спичку

г., п. свечу

г., п. свет

г., п. сигарету

г., п. долг

г., п. пламя

г., п. звук

г., п. скорость

г., п. напряженность

2. чем

г., п. водой

г., п. огнетушителем

1. mida

tuld kustutama

lõket kustutama

tikku kustutama

küünalt kustutama

valgust kustutama

sigaretti (uitsu) kustutama

võlga kustutama

leeki summutama

heli summutama

kiirust maha võtma

pinget maha võtma

2. millega

veega kustutama

tulekustutiga kustutama

2) расхождение

ГИБНУТЬ (НСВ) —
ПОГИБНУТЬ (СВ)

LANGEMA, SUREMA

в основном СВ

1. за что

г., п. за родину

2. на чем

1. mille eest

kodumaa eest langema

2.1. milles

г., п. на войне	sõjas langema 2.2. <i>millel</i>
г., п. на фронте	rindel langema
3. от чего	3.1. <i>millesse</i>
г., п. от голода	nälga surema 3.2. <i>mille kätte</i>
г., п. от болезни	haiguse kätte surema
г., п. от мороза	külma kätte surema 3.3. <i>mille läbi</i>
г., п. от руки врага	vaenlase käe läbi langema

Таким образом, русско-эстонский словарь сочетаемости глаголов представляет собой первый опыт реализации нового направления в эстонской двуязычной лексикографии. Составляемый словарь сочетает в себе элементы словарей толково-переводного и валентностного типа и опирается на речевой образец как модель порождения и восприятия речи.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д. 1990 — Формальная модель языка и представление лексикографических знаний. *Вопросы языкознания*. № 6. 123–139.
- Апресян Ю. Д. 1996 — О толковом словаре управления и сочетаемости русского глагола. *Словарь. Грамматика. Текст. Сб. научн. статей*. Москва. 13–43.
- Богуславский И. М. 1996 — *Сфера действия лексических единиц*. Москва.
- Золотова Г. А. 1994 — О новых возможностях лексикографии. *Вопросы языкознания*. № 4. 85–95.
- Мельчук И. А. 1995 — Толково-комбинаторный словарь [ТКС] русского языка. *Русский язык в модели «смысл □ текст»*. Москва–Вена. 3–16.
- Пихлак А. 1979 — Значение валентного и компонентного анализа слов для составления русско-эстонских словарей. *Уч. зап. ТГУ. Вып. 486: Проблемы описания системы языка и ее функционирования / Труды по русской и славянской филологии. Серия лингвистическая XXX*. Тарту. 123–142.
- Õim A. 1980 — Tähenduse diferentseerumine eesti ja vene keeles. *Keel ja Kirjandus*. № 4.

SUMMARIES

LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSION OF EVALUATION IN NEWSPAPERS' HEADLINES (on the Basis of Russian and Estonian)

S. Yevstratova

The author of the article describes such lexical and grammatical means of formation of the pragmatic trend of newspapers' headlines as phraseologically bound units, subjective deixis, evaluative lexemes, context-sensitive meanings of words, derivational affixes, elements of slang etc.

THE TYPE OF CONNECTION AND THE TYPE OF TEXT

J. Kostandi

The given article is a continuation to the previous articles of the author in which the different syntactic connections are analysed as one of the means of realisation of the pragmatic trend of speech.

In the given article syntactic connections realise of the different levels: between the words, subject and predikat, the parts of the complex sentences and the paragraphs of the text — are investigated in their interaction, as the whole complex, which reveals itself differently in the various types of texts.

MORPHONOLOGY OF THE OLD CHURCH VERBS OF CLASS IV6

J. Kudrjavitsev

In the given article the structure, word-formation and morphonology of the Old Church of verbal class IV6 are investigated. Historical comments are given.

THE ASPECT OF RUSSIAN VERBS AND SEMANTIC-SYNTACTICAL STRUCTURE OF THE SENTENCE

I. Külmoja

The use of verbal forms of aspect and tense in Russian depends on many factors; one of them is the syntactical structure of the sentence. The attention is paid to the influence of semantic-syntactical structure of the sentence on the use of aspect and tense forms in Russian.

ON THE FORMATION OF SEMANTICS OF A DERIVATIVE

O. Palikova

The present article discusses the correlation of the prognostication of derivative meaning and its idiomaticity. Conclusions have been made concerning the necessity of the differentiation of these notions. Also, the necessity of taking into account all the semantic nuances of the derived word (including its connotations) has been stressed in the analysis of the meaning of the derivative.

THE ROLE OF DIMINUTIVES IN MODERN RUSSIAN

E. Protassova

The article discusses the application of diminutive markers in modern spoken and written Russian (on the basis of various functional spheres of their use). It is suggested that diminutives mark the fact that the object mentioned belongs to the speaker or addressee as if it could be considered as entering their property or interests, rather than the fact of its smallness.

METAPHORICAL MEANINGS OF NOUNS RELATED TO THE SEMANTIC FIELD OF RELIGION AND MYTHOLOGY (describing a person)

T. Troyanova

It is interesting to investigate how metaphors can be used for describing a person because the language does not stop the most remote

comparisons in the formation of the anthropocentric metaphors. In this article the author analyses metaphorical meanings of nouns related to the semantic field of religion and mythology. Special attention is paid to the structure of the metaphorical process.

MODAL CONSTRUCTIONS OF NECESSITY EXPRESSED BY *NUZHEN*

S. Turovskaya

The paper analyses semantic features relevant to the modal predicate *nuzhen*. It describes the conditions under which the predicate is used: its lexical meaning, general thematic sphere of the utterance, projected relation between the speaker and the addressee. The semantic potential of these utterances is determined by external boundaries — the borderline of the necessity concept (the agent's purpose and means of achieving it).

ABOUT THE LINGUISTIC INTERPRETATION OF CAUSE-AND-EFFECT RELATIONS

E.-O. Haag

The paper establishes differences between the logicphilosophical understanding of cause-and-effect relations and explanatory meaning expressed in language. (The) language expresses explanatory relation; a variety of cause-and-effect relations in the narrow ontological sense.

THE USE OF ASPECT FORMS IN THE INFINITIVE OF THE RUSSIAN LANGUAGE

M. A. Shelyakin

The article deals with the description of fixed and synonymical use of aspects of the infinitive. It has been proved that these types of the use of aspect forms of the infinitive are connected with the specific expressed in the sentence of semantic fields.

WHAT THE IDIOM *PEREMYVAT' KOSTOCHKI* MEANS*A. Šteingold*

The author tries to explore the origin of the idiom *peremyvat' kostochki* on a broad background of the comparative analysis of both linguistics and anthropology. A number of new etymological suggestions are given concerning the words connected with Russian *kost'* (a bone): *koshchey*, *kostroma*, *kost'or*.

ON THE QUESTION OF FUNCTIONS
OF THE WORD ORDER IN RUSSIAN*V. Šišadneva*

In the given article polyfunctionality of word order is discussed and the classification of its functions, significant for Russian, is offered. The consideration of polyfunctionality of the word arrangement allows to specify the concept "a free word order".

RUSSIAN-ESTONIAN DICTIONARY
OF THE VERBAL GOVERNING:
INITIAL SUGGESTIONS*P. Eslon*

The Russian-Estonian dictionary of the verbal governing, being compiled at the moment, includes 999 main frequently used words. The dictionary describes their grammatical agreement and semantic governing; at the end of the description of the words there is a phrase or sentence with the word, which is primarily necessary for teaching and translating. The dictionary is a synthesis of bilingual explanatory dictionaries and dictionaries of verbal governing.